

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 2 2021 / ТОМ 27

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

СОЦИОЛОГИЯ /
УПРАВЛЕНИЯ

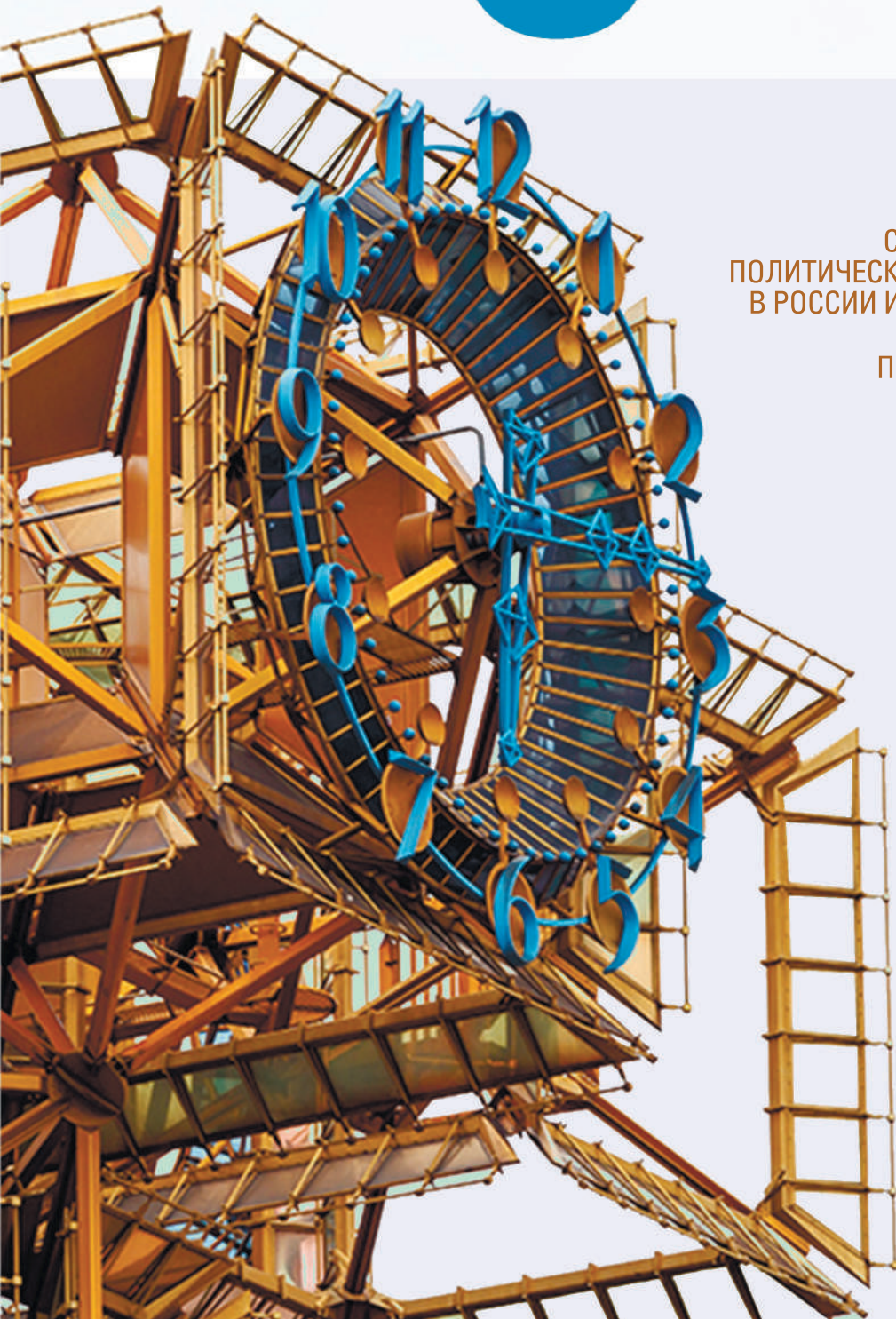
СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ /
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ /
СОЦИОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНЫЕ /
ОТНОШЕНИЯ

РЕЦЕНЗИИ /

ISSN 2308-829X print
ISSN 2713-0681 online

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 2 / 2021

Том 27

DOI: 10.19181/nko.2021.27.2

рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН; декан социологического факультета РГГУ.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальная школа политических исследований и государственного управления (Румыния).

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, зав. отделом ИСПИ ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор философии, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, зам. директора, руководитель центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Ковалевски Мацей доктор философии, профессор, Щецинский университет (Польша).

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Борисовна, доктор философских наук, профессор, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Орлова Ирина Викторовна, доктор социологических наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Объединенного центра социологии и экономики знания ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Пинчук Андрей Юрьевич, доктор политических наук, первый проректор МГТУ «СТАНКИН».

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, зав. отделом, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, гл. научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, зав. кафедрой РГГУ.

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National School of Political Studies and Public Administration (Romania).

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, Main researcher, ISPR FCTAS RAS; Leading Researcher, Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Science Chief of the Institute of Psychology RAS.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Chief of the Center for Youth Sociology ISPR FCTAS RAS.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPa.

Maciej Kowalewski, Ph.D., Professor, University of Szczecin (Poland).

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Main researcher, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPa.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina B. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Irina V. Orlova, Doctor of Sociology, Professor, RANEPa.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Joint Center for Sociology and Economics of Knowledge, ISPR FCTAS RAS.

Andrey Y. Pinchuk, Doctor of Political Science, First Vice-Rector of the Moscow State University of Technology "STANKIN".

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Main researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, RANEPa Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Department, Main researcher, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Leading Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, Centre for Development Studies University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Main Researcher Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of Department, RSUH.

Vladimir I. Chuprov, Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Franz E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

Содержание

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Сакка Ф., Селва Д.

Женщины-политические лидеры в период пандемии: сравнение представлений Дж. Ардерн и Д. Трампа о кризисе COVID-19 8

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гуселетов Б. П.

Итоги парламентских выборов в Нидерландах и их влияние на российско-нидерландские отношения 22

Баканова М. В.

Территориальный фактор сегрегации российских граждан, проживающих за рубежом 30

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Татаров Р. А.

Приднестровская развилка: к вопросу об основании и реализации выбора приднестровского народа 39

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бельмонт Р., Негри М.

Анализ репрезентации проблемы гендерного насилия в рамках медиа-дискурса. На примере итальянской прессы 48

Сакка Ф., Массидда Л.

Стереотипы и предрассудки в правовом представлении гендерного насилия. Социокультурный анализ судебной практики Италии 62

Гибадуллина М.Р., Кусанова Д.С.

Женский мусульманский активизм в общественном дискурсе Республики Татарстан 74

РЕЦЕНЗИИ

Мерзликин Н.В.

Российская социальная реальность накануне нового этапа работы Государственной Думы 81

Бусыгин А.Е.

Куда ведут Украину? 91

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2021
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2021

Content

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Sacca F., Selva D.

Women political leaders in pandemic times: comparing
Jacinda Ardern' and Donald Trump's representation of the covid-19 crisis 8

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Guseletov B. P.

Results of the Parliamentary Elections in Netherland
and their Impact on Russian-Netherlands Relations. 22

Bakanova M. V.

Territorial factor of segregation of Russian citizens
living abroad 30

POLITICAL SOCIOLOGY

Tatarov R. A.

Pridnestrovian fork: on the question of the basis
and implementation of the choice of the Pridnestrovian people 39

GENDER RELATIONS

Belmonte R., Negri M.

Analyzing social representation of gender-based violence
throughout media discourse. The case of the Italian press 48

Sacca F., Massidda L.

Stereotypes and prejudices in the legal representation of violence
against women. A socio-cultural analysis of the judgments
in the Italian courts 62

Gibadullina M. R., Kusanova D. S.

Muslim female activism in social discourse of the republic of Tatarstan 74

REVIEWS

Merzlikin N. V.

Russian social reality on the eve of a new stage
of the State Duma work. 81

Busygin A. E.

Where do they lead Ukraine? 91

© ISPR FCTAS RAS, 2021
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2021

WOMEN POLITICAL LEADERS IN PANDEMIC TIMES: COMPARING JACINDA ARDERN' AND DONALD TRUMP'S REPRESENTATION OF THE COVID-19 CRISIS

The essay is based on a Research Project of National Interest (PRIN2017) funded by the Italian Ministry of University and Research, carried out by Tuscia University's research unit, coordinated by Prof. Flaminia Saccà, within a wider national research network "The Transformations of Democracy: Actors, Strategies and Outcomes in Opposing Populism in Political, Juridical and Social Arenas", coordinated by prof. Carlo Ruzza (University of Trento).

Abstract: In the context of the Covid-19 meta-crisis, leadership styles have emerged as a key factor for determining a country's ability to contain the contagion and recover. In what follows, we want to explore the features of such leadership styles by taking a gender perspective. This article argues that women leaders have successfully governed the crises originated by the pandemic not only because of their inherent ability to build relationships, enhance community bonds, and "tune" with the anxieties of citizens; the women leaders' approach to science has proven to be decisive as well. Contrarily to common-sense expectations, when compared with men leaders, women have demonstrated to be more responsive and attentive to scientific advice, and to use their understanding of science as a factor of legitimacy. Our data are based on a wider research project granted by the Italian Ministry of Research and coordinated by prof. Saccà. We have analyzed the discourses of two case studies, Donald Trump and Jacinda Ardern, as they identify ideal-typical features of two opposing leadership styles as far as science is concerned. The analysis of rhetorical formulas and frames highlight the differences in their discourses and approaches and proves how the women leaders' ability of listening to experts' advice and the needs of specific sectors of the population has been decisive for the success of the measures of containment of the virus.

Keywords: women leaders, communication, Covid-19, science, politics.

For citation: Sacca F., Selva D. (2021) Women political leaders in pandemic times: comparing Jacinda Ardern' and Donald Trump's representation of the COVID-19 crisis. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 2. P. 8-21. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.1

Introduction. As some have already pointed out, the pandemic can be read as a meta-crisis, i.e. a crisis that comprehends many other sub-crises, such as the crisis of the Welfare State (and particularly of the public health care system), the crisis of economy, and most of all the crisis of political legitimacy and decision-making when confronted with science. In this view, the pandemic has catalyzed trends that were already at play in the contemporary political landscape, namely the reinforcement of political leadership (i.e. leaderization), and the increasing importance of communication as a simulacrum of a direct, disintermediated relationship between the leader and her/his constituencies [1; 2].

In such a critical momentum, leadership styles have emerged as a key factor for determining a country's ability to contain the contagion and recover. In what follows, we want to explore the features of such leadership styles by taking a gender perspective. This article argues that women leaders have successfully governed the crises originated by the

pandemic not only because of their inherent ability to build relationships, enhance community bonds, and “tune” with the anxieties of citizens; the women leaders’ approach to science has proven to be decisive as well. Contrarily to common-sense expectations, when compared with men leaders, women have demonstrated to be more responsive and attentive to scientific advice, and to use their understanding of science as a factor of legitimacy.

In respect to science, we can identify two ideal-types of leadership styles: the first is anchored to a populist rhetoric and strategy, performing a muscular-masculine style that does not tolerate scientists’ caution, and tends to represent the pandemic as a war to be fought. The second one is focused on concepts of precaution and solidarity, and sees the pandemic as a serious challenge that needs people to take care of themselves and of others. The two ideal-types are embodied in the figures of Donald Trump and Jacinda Ardern. We have collected and analyzed all the speeches they have given during the first wave of the pandemic in order to compare their styles. We argue that their discourse and performance has influenced the social representation of the pandemic and of its scientific base, thus influencing the efficacy of their policies and decisions.

Political Leadership and Science: A Gender Issue. The concept of leadership has been addressed by many disciplines. Sociology tends to interpret leadership as a matter of performance rather than of ontological or psychological attitudes [3]. From this perspective, leadership is built through the relations that take place within social groups and can vary according to the situation; in the terminology of Erving Goffman’s dramaturgical model [4], the interaction context (i.e. the frame) influences the agents’ (i.e. the actors) behaviors. Most frames are applied unconsciously and in a stereotyped fashion, because humans tend to simplify the complexity of reality and absorb new information in already known schemes. This process is described by Goffman as typicalization [4].

Applied to political leadership, this model suggests that political communication is similar to a show, where many characters have a role to play. No matter what the content of such communication is, every move has a performative nature, aiming at embedding reality in the most favorable frame for the leader. A long strand of literature (probably started with Nichols [5], but with origins in the psychological account of schizophrenia) has highlighted how the typical frames in which women have been embedded for centuries can be condensed into two opposing models: the mother/angel model on the one hand, a model that depicts women as persons who deserve protection by men and who, on their turn offer men their caregiving services; and the “prostitute” model on the other hand, where a woman’s freedom and independence has been seen as a potential threat to men, morality and society. The sexual references underpinning this interpretation are appropriate in the context of societies that have always used sexuality as a field into which social control should be exercised; gender bias and power inequalities are often justified through sexual dispositives [6; 7]. The case of the United States, for instance, has inspired the “motherless” State’s critique [8], in which women leaders can be found in the private sector, while in the public and political arena they continue to hide behind traditional role-models also due to the absence of social welfare policies capable of relieving their maternal duties. Indeed, the theory of the double bind can be read as a contemporary readaptation of the witch hunt: women accused of witchcrafts were tortured to confess, and they were punished if they did so and if they did not as well [9]. Contemporary women leaders, ranging from private management to political organizations, suffer the same clichés: competence is framed as the opposite of femininity [10]. The case of Hillary Clinton is archetypical of this mechanism [11].

Although leadership has been historically tied to masculine personality traits, the increasing number of women leaders in both the private and the public sphere is

suggesting a reversal of this assumption. The qualities that a leader must possess are rapidly changing, theoretically and practically. Theoretically, the transformational leader’s model include the ability to engage the members of the group into a collective project – in other words, a transformational leader must be able to transform each one’s interests in an inclusive vision [12], and this is in contrast with transactional modes of in-group relationship. Although echoing some traits of the charismatic leader [3], the transformational leader negotiates its power and builds its legitimacy in an inter-subjective agreement. Practically, people’s perception about the attributes of leadership are shifting. Figure 1 takes the case of the United States as an example of how Western culture is adapting to women leaders.

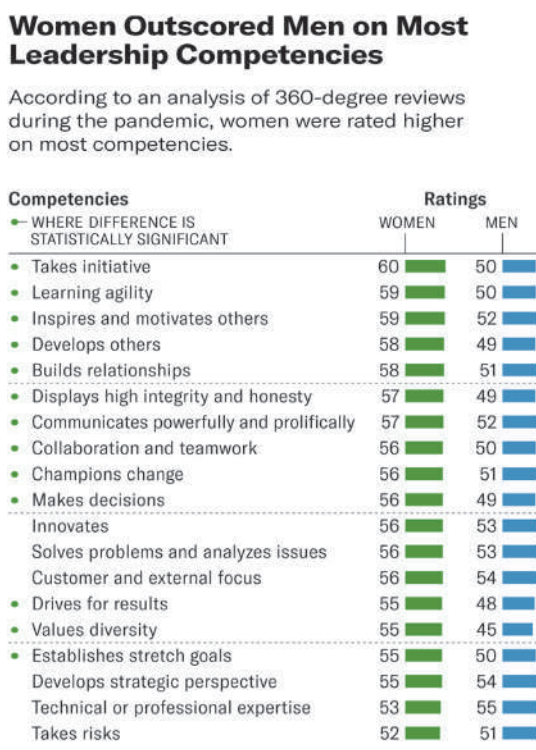

Figure 1. Qualities of leaders according to people working with them (US only).

Source: Zenger, J., & Folkman, J. Research: Women Are Better Leaders During a Crisis [13].

Albeit limited to one country, those data suggest that women leaders are reversing the gender bias in their own favour: the diversity between men and women is not denied, but sees women winning the comparison. Of course, it is not a biological or psychological determined diversity, but rather the result of centuries of education in which empathy and care have been the exclusive domain of women; and during a disastrous pandemic, it turns out that those competences are pivotal. Nor should we underestimate the impact of feminism on changing political cultures and democratic institutions, that are now more than ever inclined to see women leaders as role-models.

There is another aspect in which women leaders have excelled more than men: the extent to which their policies and decisions were informed by scientific advice

has contributed to the successful management of the pandemic. A comparative study has demonstrated that the 19 countries led by women (only <10% of the total) have systematically reported less cases and less deaths during the first wave of Covid-19, as compared with countries led by men [14]. The study shows that countries led by women have some background characteristics that might favour the management of crises: those are richer, more populated, older, with stronger welfare states, more equitable. All those characteristics are sufficient (although not necessary) to see a woman in the most powerful position. However, it is interesting to notice, that even in comparison with countries that have the most similar characteristics, when women were in charge, the country could count – on average – between 15 to 20,5 thousands cases of infections and about 1,6 thousands deaths *less* than the countries led by men. Although we have not analyzed public policies against the Covid-19, we can still present some examples about the measures undertaken by women leaders worldwide; table 1 lists them at a glance.

Table 1

Examples of public policies against the Covid-19 by women leaders worldwide

Leader	Country	Measure
Sheikh Hasina	Bangladesh	Immediate release of a package supporting economic recovery
Tsai Ing-Wen	Taiwan	Timing response thanks to an updated pandemic plan and infrastructure; design of digital tracking systems based on QR codes
Katrín Jakobsdóttir	Iceland	Early adoption of digital tracking systems and rigid border control
Sanna Marin	Finland	Early adoption of digital tracking systems and use of social media to spread knowledge of the virus
Angela Merkel	Germany	Clear instructions to the population and strict reliance on epidemiological data
Erna Solberg	Norway	Press briefings with children, giving instructions about personal hygiene

Source: data from PRIN 2017 Tuscia University's research unit coordinated by Prof. F. Saccà, within the national research project "The Transformations of Democracy: Actors, Strategies and Outcomes in Opposing Populism in Political, Juridical and Social Arenas", granted by the Italian Ministry of Research. Coordinated by prof. Carlo Ruzza (University of Trento).

This evidence suggests to investigate the peculiarities of women leaders performing their power and authority during the Covid-19 pandemic. In what follows, we are going to illustrate some of those features.

Comparing Political Discourses and Power Performances. This study relies on a mixed-methods approach to political speeches that employs quantitative analysis of words, frame analysis and discourse analysis [15-16]. Indeed, critical discourse studies have pointed at analyzing political speeches in terms of rhetorical formulas, choice of words, use of distinctive phrasing, and emotional repertoire; what critical discourse studies postulate is that all such elements cannot be understood without taking into consideration the wider context in which speeches are pronounced. Hence, we move on a double track: from the one side, we aim at comparing how men and women leaders have communicated during the pandemic; from the other side, we investigate how their communication and performance of power has contributed to diverging representations of science and politics.

We have retrieved all oral speeches pronounced by both Donald Trump and Jacinda Ardern during the first wave of the pandemic. The corpus includes 75 speeches by Trump given from February 26, and April 26, 2020, and 43 speeches by Ardern from March 14 to May 14, 2020.

Following Goffman's model, we can interpret speeches as situations in which leaders perform their power position; in setting up the frontstage, leaders assign a role to

other actors, such as allies, advisers and opponents, and all of them form part of a choreography [17-19]. In this perspective, we have analyzed the role of scientific experts in such performances. Both leaders have chosen to host daily press briefings, accompanied by top scientific advisors (dr. Andrew Fauci and dr. Deborah Birx in the case of Donald Trump; dr. Ashley Bloomfield in the case of Jacinda Ardern). Experts have been given the floor repeatedly during the briefings. Notwithstanding, their role has been questioned by Donald Trump, who has contradicted them and tried to downsize their warnings on many occasions. At the end of April 2020, dr. Fauci has eventually decided to suspend his appearances in Trump's press briefings. On the other hand, Jacinda Ardern has involved top scientific experts not only in press briefings but also in several "conversations" on her social media accounts. The outlet and the overall tone were colloquial and run with a plain language, to ensure full understanding by the public.

Finally, figure 2 depicts how scientists have judged the extent to which country leaders have taken scientific advice into account: United States and New Zealand are dramatically apart.

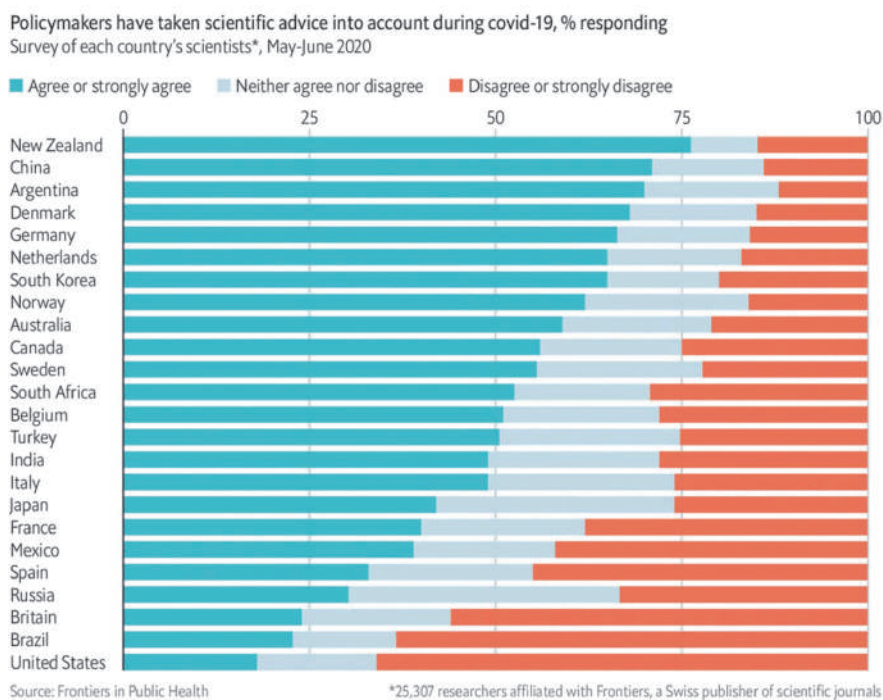

Figure 2. Survey data on country leaders' relationship with science.

Source: Are governments following the science on covid-19? *The Economist*. November 11, 2020. URL: <https://u.to/0D1TGw> (last request 12.03.2021).

The parts of the press briefings in which the two leaders intervene have been analyzed through a coding scheme created for the purpose. Each speech has been decomposed in segments according to the topics and sub-topics, and for every segment the coder has identified a frame. The topics' list includes: 1) the international crisis (i.e. references to the WHO, to international relations and relations with China in particular); 2) public health (i.e. discussion about the precaution principle, the sanitary measures, the characterization of nurses and doctors, the vax vs. no-vax disputes, the efforts to produce therapies and vaccines); 3) the economy (i.e. strategies for the recov-

ery and for contrasting unemployment, special measures in support of specific sectors through public funding and tax cutting, reconversion of national manufacturing to enhance medical supplies); 4) science (including the role of scientists, scientific disputes, and pseudo-scientific therapies); 5) politics (i.e. the characterization of the leader, of her/his opponents, of the government, of the country and of citizens, of foreign countries and of possible internal enemies); 6) the media (i.e. characterization of the media, discussions about the transparency of decision-making, disputes about fake news); 7) gender (i.e. characterization of women and LGBTQI+ communities, balance of work at home during smart working, domestic violence); and 8) education (i.e. characterization of the education system, children's safety at school, discussions about schools' closure and opening, characterization of teachers and e-learning methods). Figure 3 shows the distribution of the topics addressed by Donald Trump and Jacinda Ardern.

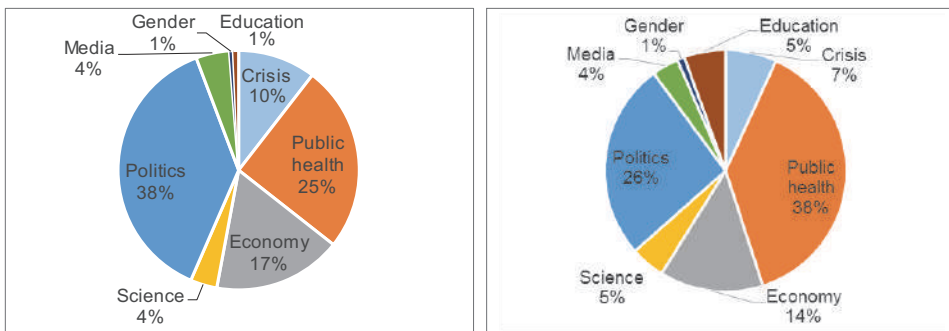

Figure 3. Comparison of the topics addressed by Donald Trump and Jacinda Ardern.

Source: data from PRIN 2017 Tuscia University's research unit coordinated by Prof. Flaminia Saccà, within the national research project "The Transformations of Democracy: Actors, Strategies and Outcomes in Opposing Populism in Political, Juridical and Social Arenas", granted by the Italian Ministry of Research. Coordinated by prof. Carlo Ruzza (University of Trento).

The most striking difference between the two leader lies in the different weight assigned to politics and public health. As we can see from fig. n. 3 the percentages are exactly reversed: Trump is much more focused on politics (38%) than on public health (25%), and Ardern is committed to public health (38%) more than politics (26%). For both leaders, the economy is the third topic to be addressed (17% for Trump and 14% for Ardern), followed by the international crisis (10% and 7%), the media (4% both), science (4% and 5%), and gender issues (1% both). Ardern is less concerned by the international crisis than Trump, but more attentive to the problems of the education system and the wellbeing of children not going to school (5% of Ardern vs. 1% of Trump).

Trump's frames. The features of Trump's discourse have been extensively analyzed prior the pandemic [15-16; 20]. He is the ideal-type of "angry populism", "shameless impoliteness" and of "a Manichean ideology, [where] there is a clear-cut contrast between 'attack and eliminate' phrases and 'protect and defend' phrases" [15, p. 189] that reduces all aspects of a nation's life to a matter of competition between the super-good and the super-evil. He has faced the pandemic coherently. We have traced three phases in his communication:

- 1st phase: February 26 – March 10: the discourse is oriented at calming down and reassuring citizens that the Covid-19 is like a seasonal flu. This argument is supported by flu mortality rate compared to those of Covid-19. The message addressed not only citizens but financial markets as well;

- 2nd phase: March 11 – April 6: the national emergency is declared, but the underlying message remains the same: the ability of the US to ensure a quick solution of the crisis. Scientific research on therapies and vaccines is transformed in an adventurous tale, where the hero (the leader and by extension the American people) confronts with many troubles but does not despair. The first results are presented with a complete repertoire of hyperboles, notwithstanding missing scientific evidence, and the private sector is exalted (the pharmaceutical industry, the supply chain and the ability of the whole system to reconvert itself to the critical context);
- 3rd phase: April 7 - 24: the quick solution has not arrived, and Trump begins to delineate the enemy. As in every crisis, the people is called to be unite and strong, and Trump does so by identifying a common enemy, which is not only the virus but also, for extension, the country the virus came from (China) and every single entity accused to side with it (the World Health Organization). Trump's famous claim for the first presidential campaign was "Make America Great Again": the pandemic has revived this motto by adding another dimension to the sense of deprivation that it suggests. In many circumstances, Trump has advocated for the US to reach a "pharmaceutical independence" from China's supplies. Thus, the "Washington establishment", "the Deep State" and the Democrats are marked as "defeatists". His policies follow this imperative too: the possibility of a lockdown is described as generating more death than the virus itself.

At the beginning of the virus spread in the US, he has justified his decisions by inviting the people to stay calm, relax, and have faith in what he was doing:

"Now, you treat this like a flu. [...] But there are certain steps that you can take that won't even be necessary. You know, in many cases, when you catch this, it's very light; you don't even know there's a problem. Sometimes they just get the sniffles, sometimes they just get something where they're not feeling quite right. And sometimes they feel really bad. But that's a little bit like the flu. It's a little like the regular flu that we have flu shots for. And we'll essentially have a flu shot for this in a fairly quick manner" (February 26).

After an initial harmony with his scientific advisors, since the 2nd phase onwards Trump underlines his disagreement with dr. Fauci and dr. Birx. He encourages the people to use pseudo-scientific methods and therapies, combined with a representation of science as divided in factions, non-exact, disputed and hence disputable. "Alternative facts" is the formula used to answer to contrasting evidence; media highlighting fallacies, contradictions or mistakes are then branded as "fake news", in the name of post-factuality where every thesis has an antithesis enjoying an equal legitimacy.

The source of legitimacy for the "facts" he is presenting is actually himself. He has constantly remarked that people could rely on him: for instance, he claimed that certain drugs or disinfectants could be effective (in particular hydroxychloroquine and UV rays), or he has recommended the use of face masks, but in the end leaving the people free to decide whether to wear them or not. Actually, he even claimed that masks can also be substituted by scarves:

"You know, you can use a scarf. A scarf is – everybody – a lot of people have scarves, and you can use a scarf. A scarf would be very good. And I – my – my feeling is if people want to do it, there's certainly no harm to it. I would say do it, but use a scarf if you want, you know, rather than going out and getting a mask or whatever. We're making millions and millions of masks, but we want them to go to the hospitals. I mean, one of the things that Dr. Fauci told me today is we don't want them competing. We don't want everybody competing with the hospitals where you really need them" (March 31).

Trump's is a quasi-magical, pre-modern approach to science: it is not based on evidence and on rigorous control by experts. Instead, pseudo-science is given a mark of reliability that depends on Trump's intuition, in a sort of transfer of competence from business to science (as if they were the very same thing):

“Look, it may work, and it may not work. And I agree with the doctor, what he said: It may work, it may not work. I feel good about it. That's all it is. Just a feeling. You know, I'm a smart guy. I feel good about it. And we're going to see. You're going to see soon enough. And we have certainly some very big samples of people, if you look at the people. You have a lot of people that are in big trouble. And this is not a drug that — obviously, I think I can speak for a lot of — from a lot of experience, because it's been out there for over 20 years. So, it's not a drug that you have a huge amount of danger with. It's not like a brand-new drug that's been just created that may have an unbelievable monumental effect, like kill you” (March 20).

Hence the American people is meant to rely on companies and on Trump himself.

“My administration is working very aggressively to pioneer new medical countermeasures to treat and prevent infection. Working on a lot of things. We must utilize our nation's scientific brilliance to vanquish the virus. We have to vanquish the virus as quickly as we can, because we have a lot of things happening in this country, and we have a great future, but we have to get back to work. This week, the FDA established the Coronavirus Treatment Accelerator Program, which is expediting the development of few anti- — antiviral and other therapies, and they're doing it on a very rapid basis. And I think we're having some very good results. We'll tell you about that” (April 4).

He has emphasized a war frame depicting himself as the commander-in-chief going to vanquish the virus.

“My administration is marshalling the full power of the American government, and we will do that, and that's what we've done, and we will continue to do it until our war is won. Economic, scientific, medical, military, and homeland security — all of this to vanquish the virus” (March 27).

“So let me be extremely clear about one point: We will move heaven and earth to safeguard our great American citizens. We will continue to use every power, every authority, every single resource we've got to keep our people healthy, safe, secure, and to get this thing over with. We want to finish this war. We have to get back to work. We have to get — we have to open our country again. We have to open our country again. We don't want to be doing this for months and months and months. We're going to open our country again. This country wasn't meant for this. Few were. Few were. But we have to open our country again” (April 4).

This trait was even accentuated during the electoral campaign, since May 2020 on, and especially after he recovered from the Covid-19 in mid-October, a couple of weeks before his defeat; the identification between the leader and the people has reached a new standard in that occasion.

Ardern's frames. Jacinda Ardern's communication of the crisis is the opposite of Donald Trump's. Some years ago, Ardern has described herself as being an “empathetic leader”, highlighting her will to get “in tune with” citizens, emotionally and operatively¹. The pandemic has further stressed this trait.

She did not need to identify an enemy to nurture a sense of belonging and solidarity among the people. Instead, she has insisted on two related aspects: on the one side, the grief and sorrow for the loss of so many people and for their families that cannot give them the last goodbye:

¹ Jacinda Ardern: It takes strength to be an empathetic leader // *BBC News*. 14 November 2018. URL: <https://u.to/CjRTGw> (last request 12.03.2021).

“I’ve read messages from those who have lost loved ones that couldn’t come together to grieve for them. I’ve read stories of brand-new parents whose most joyful time has been made so difficult because of separation; businesses who are worried for their livelihoods, and for the family that are their employees. I am acutely aware of the pain many New Zealanders are feeling” (April 9).

On the other side, the pride and gratitude for the health care workers who were working so hard to contain the effects of the virus under the hardest circumstances.

The empathic side of her communication does not imply a “soft” approach to policymaking. Her response to the pandemic has been incremental and always relying on scientific advice. The government has created a four-phases system based on rigorous criteria:

“Alert Level One is where COVID-19 is here but contained. In this phase we prepare. The basics, like border measures, contact tracing, and cancelling mass gatherings are activated. You’ll see that this is where we have been when COVID first arrived in New Zealand.

Alert Level Two is where the disease is contained but the risks are growing because we have more cases. This is when we move to reduce our contact with one another. We increase our border measures, and we cancel events. This is also the level where we ask people to work differently if they can and to cancel unnecessary travel.

Alert Level Three is where the disease is increasingly difficult to contain. This is where we restrict our contact by stepping things up again. We close public venues and ask non-essential businesses to close.

Alert Level Four is where we have sustained transmission. This is where we eliminate contact with each other altogether. We keep essential services going but ask everyone to stay at home until COVID-19 is back under control” (March 21).

For each level (prepare – alert level 1, reduce – alert level 2, restrict – alert level 3, lockdown - alert level 4), a range of measures has been applied, from border closure to complete self-isolation. During her press briefings, she has always recapitulated the current phase and its features in terms of social activities that were allowed or forbidden. The shift from one phase to another was not automatic: all decisions “are based on science and evidence” (March 16), and taken under the principle of precaution:

“It is not the time to be relaxed or flexible: act as if you have Covid-19” (March 25).

“Media: what was your first reaction today when that zero figure hit your desk?”

Ardern: First I heard the zero, and then I heard the one “confirmed” and the fact that it was transferred from a “probable”. I’m a perfectionist; I want to see those numbers after we’ve been in alert level 3 long enough for it to be a reflection of alert level 3. And so, at the moment, what we’re seeing is all of the good work New Zealand has put into the lockdown. This is the waiting room. This is where we check if we’re recovering well and that we’ve got it right. We need a few more days to check we have” (May 4).

Coherently, Ardern’s communication has been firm and severe, aimed at clarifying the dramatic moment without downplaying its seriousness. Citizens are motivated to respect the rules of containment given the gravity of the danger:

“I also said we should all be prepared to move quickly. Now is the time to put our plans into action. We are fortunate to still be some way behind the majority of overseas countries in terms of cases, but the trajectory is clear. Act now, or risk the virus taking hold as it has elsewhere. We currently have 102 cases. But so did Italy once. Now the virus has overwhelmed their health system and hundreds of people are dying every day. The situation here is moving at pace, and so must we” (March 23).

“Our numbers are going to go up and the modelling I’ve seen suggests that they will go up quite considerably. [...] So don’t be disheartened when you see that. Don’t be disheartened when you see that ongoing increase because of that lag, all of the efforts that we’re putting in should eventually show if we all follow the rules. Til then, do check in on your neighbours, do especially check on those who may be elderly. Give them a call see what their

needs are and if you can help them, go out and grab their essentials and pop them on the front door for them. I'm just remembering the way we can keep them safe is by keeping our distance. Remember, stay at home, break the chain and you'll save lives and it's as simple as that. That's everyone's job for the next four months" (March 26).

The empathic leadership does not leave room to misunderstandings in terms of scientific or legal knowledge. The consequences of the virus on the individual, on specific categories (such as children, ethnic minorities, immigrants, and New Zealanders abroad), and on society as a whole are clearly explained in a plain language, also with the support of experts.

"It is not realistic for New Zealand to have only a handful of cases. The international evidence proves that is not realistic, and so we must plan and prepare for more cases" (March 14).

"I want to reflect on an issue that has been front of mind for us during this period of lockdown, and that's the issue of mental health. I know there are some people who are feeling distressed, anxious, or worried at this time, and that is completely understandable. [...] That's why we will, tomorrow, release campaigns and resources with tips designed to help Kiwis cope with the stresses created by COVID-19, not just through lockdown but beyond that, too" (April 6).

While acknowledging the limitations of any possible enforcement of the rules of containment, Ardern has highlighted the surveillance strategies and the sanctions for violators.

"This is not just a situation where we are relying on people; we will enforce it, and we will enforce it strictly" (March 31).

"You will have seen an increase in police enforcement in recent days. I expect that to continue, including roadblocks in some places this Easter weekend. While most are doing the right thing, some are not. We cannot let the selfish actions of a few set us back, and we won't, especially after all that everyone has sacrificed to get us here" (April 9).

"Then it'll be a matter of us then checking in on those work sites. As you can imagine, there will be a large number opening—400,000 going back to work—and so it won't be possible to be present everywhere. This is a high-trust model" (April 22).

In Ardern's communication, "breaking the chains of transmission" and "flattening the curve" of contagion are the most important goals. All her political projects are condensed and subsumed within this framework. It seems like fighting the virus absorbs any other social issue. In her discourse, the economic difficulties experienced by the population depend on the pandemic, just as job losses and mental health problems do.

"Before I conclude, I want to dwell briefly on some of the discussion I've seen emerge over the past few days over what kind of public health response is best for the economy. I've said it many times before and I'll say it again: no matter what it is you favour, the solution is the same: fight the virus. A strategy that sacrifices people in favour of, supposedly, a better economic outcome is a false dichotomy and has been shown to produce the worst of both worlds: loss of life and prolonged economic pain" (April 5).

"Our priority, as it has been throughout these recent weeks is the health of New Zealanders, because that also the way that we can protect livelihoods. Of course, we've also put measures in place to cushion the economic impact by keeping as many New Zealanders in jobs as possible, and by providing assistance to ensure as many Kiwi businesses as possible remain viable. We'll continue to do this, but I know what everyone wants is a return to the day when that is no longer required, either" (April 27).

Her final message asking the population "to be kind" is meant to ask people to fight negative emotions and loneliness deriving from the necessary social distancing. She

repeats this concept in several occasions, alongside with expressing her empathy with people's pain and sorrow:

“What we need from you, is to support one another. Go home tonight and check in on your neighbours. Start a phone tree with your street. Plan how you'll keep in touch with one another. We will get through this together, but only if we stick together. Be strong and be kind” (March 23).

“I also want to re-emphasise the need for kindness and support” (March 29).

“I am acutely aware of the pain many New Zealanders are feeling” (April 9).

“We feel acutely the struggle that many New Zealanders are facing – it's about leadership” (April 15).

“We cannot forget that every number is someone's father, someone's mum, a relative, or a friend, and someone that we have all been united in an effort to protect and to save” (April 20).

Contrarily to the clichés, an empathic leadership does not weaken her authority. As her Ministry of Health, David Clark, is caught in infringing the lockdown, she makes it clear that she won't fire him only because of the current emergency but she still finds a way of stigmatizing his behaviour by moving him to the “bottom of the Cabinet rankings” (and he will eventually resign in July).

“I want to share with you what I shared with him: under normal circumstances, I would sack the Minister. What he did was wrong and there are no excuses. But my priority above all else is our collective fight against COVID-19. [...] Simply put, I determined that we cannot afford massive disruption in the health sector or to our response, because David Clark continues to possess what we require, as our health Minister, to take on COVID-19. For that reason and that reason alone, Dr Clark will maintain his role, but he broke the rules and he does need to pay a price. So, while he maintains his health portfolio, I have stripped him of his role as associate finance Minister and demoted him to the bottom of our Cabinet rankings” (April 7).

When the situation starts to look brighter, the lockdown gradually finishes and “a high-trust system” is established (April 22): all people are required to respect the rules of containment even in the impossibility of control and enforcement.

Also, thanks to the isolated position and the geographic distance from other countries, Ardern's strategy has brought New Zealand to eradicate the virus after two months from the first case. In the end, she and her party – the Labour party – won a full majority for the second mandate in the October 2020 elections.

Conclusions. The analysis of Donald Trump' and Jacinda Ardern's discourses on the pandemic crisis underlines how much they differ from each other; in this sense, they represent the purest form of their respective ideal-types of leadership. Given the particular nature of the Covid-19 meta-crisis (i.e. opening a space of reflection and discussion about already-existing crises while at the same time creating new ones), leaders are particularly under pressure. Trump's “war” narrative's frame might be successful when it comes to winning the elections under certain circumstances, but it has crashed dramatically against the pandemic. On the contrary, the complexity of messages related to science, the need for patience and sacrifice in the light of a better future that were brought by the pandemic, seem to have rewarded Ardern's style of communication and, more generally speaking, of leadership.

In this article we have shown how this efficacy is anchored to a specific leadership style, but it is not just a symbolical or cultural matter. Data coming from multiple sources confirm that this kind of pact between women leaders and the population is

grounded in a stricter compliance to rules of containment and to more efficient responses to the meta-crisis.

For those reasons, we bet that the present generation of women leaders, those who won against the Covid-19, will constitute an essential point of reference for future leaders (hopefully not only for women). Despite the differences among them and among their countries, those women are characterized by the ability to nurture multiple syncretisms: between power and empathy, between scientific rigor and the widest possible divulgation of science, between economic efficacy and care. For the whole history of humanity women have been associated (and confined) to the concept of care, as if their only social function was assisting the partners, children, elders and ill people, and for extension the places where they live (i.e. home). This generation of women leaders have overcome this suffocating prejudice just for the mere fact of having reached the top and for holding such high positions of power.

Various scholars and opinion leaders have tried to formulate different hypothesis on why and how women leaders worldwide have been more effective in managing the crisis [21-24]. Sadly, it must be noted that in most cases they have lapsed into the cliché of supposedly traditional female skills and male interests. Women are seen as more inclined to be caring and men as more target oriented and more focused on economic issues. A non-biased analysis of the data actually shows that other skills seem to be crucial in producing better results during a crisis: the capacity to listen to experts and to timely react accordingly [25-27]. This capacity seems to be linked to a more horizontal and less vertical idea of leadership and to the courage it takes to change and take unpopular but necessary decisions.

Author Contributions: The essay is the result of a collaborative work of the two authors, who equally contributed to it (50% each). According to the CRediT standard (<https://casrai.org/credit/>) the scientific roles played by the two authors are so distributed: Conceptualization, Flaminia Saccà (F.S.), Donatella Selva (D.S.); Data Curation, F.S., D.S.; Formal Analysis, F.S., D.S.; Funding Acquisition, F.S.; Methodology, F.S., D.S.; Project Administration, F.S.; Supervision, F.S.; Writing – Original Draft, F.S., D.S.; Writing – Review & Editing, F.S., D.S.

References / Библиографический список:

1. Saccà, F. (2016). Culture politiche, informazione e partecipazione nell'arena politica 2.0. *Sociologia*, N 3. Pp. 28-40. <https://doi.org/10.36165/2425>.
2. Saccà, F. (2020). La politica come professione 2.0: Leadership e campagne elettorali all'epoca dei social network. *Sociologia*, N 1, Pp. 5–17.
3. Weber, M. (1922). *Wissenschaft als Beruf, Politik als Beruf* (English ed. 2020, *Charisma and disenchantment: The vocation lectures*, New York: New York Review Books).
4. Goffman, E. (1956). *The Presentation of Self in Everyday Life* (Italian ed. 1969, *La vita quotidiana come rappresentazione*, Bologna: Il Mulino).
5. Nichols, N. A. (1996). *Reach for the top: Women and the changing facts of work life*. Brighton, MS: Harvard Business School Press.
6. Foucault, M. (1976). *Histoire de la sexualité: la volonté de savoir* (Italian ed. 2013, *Storia della sessualità, vol. 1*, Milano: Feltrinelli).
7. Saccà, F. (2003). *La società sessuale. Il controllo sociale della sessualità nelle organizzazioni umane*. p. 1-128, MILANO: FrancoAngeli, ISBN: 9788846452917.
8. McDonagh, E. L. (2009). *The motherless state: Women's political leadership and American democracy*. Chicago, IL: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226514567.001.0001>.
9. Jamieson, K. H. (1995). *Beyond the double bind: Women and leadership*. Oxford: Oxford University Press.
10. Campus, D. (2016). *Women Political Leaders and the Media*. London: Palgrave.

11. Teele, D. L., Kalla, J., & Rosenbluth, F. (2018). The Ties That Double Bind: Social Roles and Women's Underrepresentation in Politics. *American Political Science Review*, 112(3), 525–541. <https://doi.org/10.1017/S0003055418000217>.
12. Burns, J. (1978). *Leadership*. New York: Harper & Row Publishers.
13. Zenger, J., & Folkman, J. (2020). Research: Women Are Better Leaders During a Crisis. *Harvard Business Review*, December 20, 2020. URL: <https://u.to/z2tRGw> (last request 20.03.2021).
14. Garikipati, S., & Kambhampati, U. (2020). Leading the Fight Against the Pandemic: Does Gender 'Really' Matter? *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3617953>.
15. Charteris-Black, J. (2018). *Analyzing political speeches: Rhetoric, discourse and metaphor* (2nd ed.). London: Palgrave.
16. Wodak, R. (2021). *The politics of fear: What right-wing populist discourses mean* (2nd ed.). London: SAGE.
17. Joosse, P. (2017). Max Weber's Disciples: Theorizing the Charismatic Aristocracy. *Sociological Theory*, 35(4), 334–358. <https://doi.org/10.1177/0735275117740402>.
18. Massidda, L. (2020). La politica come rappresentazione. Il carattere della leadership populista nell'epoca dei social media. *Sociologia*, LIX(1), 18–30.
19. Velikaya, N. M. (ex. ed.) (2018). *Russian Revolutions and Women's Issue. Ideological Heritage, Political Transformations and New Social Practices*. Moscow: Kluch-S. P.168. ISBN: 978-5-6040535-6-0.
20. Wahl-Jorgensen, K. (2019). *Emotions, media and politics*. Cambridge: Polity Press.
21. Chamorro-Premuzic, T. (2020). "Are Women Better At Managing The Covid19 Pandemic?". *Forbes*. April 10, 2020. URL: <https://u.to/aT5TGw> (last request 20.03.2021).
22. Saccà F., Massidda L. (2018). *Gender Discourse in a Populist Election Campaign*. In: (a cura di): Saccà F. (2018). *Democracy, Power and Territories*. p. 30-47, MILANO: FrancoAngeli, ISBN: 9788891778536.
23. Hassan, J., & O'Grady, S. (2020) Female world leaders hailed voices of reason amid the coronavirus chaos. *The Washington Post*. April 20, 2020. URL: <https://u.to/4kBTGw> (last request 20.03.2021).
24. Kristof, N. (2020). What the Pandemic Reveals About the Male Ego. *The New York Times*, June 13, 2020. URL: <https://u.to/MUFTGw> (last request 20.03.2021).
25. Champoux-Paill, L. & Croteau, A. (2020) The reason why female leaders are excelling at managing the coronavirus, *World Economic Forum*, May 18, 2020. URL: <https://u.to/RkFTGw> (last request 20.03.2021).
26. Henley, J., & Roy, E. A. (2020) Are Female Leaders More Successful at Managing the Coronavirus Crisis? *The Guardian*. April 25, 2020. URL: <https://u.to/cEFTGw> (last request 20.03.2021).
27. Wilson, S. (2020). Pandemic leadership: Lessons from New Zealand's approach to COVID-19. *Leadership*, 16(3), 279–293. <https://doi.org/10.1177/1742715020929151/>

The article was submitted on April 28, 2021.

Accepted on May 24, 2021.

Information about the authors

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, President of ISA RC26.
Tuscia University. Viterbo, Italy.
e-mail: sacca@unitus.it
ORCID: 0000-0001-5960-9169

Donatella Selva, Postdoctoral Fellow of Political Sociology.
Tuscia University. Viterbo, Italy.
e-mail: donatella.selva@unitus.it
ORCID: 0000-0002-9051-7876

Ф. Сакка¹, Д. Селва¹

¹ Университет Тушии. Витербо, Италия

ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: СРАВНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЖ. АРДЕРН И Д. ТРАМПА О КРИЗИСЕ COVID-19

Работа выполнена на основе исследовательского проекта Университета Тушии (PRIN2017, рук. проф. Ф. Сакка) при поддержке Министерства просвещения и научных исследований Италии в рамках национальной исследовательской сети «Трансформации демократии: акторы, стратегии и результаты противостояния популизму на политической, юридической и социальной аренах» (рук. проф. К Руцца, Университет Тренто, Италия).

Аннотация. В контексте мета-кризиса COVID-19 модели поведения политических лидеров стали ключевым фактором, определяющим способность страны сдерживать распространение инфекции и восстановиться. В связи с этим авторы поставили целью изучить гендерные особенности подобных моделей поведения. В данной статье утверждается, что женщины-лидеры успешно справились с кризисом, вызванным пандемией, не только благодаря присущей им способности выстраивать отношения, укреплять общественные связи и «настраиваться» на тревоги граждан; решающим оказался и подход женщин-лидеров к науке. Вопреки ожиданиям, по сравнению с мужчинами-лидерами, женщины продемонстрировали большую отзывчивость и внимательное отношение к научным рекомендациям, а также использовали свое понимание науки как фактор легитимности. Работа выполнена в рамках крупного исследовательского проекта, проводимого при поддержке Министерства просвещения и научных исследований Италии (координатор проекта проф. Ф. Сакка). В ходе работы авторы проанализировали дискурсы двух конкретных политических лидеров: Дональда Трампа и Джасинды Ардерн, поскольку они определяют идеально-типические черты двух противоположных моделей поведения в том, что касается науки. Анализ риторики и фреймов подчеркивает различия в их подходах к проблеме и доказывает, что способность женщин-лидеров прислушиваться к советам экспертов и потребностям конкретных слоев населения сыграла решающую роль в успехе мер по сдерживанию вируса.

Ключевые слова: женщины-лидеры, коммуникации, COVID19, наука, политика.

Для цитирования: Сакка Ф., Селва Д. Женщины-политические лидеры в период пандемии: сравнение представлений Дж. Ардерн и Д. Трампа о кризисе COVID-19 // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 8-21. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.1

Дата поступления в редакцию: 28.04.2021.

Принята к печати: 24.05.2021.

Сведения об авторах:

Фламиния Сакка, доктор политических наук, профессор, президент ISA RC 26.

Университет Тушии. Витербо, Италия.

e-mail: sacca@unitus.it

Донателла Селва, постдокторант по направлению: политическая социология.

Университет Тушии. Витербо, Италия.

e-mail: donatella.selva@unitus.it

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.2

УДК 328.1; 329.1

Б. П. Гуселетов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В НИДЕРЛАНДАХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-НИДЕРЛАНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены итоги парламентских выборов в Нидерландах, прошедшие 15-17 марта 2021 г. Дано сравнение результатов ведущих политических партий на выборах 2017 и 2021 гг. и охарактеризованы все ведущие нидерландские политические партии, которые были представлены в парламенте в период с 2017 по 2021 гг. Представлены итоги деятельности правительства во главе с лидером «Народной партии за свободу и демократию» М. Рютте, сформированного по итогам выборов 2017 г. Выявлены причины состоявшейся накануне выборов отставки этого правительства, и её влияние на ход избирательной кампании. Отмечено, как пандемия коронавируса и действия правительства по преодолению её последствий повлияли на ход и результаты предвыборной кампании. Дана оценка деятельности основных оппозиционных партий этой страны: праворадикальной евроскептической «Партии свободы» Г. Вилдерса, левоцентристской «Партии труда» и других. Рассмотрен ход проведения избирательной кампании и ее основные темы, а также новые политические партии, которые по итогам этих выборов прошли в парламент. Показаны позиции ведущих политических партий страны по поводу их возможного участия в новой правительственной коалиции. Проанализировано состояние российско-нидерландских отношений. Дан прогноз, как итоги выборов повлияют на формирование нового правительства этой страны и на политические и торгово-экономические отношения между Россией и Нидерландами.

Ключевые слова: Евросоюз, Нидерланды, Россия, парламент, правительство, партии, выборы.

Для цитирования: Гуселетов Б.П. Итоги парламентских выборов в Нидерландах и их влияние на российско-нидерландские отношения // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 22-29. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.2

15-17 марта 2021 г. в Нидерландах прошли очередные парламентские выборы, в которых приняли участие более 11 млн избирателей. Им предстояло выбрать 150 членов нижней палаты парламента. В этих выборах приняло участие 37 партий, что отражает высокую степень фрагментации голландской партийно-политической системы и затрудняет формирование правительственной коалиции.

Учитывая, что Премьер-министр М. Рютте, занимающий свой пост с 2010 г., является одним из старейшин среди глав государств Евросоюза, а после 17.06.2014 г., когда произошла авиакатастрофа с малазийским Боингом, Нидерланды стали играть более заметную роль в вопросе отношений между ЕС и Рос-

сии, анализ результатов этих выборов имеет важное значения для определения взаимодействия нашей страны с новым руководством Нидерландов.

Общая информация о партийно-политической системе Нидерландов. Нижняя палата парламента Нидерландов включает 150 депутатов, избираемых в 18 избирательных округах по системе пропорционального представительства при отсутствии избирательного порога. Парламентские выборы в Нидерландах проходят раз в четыре года. Любая партия, желающая выдвинуть своих кандидатов на парламентских выборах, должна собрать 450 подписей избирателей.

По итогам предыдущих выборов 2017 г. в нижнюю палату прошли 13 партий [1, с. 22-23].

1. Либеральная «Народная партия за свободу и демократию» (НПСД), возглавляемая М. Рютте. Член общеевропейской партии «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ).
2. Правопопулистская «Партия свободы» (ПС) Г. Вилдерса. Ассоциированный член общеевропейской партии «Идентичность и Демократия».
3. Правоцентристская партия «Христианско-демократический призыв» (ХДП), В. Хукстры. Член общеевропейской «Европейской народной партии» (ЕНП).
4. Социал-либеральная, прогрессистская партия «Демократы 66» (D66) во главе с С. Кааг. Член АЛДЕ.
5. Экологическая левоцентристская партия «Зеленые левые» (ЗЛ), возглавляемая Й. Клавером. Член общеевропейской «Европейской партии зеленых».
6. Левопопулистская «Социалистическая партия» (СП) во главе с Л. Марейннисен.
7. Социал-демократическая «Партия труда» (ПТ), возглавляемая Л. Плумен. Член общеевропейской «Партии европейских социалистов».
8. Христианско-демократическая «Христианский союз» (ХС), во главе с Г.-Я. Сегерсом. Член «Европейского христианского политического движения» (ЕХПД).
9. «Партия защиты животных» (ПЗЖ), возглавляемая Э. Оувеханд. Член европартии защиты животных.
10. Популистская партия «50 плюс» (50+), возглавляемая Л. Ден Хаан.
11. Социал-консервативная, теологическая «Реформатская политическая партия» (РПП), возглавляемая К. ван дер Стайем. Член ЕХПД.
12. Левоцентристская партия «Денк», отстаивающая права иммигрантов. Лидер – Ф. Азаркан.
13. Национал-консервативная, правопопулистская партия «Форум за демократию» (ФэД), возглавляемая Т. Боде. Член европартии «Альянс европейских консерваторов и реформистов». [2, с. 163].

М. Рютте занимает пост премьер-министра Нидерландов с 2010 г. По итогам последних парламентских выборов, прошедших 15.03.2017 г. ему потребовалось 225 дней переговоров, чтобы сформировать 4-х партийное правительство, состоящее из НПСД, ХДП, D66 и ХС¹. В выборах текущего года приняло участие 37 партий, что затрудняет формирование правительственной коалиции и демонстрирует сильную раздробленность голландской партийно-политической системы.

Ситуация накануне выборов. По мнению нидерландских экспертов, в последние годы в стране вырос разрыв между гражданами и правительством, а также

¹ Khan M. Dutch election: everything you need to know as tricky coalition talks loom // Financial Times. 16.03.2017. URL: <https://u.to/kkBNWw> (дата обращения 25.03.2021).

между социальными группами с низким и высоким уровнем образования. Эти противоречия воплотились в жесткое противостояние между партией НПСД М. Рютте и сравнительно молодой антиэстеблিশменской оппозиционной ПС Г. Вилдерс. Нынешняя ситуация с COVID-19 заставила все партии страны забыть о бюджетной дисциплине и требовать увеличения государственных расходов.

В последние месяцы Нидерланды потряс скандал, к которому были причастны ряд политических лидеров. Он был связан с тем, что в течение 2013-2019 гг. порядка 26 000 семей обвинили в мошенничестве с детскими пособиями и потребовали вернуть эти якобы неправомочно полученные средства². 20 пострадавших семей подали жалобы в Верховный суд страны на 5 министров и высокопоставленных государственных служащих, включая нынешнего министра финансов и лидера ХДП В. Хукстру и бывшего министра по социальным вопросам и занятости и лидера ПТ Л. Ассера.

В марте 2020 г. правительство выделило в виде компенсации более 500 млн евро (30 000 евро на каждую семью). 14 января 2021 г. Ассер ушел поста лидера ПТ, а на следующий день Рютте, опасаясь вотума недоверия правительству, также подал в отставку. Однако законы страны позволяют ушедшему в отставку правительству продолжать работать до следующих парламентских выборов.

Рютте добился максимальной выгоды для себя и своей партии, убедив соотечественников в том, что ответственность за скандал несут все члены правительственной коалиции. Он пообещал изменить систему поддержки семей с детьми и создать комиссию для расследования этого скандала. Смягчению последствий скандала способствовала непростая ситуация с пандемией, которая, благодаря правительственной политике, ослабила реакцию голландцев на отставку правительства.

Что касается итогов деятельности правительства Рютте в социально-экономической сфере за прошедшие 4 года, то здесь ситуация неоднозначна. С одной стороны, оно ввело масштабный план поддержки экономики, который ограничил рецессию за счет снижения ВВП в 2020 г. лишь на 3,8%. Эксперты ожидают, что по итогам 2021 г. падение ВВП составит 1,8%, что станет самым низким показателем в Евросоюзе.

С другой стороны, госдолг, составлявший до начала пандемии менее 50% ВВП, в настоящий момент превышает 60%. Кроме того, крупнейшее в Европе и десятое в мире газовое месторождение Гронинген на севере страны будет закрыто из-за роста сейсмоактивности. В 2014 г. правительство Рютте снизило лимиты на добычу газа, а после крупнейшего землетрясения мощностью 3,4 балла в январе 2018 г. министр экономики Э. Вибес распорядился прекратить добычу на одном из участков. Позднее власти утвердили план по выводу Гронингена из эксплуатации, что приведет к резкому снижению добычи газа в ЕС. А это станет важным аргументом в пользу строительства газопровода «Северный поток – 2»³.

Кроме того, в 2018 г. правительство приняло решение повысить к 2022 г. пенсионный возраст до 67 лет 3 месяцев на основании данных национального бюро статистики CBS об изменении продолжительности жизни⁴.

Но наибольшие сложности в работе правительства Рютте были связаны с преодолением последствий пандемии COVID-19. Изначально власти выбрали

² Hanly, J. Dutch government faces collapse over child benefits scandal // The Guardian. 14.05.2021. URL: <https://u.to/rkBNWg> (дата обращения 25.03.2021).

³ Стариков А. Прощай Гронинген: в Европе станет больше российского газа / Аналитический портал RuBaltic. 09.04.2018. URL: <https://u.to/rEFNGw> (дата обращения 25.03.2021).

⁴ Нидерланды повысят пенсионный возраст // Euromag. 09.07.2018. URL: <https://u.to/JkJNGw> (дата обращения 25.03.2021).

шведский вариант борьбы с пандемией, сделав ставку на формирование естественного коллективного иммунитета. Но после того, как летом 2020 г. число людей, заразившихся коронавирусом, заметно возросло, правительству пришлось пойти на более жесткие меры. После закрытия границ Германией, Рютте закрыл на карантин границы Нидерландов с 14.12.2020 по 19.01.2021 г.⁵ В январе 2021 г. власти ввели комендантский час, что привело к столкновениям полиции с демонстрантами, протестующими против этого.⁶

Тем не менее, общественное мнение в Нидерландах в целом поддержало меры правительство по борьбе с кризисом.

О ходе избирательной кампании. Предвыборная кампания НПСД была сосредоточена на внутриполитических проблемах, что ослабило критику в ее адрес со стороны ПС. В своей предвыборной программе НПСД предлагала повысить минимальную зарплату, снизить налоги на малый бизнес и граждан со средними доходами, ужесточить требования к въезду мигрантов в страну и усилить пограничный контроль.

Шансы оппозиционной ПС были ослаблены из-за её неудачной критики действий правительства в борьбе с пандемией. 09 января 2021 г. Вилдерс опубликовал предвыборный манифест, в котором вновь настаивал на выходе Нидерландов из Евросоюза и закрытии страны для мигрантов из мусульманских стран, так как, по его мнению, Ислам – это не религия, а разновидность «тоталитарной идеологии»⁷. Он предложил запретить Коран и закрепить в Конституции иудео-христианскую культуру в качестве доминирующей, установить квоты на прием беженцев и обязать мигрантов учить голландский. ПС не исключает закрытия границ в случае нового миграционного кризиса. Кроме того, ПС предложила увеличить минимальную зарплату, жилищные субсидии и пособия для пожилых, снизить расходы на медицинское обслуживание и сократить пенсионный возраст.

Реакция лидеров НПСД, ХДП и D66, а также «Зеленых левых» на предвыборный Манифест ПС была жесткой: они исключили любой союз с ПС, а также с правопопулистской партией ФзД.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному институтом Ipsos накануне выборов, НПСД должна была получить 38 из 150 мест в Палате Представителей. За ней следует ПС – 22 места, ХДП – 20, D66 – 15 мест, ПТ – 12, ЗЛ – 11, СП – 10, ПЗЖ – 7 и ХС – 6⁸. По мнению многих экспертов, действующая правительственная коалиция сохранится, хотя разногласия между D66 и ХС могут вынудить Рютте исключить из нее ХС.

Результаты выборов. В целом итоги выборов оправдали прогнозы. Явка на эти выборы составила 82,6%, что несколько выше, чем на выборах 2017 г. – 81,93%.

«Народная Партия свободы и демократии» в четвертый раз подряд выиграла выборы, получив 21,91%, и будет иметь 34 депутата в нижней палате (+1 по сравнению с выборами 2017 г.).

«Демократы 66» (D66) во главе с министром внешней торговли и развития сотрудничества С. Кааг заняли второе место, набрав 14,95% и получили 24 места (+ 5). Этот результат стал самым высоким за всю историю D66. За D66 проголо-

⁵ Козалов Ю. Нидерланды вводят карантин до 19 января // Российская газета. 14.12.2020. URL: <https://u.to/h0JNGw> (дата обращения: 25.03.2021).

⁶ Netherlands: Tensions high after nights of COVID lockdown riots // Deutsche Welle. 26.01.2021. URL: <https://u.to/HENNGw> (дата обращения 25.03.2021).

⁷ Bergman M. E. What the manifestos tell us about the 2021 Dutch general election // EUROPP. 09.02.2021. URL: <https://u.to/8ENNGw> (дата обращения 25.03.2021).

⁸ Tweede kamerverkiezingen 2021: onze slotpeiling // Ipsos. URL: <https://u.to/BU1NGw> (дата обращения 25.03.2021).

совали в основном избиратели левых взглядов и небольшая доля правых.

«Партия свободы» Г. Вилдерса вопреки прогнозам оказалась лишь на третьем месте, получив 10,87% голосов, и 17 мест (–3). Доцент Роттердамского Университета Эразма К. Аальбертс так охарактеризовал результаты ПС: «в своей программе, которая была дискриминационной в отношении мусульман и лиц, имеющих второй паспорт, Вилдерс ясно показал, что его партия никогда не будет частью правительства и останется в оппозиции»⁹.

Партия «Христианско-демократический призыв» во главе с Хукстра, получила 9,56% и будет иметь 15 мест (–4). Еще один член правящей коалиции «Христианский союз» Г.-Я. Сегерса набрала 3,39% и будет иметь 5 депутатов (–1).

«Социалистическая партия» Л. Марейнссен и «Партия труда», возглавляемая Л. Плумен, получили, соответственно, 6,01% и 5,7% голосов и будут иметь по 9 депутатов. По мнению профессора Университета Джорджии (США) К. Мюдде: «Партия труда Нидерландов страдает от «Пасокификации», которая с каждым выбором снижает влияние социал-демократических партий, например, Панеллинского социалистического движения (ПАСОК) в Греции или Соцпартии Франции»¹⁰.

«Зеленые левые» во главе с Й. Клавером набрали лишь 5,07% и будут иметь 8 депутатов, что на 6 меньше, чем в 2017 г.

«Форум за демократию» (ФзД) во главе с Т. Бодде набрал 5,03% и получил 8 депутатских мест (+6). Профессор политологии Амстердамского университета С. де Ланге писала в Твиттере, что «Популистский право-радикальный «Форум за демократию» Бодде получил 5 мест после скандалов из-за антисемитизма и расизма и кампании, сосредоточенной на теории заговора из-за короны»¹¹.

«Партия защиты животных» получила 3,8% голосов и будет иметь 6 депутатов.

«Реформатская политическая партия» и партия «Денк» набрали, соответственно, 2,09 и 2,0% голосов, и каждая будет иметь по 3 депутата. Партия «50+» набрала 1,03% и получила 1 депутатское место.

Наконец, 4 новые партии будут представлены в нижней палате: отделение новой европартии «Вольт в Нидерландах» набрало 2,39% голосов (3 депутата); правая партия «Правильный ответ 2021», основу которой составляют бывшие члены ФзД, получила 2,37% голосов (3 депутата); аграрная партия «Фермерско-Гражданское Движение» К. ван дер Плас получила 1,01% (1 депутат), как и антирасистская партия «Вместе», основанная бывшим членом «Денк» С. Саймонсом, получившая 0,81% голосов (1 депутат).

Таким образом, в новом составе нижней палаты будут представлены 17 партий. Последний раз такое число партий в парламенте было в 1918 г.

По мнению К. Аалбертс результаты этих выборов можно объяснить тем, что «в целом люди были довольны тем, как правительство преодолело последствия кризиса COVID-19. Конечно, были и недовольные, но я бы сказал, что их число незначительно. Люди считают, что Рютте справляется с кризисом и хотят, чтобы он остался во главе правительства до его окончания. А когда кризис закончится, тогда у нас будут настоящие выборы»¹².

Обозреватель газеты NRC Handelsblad Т.-Я. Меус, подводя итоги выборов,

⁹ Devineaux A., de Vries S. Pays-Bus: “quand la crise sera finie il y aura de vrais elections” // Euronews. 17.03.2021. URL: <https://u.to/e0ZNGw> (дата обращения 25.03.2021).

¹⁰ Mudde C. What happened to the Dutch left? // EUROPP. 15.03.2021. URL: <https://u.to/zUINGw> (дата обращения 25.03.2021).

¹¹ Prof. Sarah de Lange@SLdeLange // Twitter. 17.03.2021. URL: <https://twitter.com/SLdeLange/status/1372278531351310337> (дата обращения 25.03.2021).

¹² Devineaux A., de Vries S. Pays-Bus: “quand la crise sera finie il y aura de vrais elections”...

отметил: «Эти выборы завершились победой партий центра, но они не принесли особых изменений для право-радикальных партий, которые в сумме не смогли набрать больше обычных для них 18% голосов, и стали провалом левых радикальных партий. Поэтому после выборов не стоит ждать никаких изменений. Тем не менее, либеральный премьер-министр М. Рютте, который озабочен соблюдением бюджетной дисциплины, будет возможно вынужден изменить позицию по общеевропейским проблемам под давлением D66»¹³.

Незадолго до голосования Рютте заявил, что намерен продолжить союз с D66. Но необходимо будет найти еще двух партнеров для формирования правящей коалиции, чтобы иметь большинство (76 мест из 150 депутатов). Коалиция НПСД, D66 и ХДП будет иметь 73 депутата, а при включении ХС – 78 мест. Между тем, лидер ХС Г.-Я. Сегерс в интервью газете *Nederlands Dagblad* заявил, что: «Мы не можем быть частью четвертого правительства Рютте»¹⁴, чем заметно осложнил процесс формирования нового правительства. Тем более, что лидер Соцпартии Л. Марейниссен заявила, что её партия не будет входить в состав правительства: «Ясно, что теперь всё зависит от победителей этих выборов, и очевидно, что мы не входим в их число»¹⁵. Таким образом, представители левого центра изначально отказались вступать в коалицию с праволиберальными партиями страны. Но учитывая огромный опыт Рютте в деле ведения переговоров можно предположить, что он попытается найти выход и из этой непростой ситуации [3, с. 142].

Влияние результатов выборов на российско-голландские отношения. В 2001 г. после подписания Совместной программы действий (СПД) между РФ и Нидерландами на 2001–2003 гг. была открыта новая страница в двусторонних отношениях между нашими странами, включающая сотрудничество в торгово-экономической, внешнеполитической, культурно-гуманитарной областях.

08.04.2013 г. в Амстердаме Президент РФ В. В. Путин открыл вместе с Королевой Беатрикс Перекрестный год России и Нидерландов, предполагающий проведение заседания совместной комиссии по экономическому сотрудничеству, деловые форумы и т.д. [4, с. 28].

Но, после введения 17.03.2014 г. санкций ЕС в отношении РФ, и особенно после 17.06.2014 г., когда произошла авиакатастрофа с малазийским Боингом, двусторонний межправительственный диалог был фактически заморожен. В марте 2014 г. Рютте заявил, что «западные лидеры могут ввести дополнительные санкции против России, если она предпримет дальнейшие действия после захвата ею Крыма»¹⁶. Тем не менее, будучи опытным и гибким политиком Рютте позднее заявил, что «Украина должна иметь хорошие отношения как с Европой, так и с Россией. Этого не было бы, если бы Украина могла вступить в Европейский союз»¹⁷.

Но, несмотря на это Россия и Нидерланды остаются надежными партнерами в торгово-инвестиционной области. Сегодня Нидерланды являются для России

¹³ *Waarom versplintering niet onvermijdelijk is* // NRC Handelsblad. 22.03.2021. URL: <https://u.to/hktNGw> (дата обращения 25.03.2021).

¹⁴ *Meijer B. H. Rutte's prospects of forming new Dutch government wane as coalition partner quits* // Reuters. 03.04.2021. URL: <https://u.to/ClkxNGw> (дата обращения 30.03.2021).

¹⁵ *Schaart E. 4 Dutch election takeaways* // Politico. 18.03.2021. URL: <https://u.to/aExNGw> (дата обращения 30.03.2021).

¹⁶ *Russia knows we are serious on sanctions: Dutch PM* // CNBC. 25.03.2014. URL: <https://u.to/10xNGw> (дата обращения 30.03.2021).

¹⁷ *Alexe D. Rutte: Ukraine should never join the EU* // New Europe. 31.03.2016. URL: <https://u.to/W01NGw> (дата обращения 30.03.2021).

одним из важнейших поставщиков наукоемких технологий, а также одним из ключевых торговых партнеров (3-й в мире после Китая и ФРГ, 2-й в Европе). В 2017 г. объем российско-нидерландского товарооборота, по данным ФТС России, составил \$39,5 млрд, что на 22,4% больше, чем в 2016 г. Российский экспорт в Нидерланды достиг \$35,6 млрд (+21,7%), а импорт из Нидерландов – \$3,0 млрд (–3,2%) [4, с. 29].

Учитывая, что политика нового правительства Нидерландов практически не изменится, вряд ли стоит ждать улучшения наших отношений в политической сфере. Зато и в торгово-экономической области уровень сотрудничества не должен претерпеть значительных трансформаций.

Закключение. Прошедшие в Нидерландах парламентские выборы в целом подтвердили сложившиеся в последнее время тенденции развития её политического курса. Находившаяся у власти с 2010 г. «Народная партия за свободу и демократию» М. Рютте, вновь одержавшая победу на выборах, снова будет формировать правящую коалицию со своими традиционными партнерами либерального и христианско-демократического толка: партиями «Демократы 66», «Христианско-демократический призыв» и, возможно, «Христианский союз». Оппозиционная «Партия свободы» не смогла составить ей серьезную конкуренцию. Поэтому не стоит ожидать серьезных изменений во внешней политике нового правительства М. Рютте.

При этом, новому правительству Рютте придется теперь уделять гораздо больше внимания внутренней политике и особенно развитию экономики, которая сильно пострадала от пандемии и предстоящего закрытия газового месторождения Гронинген. В этих обстоятельствах вряд ли власти Нидерландов пойдут на ухудшение торгово-экономических связей с внешними партнерами, включая Россию. Поэтому было бы целесообразным для наших ведомств, отвечающих за внешнеэкономические связи учесть эти факторы обновлении отношений с новым нидерландским правительством.

Библиографический список

1. Гуселетов, Б. П. Выборы 2017 в странах Евросоюза: общее и особенное // Современная Европа. 2018. № 2 (81). С. 18-28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220181828>.
2. Осколков, П. В. Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией / П. В. Осколков, Е. А. Сергеев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 6. С. 155-168. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168>.
3. Осколков, П. В. Политическое лидерство в Нидерландах: от статхаудеров до правых популистов / П. В. Осколков, Л. Е. Шишулина // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С. 141–156. DOI: [10.31249/ape/2019.02.06](https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.06).
4. Макаров, А. И. Торгово-экономические отношения Российской Федерации и Королевства Нидерландов на современном этапе // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 2 (14). С. 22-36. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2018-2-22-36>.

Дата поступления в редакцию: 13.04.2021.

Принята к печати: 11.05.2021.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

e-mail: bguseletov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 899947

B. P. Guseletov¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

RESULTS OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS IN NETHERLAND AND THEIR IMPACT ON RUSSIAN-NETHERLANDS RELATIONS

Abstract. The article examines the results of the parliamentary elections in the Netherlands, held on March 15-17, 2021. It compares the results of the leading political parties in the elections of 2017 and 2021, and describes all the leading Dutch political parties that were represented in parliament in the period from 2017 to 2021. The results of the activities of the government headed by the leader of the "People's Party for Freedom and Democracy" M. Rutte, formed following the results of the 2017 elections, are presented. The reasons for the resignation of this government, which took place on the eve of the elections, and its impact on the course of the election campaign are revealed. It was noted how the coronavirus pandemic and the government's actions to overcome its consequences affected the course and results of the election campaign. The activity of the main opposition parties in this country is evaluated: the right-wing Eurosceptic Freedom Party of Wilders, the center-left Labor Party and others. The course of the election campaign and its main topics, as well as the new political parties that were elected to the parliament as a result of these elections, are considered. The positions of the country's leading political parties on their possible participation in the new government coalition are shown. The state of Russian-Dutch relations is analyzed. A forecast is given of how the election results will affect the formation of the new government of this country and the political, trade and economic relations between Russia and the Netherlands.

Keywords: European Union, Nederland, Russia, Parliament, Government, Parties, Elections.

For citation: Guseletov B. P. (2021) Results of the Parliamentary Elections in Netherland and their Impact on Russian-Netherlands Relations. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 2. P. 22-29. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.2

References

1. Guseletov B. P. (2018) Elections 2017 in the European Union: Common Features and Differences. *Contemporary Europe*. No. 2 (81). Pp. 18-28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220181828>. (In Russ.).
2. Oskolkov P. V., Sergeev E. A. (2017) Party System of the Netherlands: between pillarization and European integration. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 10. No. 6. Pp. 155-168. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168>. (In Russ.).
3. Oskolkov P. V., Shishulina L. E. (2019) Political leadership in the Netherlands: from statholders to right-wing populists. *Current problems of Europe*. No. 2. Pp. 141–156. DOI: 10.31249/ape/2019.02.06. (In Russ.).
4. Makarov A. I. (2018) Trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Kingdom of the Netherlands in modern conditions. *International trade and trade policy*. No. 2 (14). Pp. 22-36. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2018-2-22-36>. (In Russ.).

The article was submitted on April 13, 2021.

Accepted on May 11, 2021.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ResearcherID (Web of Science): R-4354-2018

Scopus ID: 57202470741

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР СЕГРЕГАЦИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация: Место проживания человека играет существенную роль в его судьбе, но зачастую может выступать в качестве дискриминационного момента. Конкретно, место проживания российского гражданина способствует его причислению к определенной касте, изменить которую можно только с изменением места проживания, и то не всегда. В условиях современного российского общества российские граждане, проживающие за границей, особенно в странах «черного списка» нередко поражаются в правах, находятся в дискриминационном положении, что может свидетельствовать о своеобразной неофициальной сегрегации. При этом законодательно на федеральном уровне этого поражения в правах в зависимости от места проживания не существует, однако – оно реализуется через законы более низкого порядка, а также, в виде неофициальной политики в дипломатических миссиях, которые, согласно конвенции, наоборот должны защищать интересы сограждан. С учетом миграционной статистики, данный вид сегрегации касается порядка 16-18% российских граждан, а это достаточно большая часть российского общества. Подобная неофициальная сегрегация определенно может деформировать российское общество в двух направлениях: привести к изменению структуры российского гражданского общества с выделением разных степеней гражданства более или менее пораженных в правах – это бы узаконило Россию в качестве страны нелояльной к собственным гражданам или вынудить отказаться от дискриминационных законов и традиционных понятий, вырастив новое поколение чиновников и дипломатов, что способствовало бы укреплению международного авторитета России в мире.

Ключевые слова: российское гражданство, гражданское общество, сегрегация по месту проживания, медицинская и социальная антропология, политология.

Для цитирования: Баканова М.В. Территориальный фактор сегрегации российских граждан, проживающих за рубежом // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 30-38. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.3

Проблема сегрегации отдельных наций, рас, народов являлась весьма актуальной для 20 века. Однако, даже в первой четверти 21 века она стала лишь менее острой, хотя и проявляется в ряде стран в виде открытой формы. Но более всего опасной можно признать скрытую сегрегацию, когда формально граждане одной страны признаются равными, но фактически – часть из них по различным причинам сегрегируется. При этом, доказать факт сегрегации достаточно сложно, а порой – и невозможно.

Данное исследование посвящено российским гражданам, которые постоянно проживают за пределами РФ в силу личных причин (т.е. не являются официальными российскими служащими, командированными за границу). Несмотря на то, что Конституцией РФ они признаются равными в правах с гражданами, проживающими на территории России, фактически они дискриминируются и поражаются в основных правах, что может говорить о наличии факта скрытой сегрегации в РФ, которая к тому же закреплена законодательно в документах более низкого ранга.

Актуальность исследования определяется тем, что по различным оценкам за рубежом могут проживать до 40 млн российских граждан, что составляет порядка 16-18% от всех российских граждан, кроме того: именно проблемы сегрегации

зачастую способствуют тому, что российские граждане, проживающие за границей, начинают процесс смены гражданства, получения иностранного гражданства для своих детей, разрывают полностью отношения с русскоязычным миром. В условиях постоянного снижения численности населения РФ по естественным причинам, это может служить дополнительным источником ухудшения экономического, политического, культурного уровня России на фоне остальных стран, а также – воспитания в новом поколении негативного и нелояльного отношения к России и россиянам.

При этом стоит отметить, что вопросы данной проблематики в политических и дипломатических кругах России не только не разрабатываются (и не ищутся пути их решения), но попросту замалчиваются. Крупные организации, такие как Россотрудничество, Русский Мир и др. не идут навстречу, зачастую занятые внутренними проблемами и организациями «чаепитий».

Данное исследование представляет собой первую попытку разбора сложившейся ситуации с дискриминацией и сегрегацией российских граждан, проживающих за рубежом, а также – с возможностями выхода из неё с наименьшими потерями как для РФ, так и для россиян; либо же – с формированием будущего российского гражданского общества на новой основе.

Цель данного исследования: изучить проблему дискриминации граждан РФ, проживающих за границей и сделать выводы относительно возможных путей развития российского гражданского общества.

В число задач исследования вошли: оценка законодательной базы относительно равенства/неравенства в правах граждан РФ в зависимости от места проживания; Оценка задач дипломатических служб РФ, располагающихся за границей, на предмет взаимодействия с гражданами РФ; Ранжирование стран мира в зависимости от уровня взаимодействия с российскими гражданами и по уровню дискриминации/сегрегации; Оценка реального состояния дискриминационных и сегрегационных процессов относительно российских граждан, проживающих в странах «черного списка»; Изложение возможных путей развития российского гражданского общества в зависимости от процесса сегрегации российских граждан, проживающих за рубежом.

Согласно законодательной базы РФ, гражданами Российской Федерации, то есть физическими лицами, обладающими гражданством Российской Федерации, по действующему законодательству являются:

- Лица, имеющие гражданство России на день вступления в силу Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2002 года (то есть на 1 июля 2002 года), и в последующем не прекратившие гражданства России;
- Лица, которые приобрели гражданство России в соответствии с Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» 2002 года¹.

Таким образом, место проживания никак не может влиять на наличие у человека российского гражданства, если он его имел или приобрел согласно российскому законодательству. Статья 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ формулирует принципы гражданства:

1. Гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения (п. 2);
2. Проживание гражданина России за пределами Российской Федерации не прекращает его гражданства Российской Федерации (п. 3);

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета № 2968 от 5 июня 2002 (с послед. изм. и доп.).

3. Гражданин России не может быть лишён гражданства Российской Федерации или права изменить его (п. 4);
4. Гражданин России не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан иностранному государству (п. 5);
5. Российская Федерация поощряет приобретение гражданства России лицами без гражданства, проживающими на территории Российской Федерации (п. 6);
6. Наличие у лица гражданства Российской Федерации либо факт наличия у лица в прошлом гражданства СССР определяется на основании законодательных актов Российской Федерации, РСФСР или СССР, международных договоров Российской Федерации, РСФСР или СССР, действовавших на день наступления обстоятельств, с которыми связывается наличие у лица соответствующего гражданства (п. 7).

Нормы данной статьи однозначно подтверждают, что российский гражданин не может быть лишен гражданства РФ в случае проживания его за границей. Приведенная далее статья формально подтверждает тот факт, что граждане РФ, проживающие на территории России, и граждане РФ, проживающие за рубежом, равны в правах. Различия в законах по отношению к месту проживания, берут начало в законодательных инстанциях более низкого уровня: отдельные приказы Министерства здравоохранения и социального развития, МИД и т.п.

Статья 7 Федерального закона от 24.05.1999 N 99-ФЗ «Основы отношений с гражданами Российской Федерации, проживающими за рубежом» гласит:

1. Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за рубежом.
2. Граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом, пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, проживающими на территории Российской Федерации, за исключением случаев, установленных международными договорами Российской Федерации и законодательством Российской Федерации при соблюдении законодательства государства проживания.
3. Граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом, во время их пребывания на территории Российской Федерации пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, проживающими на территории Российской Федерации, за исключением случаев, установленных федеральным законом.
4. Лица, имеющие двойное гражданство, одно из которых – российское, не могут быть ограничены в правах и свободах и не освобождаются от обязанностей, вытекающих из гражданства Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или федеральным законом².

Общее число российских граждан, проживающих за рубежом, сложно подсчитать в силу отсутствия единой методики подсчета, а дипломатические учреждения данную функцию не выполняют. Однако, по косвенным данным, число россиян за рубежом может составлять до 25 млн человек (по другим методикам подсчета – до 30-40 млн). Данные Росстата, изложенные в докладе «Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений» [1] свидетельствуют, что в 2015 году

² Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901734721> (дата обращения 24.03.2021).

из России уехали 51,8 тысячи граждан, а в 2016 году – около 59,7 тысяч. При этом авторы работы – сотрудники Института демографии ВШЭ Юлия Флоринская и Никита Мкртчян – отмечают, что приведенные данные значительно ниже реальных, поскольку по законам РФ эмигрантами считаются только граждане, снятые с регистрационного учета (90% уехавших с него не снимаются в силу незнания или других причин). Также в Росстате уверены, что число высокообразованных граждан, покинувших страну, составляет от 30 до 70% в зависимости от страны-реципиента. Соответственно, до 40 млн граждан РФ (16-18% всего населения) оказываются в полной зависимости от деятельности работников дипломатических служб РФ и могут попасть в ситуацию дискриминации и сегрегации.

В настоящее время Россия установила дипломатические отношения со 193 странами³. При этом сами дипломатические отношения с разными группами стран находятся в градации: от теплых и дружественных до так называемого «черного списка».

Венская конвенция 1961 г. следующим образом определила основные функции дипломатического представительства за рубежом:

- Представительство своего государства в стране пребывания. На практике это означает, что представительство и особенно МИД направляющей стороны обращаются к органам власти государства аккредитации только через посредство диппредставительства.
- Защита интересов своего государства и его граждан. Необходимость участия в защите интересов своего государства и сограждан диппредставительство определяет либо по поручению МИД, либо по заявлениям сограждан, либо по своему усмотрению.
- Ведение переговоров с правительством страны пребывания. Инициатива переговоров может исходить как от МИД направляющей страны, так и от властей страны пребывания.
- Изучение ситуации в стране пребывания и информирование своего правительства. Здесь важно подчеркнуть, что конвенция обязывает принимающие государства создавать благоприятные условия диппредставителям для изучения положения в стране, оказывать всяческое содействие им.
- Развитие дружественных отношений между странами в экономике, культуре, науке. Эта функция по своему содержанию весьма широкая, она предусматривает деятельное участие дипломатов в организации всестороннего сотрудничества государств и народов.

Второй и пятый пункты данного перечня являются наиболее актуальными для развития отношений дипломатических служб с гражданами РФ, проживающими за границей. Однако, зачастую они или игнорируются, или выполняются на низком уровне.

Этот перечень функций диппредставительства можно было продолжить и конкретизировать. Традиционными направлениями и частью дипломатической работы являются также консульская служба, деятельность военного атташата, информационно-культурная работа посольства среди общественности страны пребывания и целый ряд других [2].

Традиционно в лидеры «теплых отношений» входят страны СНГ, многие страны Европы, традиционный партнер – Индия, партнеры по БРИКС, более прохладные отношения связывают Россию и Великобританию, США, Канаду, Австралию.

³ Справка о дипломатических отношениях Российской Федерации с иностранными государствами // МИД РФ: [сайт]. 28 декабря 2016. URL: <https://www.mid.ru/diplomaticeskie-otnosenia-rossijskoj-federacii-s-inostrannymi-gosudarstvami> (дата обращения 15.02.2021).

В последнее время наметилось улучшение отношений со странами Южной Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии, некоторыми странами арабского мира. С большей частью стран Африки отношения относительно нейтральные и неактивные. Часть стран мира формируют так называемый список «миграционно-опасных стран» нескольких категорий⁴. К миграционно-опасным относят страны:

1. в которых разгораются вооруженные конфликты;
2. со стороны которых возникла угроза проникновения террористов;
3. в которых власть очень слабая или вообще отсутствует;
4. в которых наблюдается большой рост количества желающих выехать за рубеж;
5. с которыми РФ разорвала дипломатические отношения.

Несмотря на то, что определение «миграционно-опасных стран» в целом направлено на ужесточение требований для граждан данной страны по получению российских виз, но фактически – оно также влияет на состояние проживающих в ней российских граждан. Более того, если конкретная семья имеет смешанное гражданство: мать гражданка РФ – дети и супруг граждане страны пребывания или мать и дети граждане РФ – супруг гражданин своей страны, то проблема выдачи виз серьезно осложняет семейные визиты в Россию для оформления документов, вступления в наследство, по причине болезни или смерти родственников и др., особенно когда ситуация носит экстренный характер.

Таким образом, подходя к понятию сегрегации российских граждан по месту проживания можно разделить страны мира таким образом:

- Благополучные страны и страны СНГ.
- Миграционно-опасные, но с давними дружественными традициями.
- Миграционно-опасные, без дружественных традиций.

И если в благополучных странах и странах СНГ права российских граждан практически соответствуют правам российских граждан, проживающих на Родине, то для последней категории – права российских граждан в них ущемляются весьма значительно.

Далее изложим наиболее часто нарушающиеся права граждан в социальной сфере [3]. Право на социальное обеспечение, право на охрану здоровья, право на образование, право на получение пенсии – фактически отсутствуют, даже несмотря на то, что при дипломатических миссиях обычно организованы школы и медицинские пункты. Дети, рожденные за границей, но имеющие российское гражданство, не имеют возможности бесплатно посещать школу при посольстве (цены на образование очень высоки и даже при возможности платить далеко не все руководители школ считают возможным «зачислить ребенка не из дипломатического учреждения»), бесплатно лечить такого ребенка невозможно даже находясь в России, так как при нахождении на консульском учете зачастую невозможно оформить медицинский полис. Кроме того, такие дети лишены всех социальных выплат, даже особые выплаты, которые были введены в 2020 году в связи с ситуацией COVID-19 лично президентом страны В. В. Путиным не были им доступны (оформление выплаты было возможно только с указанием действующего российского номера телефона), причем Уполномоченные по правам человека и по правам ребенка отказались от дискуссии на данную тему. Оформление пенсий в миграционно-опасных странах также невозможно и требует от пожилого

⁴ См. Перечень миграционно-опасных стран по классификации МИД РФ // Визовая поддержка для иностранцев: [сайт]. URL: <https://ivisaonline.com/list-of-migration-risk-countries> (дата обращения 02.02.2021); Ситуационно-кризисный центр МИД РФ: [сайт]. URL: <https://sos.midhelp.ru/> (дата обращения 03.02.2021).

человека полета на Родину и сбор большого количества документов, также есть необходимость ежегодного подтверждения своего «наличия в живых».

Дети, имеющие гражданство России, не могут поступить в российские ВУЗы как граждане РФ, поскольку документы о заграничном школьном образовании в большинстве ВУЗов не принимаются (даже в легализованном виде) и требуется сертификат о сдаче ЕГЭ, который находясь за границей сдать невозможно. При этом поступить на отделение для иностранцев они также не могут, поскольку имеют гражданство РФ.

Нередко нарушается право избирать (участвовать в выборах), когда избирательные участки организуются исключительно для работников дипломатической миссии и посторонние на них не допускаются. Либо избирательные участки находятся в территориально удаленных районах, куда добраться довольно сложно.

Граждане России, постоянно проживающие в странах из «черного списка», подвергаются дополнительным допросам и досмотрам на границе, по прилете в РФ, с составлением маршрута передвижения по стране и со сбором контактов родственников, причем не однократно, а при каждом прилете в РФ.

Дипломатические представительства, несмотря на то что имеют прописанную функцию «защита сограждан», фактически очень часто манкируют ею. Многие документы, оформляющиеся через консульские отделы, оказываются потерянными, утраченными, неправильно оформленными (или вовсе неформальными). Многие граждане России вынуждены годами жить без каких-либо документов на руках, пока идут разбирательства между консульским отделом дипмиссии и МИДом. Зачастую данные о родившихся детях, получивших в дипмиссии гражданство РФ не передаются в головные организации и, когда ребенку исполняется 14 лет, он не может получить внутренний паспорт РФ просто потому, что данных на него нет в базе.

Также следует отметить, что если в Европе или Америке достаточно выгодно получить новое гражданство и в дальнейшем утратить российское, чтобы не сталкиваться с дискриминационными фактами, то в странах Азии, Африки или Южной Америки сохранение российского гражданства и передача его детям нередко становятся фактором выживания, возможностью вернуться домой в случае возникновения конфликта или военной ситуации, возможностью сохранить детей в случае бракоразводного процесса. Таким образом, в этих неблагоприятных странах российские граждане (чаще – женщины) вынуждены в течение десятилетий терпеть дискриминацию со стороны чиновников и прочих служб РФ, чтобы в какой-то момент сохранить жизнь и здоровье своим детям за счет сохраненного российского гражданства. Кроме того, сохраненное российское гражданство в данных странах нередко становится барьером (иногда абсолютным, подразумевающим невозможность) для трудоустройства женщины или её детей, получения образования, получения социальных пособий и льгот, возможности получения наследства и прочего в государстве проживания. Т.е. они дискриминированы дважды: со стороны РФ (по факту проживания) и со стороны государства проживания (по факту гражданства РФ).

Неоднократные обращения в правительство РФ, МИД и на прямую линию с президентом России В. В. Путиным не дали никаких результатов, кроме крайне формальных писем, не содержащих практической информации. Властные структуры не заинтересованы в российских гражданах, проживающих за границей. При этом, российские граждане, которые в силу причин продолжают оста-

ваться неосведомленными о том, что их права, как права российских граждан, будут нивелированы или постоянно нарушаться, также как и права их будущих детей, продолжают каждый год покидать пределы РФ. С проблемами они сталкиваются уже прожив какое-то время за границей и решают их при помощи соотечественников, которые перебрались в данную страну ранее, а не при помощи дипломатов или российских миссий.

Сегрегация определяется Европейской комиссией по борьбе с расизмом и нетерпимостью как акт, в соответствии с которым (физическое или юридическое) лицо без объективного и разумного оправдания осуществляет отделение одних индивидуумов от других, руководствуясь при этом одним из дискриминационных оснований. В контексте сегрегации российских граждан данное отделение части их от закрепленных Конституцией прав осуществляется на основании постоянного их проживания на территории миграционно-опасных недружественных стран. Место проживания российских граждан оказывается основанием для лишения граждан РФ части прав, утрату ими и их детьми доверия государства (признание априори неблагонадежными), основанием для ненадлежащего оформления их документов или в отказе для оформления и прочее. Согласно статье 3 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года⁵, государства-участники особо осуждают расовую сегрегацию и апартеид [4]. Тем не менее, расовая сегрегация может существовать не только де-юре, но и де-факто посредством социальных норм, что мы имеем в случае с российскими гражданами, проживающими за границей.

Согласно вышеприведенным фактам, развитие российского гражданского общества может пойти двумя основными путями. Первый вариант: пойти по пути стран Латвии и Эстонии с выдачей «паспортов лиц, получивших разрешение на постоянное проживание в этих странах», т.е. любое лицо, выезжающее на постоянное проживание за границу, будет вынуждено обменять российский внутренний паспорт на аналогичный документ (так называемого «гражданства второго сорта»), который изначально будет означать ограничение российского гражданина в правах. Фактически это узаконит существующую на данный момент систему дискриминации и поражения в правах российского гражданина, проживающего за рубежом. Будет создана система градации российского гражданства: полного или частичного с различным набором прав. Нельзя сказать, что данный вариант оптимален для РФ, как страны - мирового лидера, однако позволит узаконить сложившуюся практику. Кроме того, подобное предупреждение до выезда из страны заставит граждан РФ серьезнее относиться к эмиграции, а не решать возникшие проблемы уже после выезда.

Второй вариант: пойти по пути решения накопившихся проблем и позволить гражданам России, проживающим за рубежом, особенно в миграционно-опасных странах, уравнивать свои права и использовать их аналогично гражданам России, проживающим на территории РФ, т.е. фактически признать современное состояние дел ошибочным и нуждающимся в исправлении. Безусловно, это потребует ресурсов и пересмотра многих исторически сложившихся норм, а также – воспитания нового типа чиновника и дипломата, однако – такой подход не только укрепит положение страны в глазах российских граждан, проживающих за рубежом (возникнет большая мотивация для возвращения на родину

⁵ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения 18.02.2021).

или ведения дел с ней связанных), но и упрочит положение России, как мирового лидера.

Выводы:

- Законодательная база РФ на высоком уровне не допускает дискриминации и сегрегации граждан РФ в зависимости от места проживания, однако, законодательные акты более низкого порядка ее фактически закрепляют.
- Задачи дипломатических миссий РФ по защите прав граждан РФ, проживающих за рубежом, выполняются от уровня «очень хорошо» до «очень плохо» в зависимости от страны, личности отдельных дипломатов и личного отношения к конкретному соотечественнику.
- Как правило, дискриминация и сегрегация российских граждан сильно зависит от страны пребывания и тем ярче проявляется, чем более страна приближена к «черному» списку нелояльных стран.
- Реальная дискриминация и сегрегация наблюдается в вопросах: здравоохранения, образования, социальных гарантий, прав на качественное и своевременное оформление документов, прав на передвижение и приезд в Россию и прочее.
- В настоящее время российское гражданское общество может пойти двумя путями развития относительно процессов сегрегации граждан РФ, проживающих за рубежом: признание факта дискриминации и сегрегации и оформление соответствующих документов «гражданства второго сорта» или налаживания системы соблюдения прав россиян, проживающих за рубежом с установлением корректных и полноценных отношений с чиновниками и дипломатами, а также – с отменой дискриминационных законодательных норм.

Настоящее исследование является пилотным проектом и безусловно нуждается в дальнейшем углублении как в рамках освещения ситуации с дискриминацией и сегрегацией российских граждан, проживающих за рубежом, и отношения к ним чиновников разного уровня в правительстве, дипломатических миссиях, Россотрудничестве, так и в рамках исследования возможных путей развития российского гражданского общества и вместе с этим – положения России на мировой арене.

Библиографический список:

1. *Мкртчян, Н. В.* Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений / *Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская* // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25, № 2. С. 60-63.
2. *Рыбаков, Ю. М.* Дипломатия : учебное пособие / Ю. М. Рыбаков ; Дипломатическая академия МИД России. Москва : Восток-Запад, 2009. 567 с. ISBN 978-5-478-01281-6.
3. *Баканова, М. В.* За пардой. Канада : Altaspera Publ., 2018. 372 с. ISBN: 9780359147977.
4. *Thomas C. Schelling.* Models of segregation // The American Economic Review. 1969. Vol. 59, No. 2. Pp. 488-493.

Дата поступления в редакцию: 25.03.2021.

Принята к печати: 30.04.2021

Сведения об авторе:

Баканова Марина Владимировна, руководитель “Dua Hospital”,
Международный центр медицинской помощи. Исламабад, Пакистан.
e-mail: mari-ina@mail.ru

TERRITORIAL FACTOR OF SEGREGATION OF RUSSIAN CITIZENS LIVING ABROAD

Abstract: A person's place of residence often plays a significant role in his fate; moreover, it can act as a discriminatory moment. Specifically, the place of residence of a Russian citizen contributes to his reckoning with a certain caste, which can only be changed by changing the place of residence, and even then not always. In the conditions of modern Russian society, Russian citizens living abroad, especially in the countries of the "black list", are often impaired in their rights; find themselves in a discriminatory position, which may indicate a kind of unofficial segregation. At the same time, legislatively at the federal level, this defeat in rights depending on the place of residence does not exist; however, it is implemented through laws of a lower order, as well as in the form of an unofficial policy in diplomatic missions, which, according to the convention, should, on the contrary, protect the interests of fellow citizens. Taking into account migration statistics, this type of segregation affects about 16-18% of Russian citizens, and this is a large part of Russian society. Such unofficial segregation can definitely deform Russian society in two directions: lead to a change in the structure of Russian civil society with the allocation of different degrees of citizenship to those more or less impaired in rights - this would legitimize Russia as a country disloyal to its own citizens or force it to abandon discriminatory laws and traditional concepts, raising a new generation of officials and diplomats, which would contribute to strengthening the international authority of Russia in the world.

Keywords: Russian citizenship, civil society, segregation by place of residence, medical and social anthropology, political science.

For citation: Bakanova M. V. (2021) Territorial factor of segregation of Russian citizens living abroad. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 2. P. 30-38. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.3

References:

1. Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. (2018) Migration of skilled workers to Russia: balance of losses and gains. *Ehkonomicheskoe razvitie Rossii [Russian Economic Developments]*. Vol. 25, No 2. Pp. 60-63. (In Russ.).
2. Rybakov Yu.M. (2009) *Diplomacy: Study Guide*. Moscow : East-West Publ. 656 p. ISBN 978-5-478-01281-6. (In Russ.).
3. Bakanova M. V. (2018) *Behind the parda*. Canada : Altaspera Publ. 372 p. ISBN 978-0-359-14797-7. (In Russ.).
4. Thomas C. Schelling. (1969) Models of segregation. *The American Economic Review*. Vol. 59. No. 2. Pp. 488-493. (In Eng.).

The article was submitted on March 25, 2021.

Accepted on April 30, 2021.

Information about the author

Marina V. Bakanova, Chief of "Dua Hospital", International Care Medical Centre.
Islamabad, Pakistan
e-mail: mari-ina@mail.ru

DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.4

УДК 323.2

Р. А. Татаров^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

² Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.
Тирасполь, Приднестровье

ПРИДНЕСТРОВСКАЯ РАЗВИЛКА: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ВЫБОРА ПРИДНЕСТРОВСКОГО НАРОДА

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ процесса государственного строительства в Приднестровье на основе идентификации приднестровского народа. Рассматриваются вопросы обретения механизма легитимности приднестровского государства, а также представлены инструменты обеспечения приднестровского выбора в реалиях XX-XXI вв. В анализе широко применен исторический метод и системный подход, формирующие понимание степени вовлеченности России в региональные процессы, а также место внешнеполитического выбора народа Приднестровья в структуре российских интересов и мнение граждан Российской Федерации о приднестровском урегулировании. Автор освещает исторические вехи формирования приднестровского идентификационного кода, приходит к выводу о значительном различии наполнения молдавской внешней политики от приднестровской на этой основе. Базируясь на представленных данных на республиканских референдумах в Приднестровье, а также на основании полученных результатов социологических опросов, проводившихся на территории Приднестровья и на территории Российской Федерации, выявлены особенности выбора приднестровцев, отражено мнение россиян относительно судьбы Приднестровья. Кроме того, обозначена официальная позиция России по приднестровскому урегулированию, которую в настоящее время нельзя назвать строго оформившейся. Показано, что, находясь на развилке очередного цикла пространственно-временного континуума, в основу приднестровского выбора легло историческое наследие республики, а также позиция Российской Федерации по вопросам урегулирования молдо-приднестровских отношений. Подтвердилась гипотеза о непрерывно возрастающей роли России в судьбе Приднестровья, а также существенное значение Приднестровья для России, наполненное историческим, геополитическим и культурным содержанием. Делается вывод о возрастании в отдельных сегментах российского общественного мнения запроса на защиту национальных интересов России.

Ключевые слова: Приднестровье, Россия, выбор, референдум, общественное мнение, Молдавская ССР.

Для цитирования: Татаров Р. А. Приднестровская развилка: к вопросу об основании и реализации выбора приднестровского народа // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 39-47. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.4

В условиях фрагментации основ современного мирового устройства, сопровождающейся трансформацией конструкций глобализации, особую роль приобретает суверенитет государства, основы которого формируют его легальность и легитимность проводимого политического курса. В современных условиях актуальность анализа источников легитимации государства неустанно возрастает, а фактор легальности является ключевым в процессе оформления независимо-

сти государств с ограниченным суверенитетом, каковым является Приднестровская Молдавская Республика.

Конструкцию политической системы Приднестровской Молдавской Республики определяют основные направления приднестровской внутренней и внешней политики и их институциональное планирование, закреплённые в приднестровском законодательстве. В реалиях дня сегодняшнего приднестровская государственность строится на трех столпах, базовые основы которых держат на плаву «корабль» непризнанного государства, задавая ему направления и темпы движения. К таковым факторам следует отнести волю приднестровского населения, российское военное присутствие на берегах Днестра, а также степень консолидации приднестровского общества. Выстроенная архитектура приднестровского государства получила свое формирование в поздний период существования СССР. Пронзившая все сферы общественной и политической жизни в Советском Союзе, политическая перестройка после её официального запуска стала восприниматься в обществе как символ перемен, которые в состоянии привести к позитивным изменениям. С такой же стремительной силой в конце 1980-х гг. разочарование о несбывшихся надеждах окутывало все советское общество, в котором нарастали тенденции национализма и непринятия в каких бы то ни было формах политики СССР после начала дезинтеграционных процессов. Идеологическая платформа появившихся в общественной жизни явлений националистической направленности была основана на своеобразно выстроенной ими эпопеи, повествовавшей о неизменной приверженности гармоничного мира героической и самодостаточной истории национальных республик до их вхождения в состав СССР. Русский философ Николай Бердяев в свое время отметил, что «...национальность есть положительная ценность, обогащающая жизнь человечества, без этого представляющего собой абстракцию, национализм же есть злое, эгоистическое самоутверждение и даже презрение и ненависть к другим народам» [1, с. 514-515]. Создававшаяся ситуация, характеризующаяся консолидацией националистических сил в организацию «Народный фронт», выступавшую с откровенно антирусскими и даже русофобскими лозунгами, выдвигавшую на передний план в том числе и вопрос регулирования национальных отношений в Молдавской ССР. На этой волне произошло принятие молдавским парламентом закона «О статусе государственного языка о Молдавской Советской Социалистической Республике», «О функционировании языков на территории Молдавской Советской Социалистической Республики», «О возврате молдавскому языку латинской графики»¹ и Постановление «О заключении комиссии по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г.». Стоит отметить, что с 1924 по 1940 гг. территория Приднестровья не находилась в составе Молдовы. Она была автономией в составе Украинской ССР. Таким образом, отмена юридической силы включения Молдавии в состав Советского Союза выводила за рамки территорию Приднестровья, а принятие пакета языковых законов, ставило в неравные, по сути, дискриминирующие рамки русскоязычное население. Согласно всесоюзной переписи населения 1989 года, русских на территории Молдавской ССР было 562 069². Безусловно, не вызвать ответной реакции на ущемление прав русскоязычного населения ситуация по определению не могла. Начались массовые забастовки на предприятиях, началась активная борьба части населе-

¹ Газета «Советская Молдавия» от 20 августа 1989 года.

² Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: <https://u.to/GGRNGw> (дата обращения 16.03.2021).

ния за свои права под началом консолидированной силы в лице ОСТК [2, с. 53]. Таким образом, обретение формы «приднестровской развилки» вполне вписывается в философскую трактовку и на этих началах может носить интерпретироваться как «вещь в себе», характеризующая становление новой реальности:

– во-первых, произошло очерчивание новых региональных контуров, вызванное разрушением единого политического пространства в лице СССР, что приводило в движение разнонаправленные силы, выступающие за суверенизацию национальной государственности (в лице Народного фронта, питавшегося идеями творческой интеллигенции) с одной стороны, и за сохранение территориальной целостности Советского Союза с другой (рабочий и промышленный слои населения), что отчетливо находило свое проявление на территории Молдавской ССР, часть которой объявила о своей независимости в 1990 году, а другая часть – Приднестровье – оставалась в составе Советского Союза, реализуя тем самым волю населения, которое в 1989-1990 гг. на местных и республиканских референдумах высказалось за сохранение территории в составе СССР;

– во-вторых, произошло искусственное смещение приоритетов под воздействием тренда самостоятельности, умело использовавшегося в качестве главного критерия обретения самодостаточности с одной стороны и укрепления самосознания в среде части населения с другой под воздействием необходимости сохранения системы, направленной на поддержание стратегической стабильности. Причиной роста конкурирующих мнений стала, как не парадоксально, возможность выбора между тем, чтобы примкнуть к сторонникам суверенизации с одной стороны либо сторонникам нерушимости утвердившихся устоев советского общества с другой. Возможность выбора в этот период времени на примере ситуации, сложившейся в Молдавской ССР, привела в начале к росту конфликтного потенциала, а затем и к открытому противостоянию в обществе в границах союзной республики.

– в-третьих, образование в 1990 году Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики стало олицетворением выбора населения в пользу сохранения существующей на тот период реальности, а затем нашло свое отражение в ориентации Приднестровья на интеграцию с Российской Федерацией.

Таким образом, уже в начале 1990-х гг. приднестровский выбор стал ориентироваться на тесные связи с Россией, а провозглашение независимости Приднестровской Молдавской Республики – фактором сохранения изначально выбранного пути, к отказу от румынизации и дискриминации русскоязычного населения, которое получало закрепление своих прав в приднестровской Конституции, придававшей статус государственного трем языкам: русскому, украинскому и молдавскому, и возможности наличия у приднестровцев второго гражданства. Процесс закладки основ здания приднестровского государства проходил в результате консолидации населения республики и выражения его общего мнения на местных и республиканских референдумах, что отражает степень консолидации приднестровского общества и его ориентиры.

Результаты референдумов наглядно демонстрируют движение настроений приднестровцев в сторону укрепления своей государственности с плотной ориентацией на российский вектор.

Выбранный путь приднестровского населения находит свое проявление и в настоящее время. Представленные социологические опросы в период с 1990-х по настоящее время показывают отношение населения Приднестровья российскому вектору. Проведенный в 1993 году опрос показывает, что 96,4% приднестровцев поддержали создание Приднестровья как независимого и суверенного государства,

Таблица 1

Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике

Название референдума	Вопрос, вынесенный на референдум	Дата проведения референдума	Явка	Ответ «За»	Ответ «Против»
Местные референдумы об образовании Приднестровской Молдавской ССР (консолидированные цифры)	О целесообразности вхождения территории (города, района, села, поселка) в ПАССР (ПМССР, Приднестровскую республику) в случае её создания	декабрь 1989 – ноябрь 1990 г.	471 907 человек (79%)	355 345 человек (95,89%)	8 998 человек (2,4%)
Всесоюзный референдум о сохранении СССР.	Считаете ли Вы необходимым сохранение СССР как обновлённой федерации равноправных, суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности	17 марта 1991 г.	411 411 человек	402 859 человек	6 551 человек
Референдум о независимости Приднестровской Молдавской Республики (ПМР)	Вы за независимость Приднестровской Молдавской Республики в политическом и экономическом Союзе суверенных государств?	1 декабря 1991 г.	372 027 человек (78%)	363 647 человек (97,7%)	4 841 человек (1,3%)
Референдум по вопросу присутствия 14-й армии РФ на территории ПМР	Поддерживаете ли Вы нахождение 14-й российской армии на территории Приднестровской Молдавской Республики как необходимого гаранта мира и безопасности?	26 марта 1995 г.	310 167 человек (68,7%)	283 684 человека (90,9%)	–
Референдум о принятии новой Конституции ПМР и вступления Приднестровья в состав СНГ	1) Одобряете ли Вы новую Конституцию Приднестровской Молдавской Республики? 2) Вы за вступление Приднестровской Молдавской Республики в Содружество независимых государств и сформированные им межгосударственные структуры?	24 декабря 1995 г.	256 497 человек (58,2%)	209 794 (81,8%)	–
			256 497 человек (58,2%)	232 570 человек (90,6%)	–
Конституционный референдум о введении права частной собственности на землю (<u>признан несостоявшимся</u>)	Вы за принятие проекта Конституционного Закона – вычеркните слово – «ПРОТИВ». Если Вы против его принятия – вычеркните слово «ЗА».	6 апреля 2003 г.	153 126 человек (38,9%)	81 022 человека (52,91%)	68 129 человек (44,49%)
Второй референдум о независимости ПМР	1) Поддерживаете ли Вы курс на независимость Приднестровской Молдавской Республики и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации? 2) Считаете ли Вы возможным отказ от независимости Приднестровской Молдавской Республики с последующим вхождением в состав Республики Молдова?	17 сентября 2006 г.		1) 97,1%	–
				–	2) 94,6

Источник: Волкова А. З. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике [3].

где 34,83% высказались за создание приднестровской республики в составе России, 31,18% – за конфедеративную форму государства между Приднестровьем и Молдовой, 24,87% – высказались за независимость Приднестровья [4, с. 181-182].

Проведенный в 2001 году опрос показывает, что большинство респондентов (47%) видят территорию Приднестровья в составе Союза-Украины и Белоруссии, 30% – в составе Российской Федерации, 1% – в составе Украины, 12% – в составе Республики Молдова, 5% – выступили за самостоятельный статус Приднестровья. Было опрошено 4451 человек во всех приднестровских городах [4, с. 185]. Цифры отражают складывающееся на тот период времени социально-экономическое положение Приднестровья.

Кардинальным образом ситуация в общественном мнении приднестровцев меняется в 2002 году. Проведенный в этот период времени опрос показал, что 36,2% респондентов видят Приднестровье в качестве независимого государства, 31,9% – представляют будущее Приднестровье в качестве ассоциированного члена в РФ, 10,6% выступили за ассоциированное членство с Украиной и только 4,3% поддержали конфедеративный статус Приднестровья в составе Молдовы или её автономизацию [4, с. 187].

Отношение приднестровцев к России складывается под влиянием расстановки приоритетов российским руководством в процессе урегулирования молдо-приднестровских отношений. В своем исследовании приднестровский социолог Е. М. Бобкова приводит сравнительную таблицу отношения приднестровцев к гарантам и посредникам урегулирования конфликта.

Таблица 2

Распределение ответов приднестровцев на вопрос о том, от кого в большей степени зависит урегулирование молдово-приднестровского конфликта, %

Варианты	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2011 г.
От руководства Молдовы и Приднестровья	39,1	25,3	37,2	33,9
От гражданского общества двух берегов	8,8	12,2	19,6	7,9
От России	28,5	33,7	25,3	28,7
От Украины	4,2	4,8	0,6	0,8
От Евросоюза	2,7	4,1	3,1	4,7
От ОБСЕ	1,2	1,2	0,9	2,8
От эффективности диалога в формате 5+2	7,2	11,4	9,9	7,5
Затрудняюсь ответить	7,2	5,9	2,8	10,3

Источник: Бобкова Е. М. Социально-конвенциональный механизм устойчивости социума в условиях непризнанности: социологический подход (на примере Приднестровья) [4, с. 199].

Данные показывают, что Российский фактор в общественном мнении приднестровцев в целом носит устойчивый характер, а его изменения в восприятии респондентов как правило характеризуют текущий характер позиционирования России как гаранта мира и безопасности на Днестре под воздействием внешних условий.

После того, как в 2012 году национальной идеей Приднестровья стала Евразийская интеграция и участие ПМР в проектах, которые реализует Россия, был проведен опрос общественного мнения, показавший, что 34% респондентов считают национальной идеей Приднестровья воссоединение с Россией, 20,4% – независимость Приднестровья, 44% – оказались не информированы о приднестровской национальной идее.

Значимым является и геополитический фактор. Российское военное присутствие на территории Приднестровья играет ключевое значение в развитии региональной архитектуры отношений. В общественном мнении приднестровцев присутствие российских войск одобряют 92,3% респондентов, из которых 76,6% выражают полное одобрение деятельности России на берегах Днестра. Опрос проводился в 2014 году. В него было включено 27 населенных пунктов Приднестровья, опрошено 964 человека [5].

Уже в 2016 году в ходе социологического опроса 71,7% высказались за независимость и присоединение ПМР к России, еще 18,2% считают, что суверенное Приднестровье должно стать частью Евразийского экономического союза. Также 82,7% считают недопустимым вывод российских миротворцев из Приднестровья. Исследование проводилось анкетным способом, были опрошены 964 респондента³.

В 2019 году социологи фонда Черноморских исследований также провели опрос среди приднестровцев. Целью исследования было изучение культурных, социальных и экономических особенностей жителей Приднестровья. За то, что Россия является лучшим экономическим и политическим партнером Приднестровья, высказались 92,2% респондентов, при этом 37,1% считают, что ускорить развитие Приднестровья могло бы вхождение республики в состав России, 22,6% – высказались за независимость Приднестровья и только 5,2% – за вхождение Приднестровья в состав Молдовы⁴.

В России, в свою очередь, наблюдается неоднозначная позиция относительно Приднестровья. **Во-первых**, официальная позиция Российской Федерации сводится к признанию Приднестровья частью Республики Молдова. При этом территория Приднестровья остается зоной особых стратегических интересов России. **Во-вторых**, в риторике официальных лиц России наблюдаются существенные дополнения к пониманию её позиции. Еще в 2007 году Президент Владимир Путин заявил о том, что Приднестровский народ сделал свой выбор и имеет полное право на его реализацию. Последовавшая затем риторика со стороны министра иностранных дел России подтвердила предположение о том, что российская позиция может изменяться. Так, в 2014 году Сергей Лавров заявил, что Приднестровье в случае утраты Молдовой внеблокового статуса Приднестровье может стать независимым⁵.

Показательным считаются данные общественного мнения россиян в отношении Приднестровья. Проведенные ВЦИОМ опросы в целом свидетельствуют о положительном восприятии россиянами Приднестровья как суверенного государства. В пик экономического кризиса 2006 года, когда со стороны Украины и Молдовы была организована блокада Приднестровья, ВЦИОМ провел социологический опрос для оценки восприятия гражданами России событий, разворачивающихся вокруг Приднестровья. Было опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках РФ. Результаты опроса показали, что 63% респондентов информированы о том, что Приднестровье оказалось в экономической блокаде со стороны Украины и Молдовы. Ничего не знали о сло-

³ Опрос: более 70% жителей Приднестровья выступают за присоединение к России // Агентство аналитической информации «Русь православная». URL: <https://u.to/LapNGw> (дата обращения 20.03.2021).

⁴ Портрет Приднестровья: опыт румынских социологов // Radio Europa Liberă Moldova. 01.04.2019. URL: <https://u.to/1KtNGw> (дата обращения 17.03.2021).

⁵ Лавров: Приднестровье может стать независимым, если Молдавия изменит свой внеблоковый статус // Вести.Ru. 20.10.2014. URL: <https://u.to/aqxNGw> (дата обращения 18.03.2021).

жившейся ситуации – 28%. При этом 53% россиян затруднились ответить о необходимости поддержки Приднестровья. 38% высказались за оказание поддержки Приднестровью. 9% высказались за поддержку действий Молдовы⁶.

В дальнейшем опросы ВЦИОМ показали рост симпатии россиян в отношении непризнанных республик. После «пятидневной войны» в 2008 году, окончившейся признанием независимости со стороны России Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, 36% россиян в 2009 году выступали за признание принципа народов на самоопределение в качестве приоритетного и поддерживали в целом суверенизацию непризнанных государств (в 2008 году этот показатель был на уровне 34%). При этом произошло уменьшение числа сторонников принципа территориальной целостности как приоритетного. В 2009 году только 17% россиян высказались за приоритет принципа территориальной целостности государства (в 2008 году этот процент достигал отметки в 21). Стабильной в сравнении с 2008 годом осталась цифра, отражающая мнение россиян о необходимости поиска индивидуального решения для каждой ситуации – 34-36%. Проведенный опрос охватывал 1600 человек в 140 населённых пунктах в 42 областях, краях и республиках РФ⁷.

Приднестровский фактор оставался в центре внимания российских исследовательских центров и в 2013 году. В исследовании ВЦИОМ участвовали 1,6 тыс. респондентов старше 18 лет из 45 регионов и 137 населённых пунктов. 37% респондентов высказали мнение о том, что Приднестровье является частью Российской Федерации⁸. Проведенное исследование отчетливо отражает сложившийся характер построения приднестровской государственности и специфику формирования приоритетов внешней и внутренней политики сквозь призму реализации воли населения Приднестровья, а также отражает дополнительные инструменты наполнения палитры цветами приверженности главного стратегического партнера в лице Российской Федерации:

Во-первых, сравнительный анализ культурного развития и ментальных особенностей населения правого берега Днестра с населением левого отчетливо демонстрирует дифференциацию относительно приверженности стратегического партнерства с внешними игроками. Если правый берег стал частью России в 1811 году, а затем снова перестал быть её частью, то российское присутствие в Приднестровье не теряло своей актуальности еще с 1792 года, когда территория Приднестровья стала частью Российской империи. Таким образом, исторический аспект во многом может объяснять сложившиеся предпочтения приднестровцев и молдаван относительно внешнеполитической ориентации своих государств.

Во-вторых, взятые за основу результаты местных и республиканских референдумов в Приднестровье стали прочной основой для возведения системы планирования внутренней и внешней политики, стали отражением степени легитимности приднестровского политики.

В-третьих, в приднестровском обществе развита приверженность сохранению российского присутствия на берегах Днестра, а также высокая степень до-

⁶ Россияне о конфликте в Приднестровье // ВЦИОМ. 24.03.2006. URL: <https://u.to/obxNGw> (дата обращения 18.03.2021).

⁷ ВЦИОМ: 36% россиян выступают за признание Приднестровья и Карабаха // ИА Regnum. 04.08.2009. URL: <https://u.to/I61NGw> (дата обращения 20.03.2021).

⁸ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы // ВЦИОМ. 2013. URL: <https://u.to/fa1NGw> (дата обращения 20.03.2021).

верия к Российской Федерации как гаранту военно-политической и социальной стабильности приднестровского населения, что формирует особые условия для реализации в Приднестровье российских проектов и продвижения российских национальных интересов.

В-четвертых, для россиян, которые на постсоветском пространстве наиболее информированы о Приднестровье, эта территория воспринимается в контексте наличия российских интересов в регионе, а значит и рассматривания возможности оказания влияния на процесс урегулирования молдо-приднестровских отношений.

Выявленные в результате анализа характерные особенности приднестровского выбора, наглядно показывают специфику построения приднестровской государственности и в полной мере соответствуют показателям, полученным на референдумах в Приднестровье, а мнения россиян, относительно актуальности приднестровской проблематики позволяют сделать предположение о существующем в российском обществе запросе на защиту национальных интересов России за её пределами и обеспечения безопасности россиян в регионе урегулирования молдо-приднестровских отношений. Этот запрос находит свое проявление в риторике российской политической элиты и формирующейся приднестровской повестки в российских институтах государственной и политической власти.

Библиографический список:

1. Бердяев, Н. А. Русская идея. Судьба России. М. : Сварог, 1997. 541 с. ISBN: 5-85791-027-7.
2. Волкова, А. З. Горячее лето 1989 года. Тирасполь : Типар, 2004. 320 с.
3. Волкова, А. З. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989-2003 гг.). Тирасполь : Полиграфист, 2006. 392 с.
4. Бобкова, Е. М. Социально-конвенциональный механизм устойчивости социума в условиях непризнанности: социологический подход (на примере Приднестровья) : дис. ... доктора социол. наук : 22.00.04 / Бобкова Елена Михайловна; [Место защиты: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева]. Тирасполь, 2018. 362 с.
5. Леонтьева, О. В. Трансформация миротворческой операции в Приднестровье в общественном мнении населения ПМР. Тирасполь, 2016.

Дата поступления в редакцию: 07.05.2021.

Принята к печати: 24.05.2021.

Сведения об авторе:

Татаров Роман Александрович, соискатель, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; преподаватель, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье.

e-mail: tatarov-roman.93@mail.ru

Author ID РИНЦ: 1034701

R. A. Tatarov^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

² Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko. Tiraspol, Pridnestrovie

PRIDNESTROVIAN FORK: ON THE QUESTION OF THE BASIS AND IMPLEMENTATION OF THE CHOICE OF THE PRIDNESTROVIAN PEOPLE

Annotation: The article presents a comprehensive analysis of the process of state building in Pridnestrovie based on the identification of the Pridnestrovian people. The issues of acquiring the mechanism of legitimacy of the Pridnestrovian state are considered, as well as tools for ensuring the Pridnestrovian choice in the realities of the XX-XXI centuries are presented. The analysis widely uses the historical method and systematic approach, which form an understanding of the degree of Russia's involvement in regional processes, as well as the place of the foreign policy choice of the people of Pridnestrovie in the structure of Russian interests and the opinion of the citizens of the Russian Federation about the Pridnestrovian settlement. The author highlights the historical milestones in the formation of the Pridnestrovian identification code, comes to the conclusion that there is a significant difference in the content of the Moldovan foreign policy from the Pridnestrovian on this basis. Based on the data presented at the republican referendums in Pridnestrovie, as well as on the basis of the results of sociological surveys conducted on the territory of Pridnestrovie and on the territory of the Russian Federation, the peculiarities of the choice of Pridnestrovie are revealed, the opinion of Russians regarding the fate of Pridnestrovie is reflected. In addition, the official position of Russia on the Pridnestrovie settlement is indicated, which at present cannot be called strictly formed. It is shown that, being at the fork in the next cycle of the space-time continuum, the basis of the Pridnestrovian choice was the historical heritage of the republic, as well as the position of the Russian Federation on the settlement of Moldovan-Pridnestrovian relations. The hypothesis about the continuously growing role of Russia in the fate of Pridnestrovie, as well as the significant importance of Pridnestrovie for Russia, filled with historical, geopolitical and cultural content, was confirmed. The conclusion is made about an increase in the demand for protection of the national interests of Russia in certain segments of Russian public opinion.

Keywords: Pridnestrovie, Russia, choice, referendum, public opinion, Moldavian SSR.

For citation: Tatarov R. A. (2021) Pridnestrovian fork: on the question of the basis and implementation of the choice of the Pridnestrovian people. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 2. P. 39-47. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.4

References

1. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya. Sud'ba Rossii. [Russian Idea. The Fate of Russia.]* Moscow : Svarog Publ., 1997. 541 p. ISBN: 5-85791-027-7. (In Russ.).
2. Volkova A. Z. *Goryachee leto 1989 goda [The Hot Summer of 1989]*. Tiraspol : Tipar Publ., 2004. 320 p. (In Russ.).
3. Volkova A. Z. *Referendумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989-2003 гг.) [Referendums in the Pridnestrovian Moldavian Republic (1989-2003)]*. Tiraspol : Poligrafist Publ., 2006. 392 p. (In Russ.).
4. Bobkova E. M. *Sotsial'no-konvencional'nyj mekhanizm ustojchivosti sociuma v usloviyah nepriznannosti: sociologicheskij podhod (na primere Pridnestrov'ya) [Social and conventional mechanism of stability society in conditions unacknowledgment: sociological approach (on the example of Pridnestrovie)]*: dis. ... doktor sociol. nauk : 22.00.04. Tiraspol, 2018. 362 p. (In Russ.).
5. Leont'eva O. V. *Transformaciya mirotvorcheskoy operacii v Pridnestrov'e v obshchestvennom mnenii naseleniya PMR [Transformation of the peacekeeping operation in Pridnestrovie in the public opinion of the PMR population]*. Tiraspol, 2016. (In Russ.).

The article was submitted on May 07, 2021.

Accepted on May 24, 2021.

Information about the author:

Roman A. Tatarov, applicant, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia; Educator, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko. Tiraspol, Pridnestrovie.

e-mail: tatarov-roman.93@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2315-5008

ANALYZING SOCIAL REPRESENTATION OF GENDER-BASED VIOLENCE THROUGHOUT MEDIA DISCOURSE. THE CASE OF THE ITALIAN PRESS

Annotation. This work aims to provide a tool to analyze social representations of gender-based violence, an issue that is receiving increasing media attention in recent years. Focusing on the Italian case, the research questions we try to answer are: 1) How is gender-based violence represented in the Italian press? 2) How does Italian press represent the women victims of gender-based violence and the men authors of such violence? Particularly, we try to understand how press contributes to the social discourse on gender-based violence and what role it plays in the perpetuation of a social structure based on unequal power relations between genders.

The starting hypothesis is that the press can contribute to create and reinforce stereotypes and prejudices about the role of women in society, thus favoring the persistence of those relations of material and symbolic domination, that still too often lead to gender-based violence.

Our work is based on the data collected within the research project *STEP – Stereotypes and prejudice. Toward a cultural change in gender representation in judicial, law enforcement and media narrative*. It relies on the analysis of a corpus containing more than 16,000 articles published in Italian newspapers in the period between the 1st of January 2017 and the 31st December 2019, dealing with the issue of gender-based violence and with the crimes connected to it: domestic violence, rape, femicide, stalking, women trafficking.

Keywords: gender-based violence, media, stereotypes and prejudices, role of women in society.

For citation: Belmonte R., Negri M. (2021) Analyzing social representation of gender-based violence throughout media discourse. The case of the Italian press. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 2. P. 48-61. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.5

Introduction. Due to their pervasiveness, media – in particular news media – play a fundamental role in spreading cultural models and represent the main source for people to know and interpret reality. Indeed, through the selection and the omission of news, they influence public opinion and shape the social representation of phenomena. This also applies for the phenomenon gender-based violence [1-4], which is based on culturally transmitted social mechanisms [5-7] that are reflected in the language through which social institutions and actors represent it, thus reproducing the conditions underlying it [8-10].

In the last two decades, thanks to the several global campaigns (eg. #*Metoo* and *Ni una Menos*) that drawn great attention on gender issues, gender-based violence has gained more visibility in the public sphere and throughout the media [11]. Anyhow, social representations of gender-based violence vehiculated by media do not always help to correctly understand and interpret the phenomenon. They often beneath the dignity of the victims and feed prejudices towards them through toxic and stereotypical narratives, thus reproducing a patriarchal ideology that weakens women and prevent them to breaking free from masculine domination [12-19; 9-10].

In the light of the above, this work is based on the assumption that news media, in particular the press, have the power to influence the social relevance of phenomena by increasing or reducing their visibility [19-21]. At the same time, through distorted narratives, they can contribute to creating and reinforcing stereotypes and prejudices about women's role in society, thus favoring the persistence of those relations of material and symbolic domination [22] that still too often lead to male violence against women.

Starting from these premises, in this work we analyze how national, macro-regional and local Italian press narrates violence against women and which kinds of messages the newspapers spread. In particular, our attention is focused on the stereotypes and prejudices that characterize the journalistic narrative of gender-based violence and contribute to its normalization.

Specifically, the research questions we try to answer are: 1) *How is gender-based violence represented in the Italian press?* 2) *How does Italian press represent the women victims of gender-based violence and the men authors of such violence?*

Precisely, we will try to understand how the press contributes to the social discourse on gender-based violence and what role newspapers play in the perpetuation of a social structure based on unequal power relations between genders, in which women are in a disadvantaged position. The work is based on the data collected within the research project *STEP – Stereotypes and prejudice. Toward a cultural change in gender representation in judicial, law enforcement and media narrative* led by Tuscia University and coordinated by Prof. Flaminia Saccà¹, that has analyzed sexist attitudes, stereotypes and prejudices related to violence-against women and characterizing the current socio-cultural environment.

Methodological and contextual aspects. The study of the representation of gender-based violence can undoubtedly be included among the empirical research practices in numerous sub-disciplinary areas of sociology: sociology of communication, sociology of security, sociology of the family, sociology of deviance, sociology of political phenomena, and so on. Indeed, in the representation of gender-based violence the cultural context in which the abuse takes place has a crucial role.

The objective of the study on which this article is based is first and foremost descriptive, but we also seek to provide some explanatory hypotheses and an operational tool to scholars and practitioners, in the context of the cognitive and formative action-research of which the work is part. In order to achieve such aim, we present the results (quantitative, typological and dealing with best and worst practices) which, it is hoped, will contribute to a progressive improvement of communication on this very important and highly sensitive subject. The sources used in this study are among the most used in the national-level research carried out in Italy, together with the institutional quantitative sources (i.e., Istat, ministries, and so on). The research strategy is mainly synchronic (but may constitute the start of a monitoring process), comparative (especially in space and by types of publications considered) and extensive (with regard to the number of cases considered).

According to what emerged from an analysis, conducted by Capecchi, on the state of the art of research on gender-based violence and femicide in Italy, «the analyses and interpretations proposed seem to depend very much on the interpretative paradigms and definitions adopted by the researchers, rather than on the theoretical structure of the research» [23]. «This tendency seems indeed to be found, but it does

¹ STEP project has been carried on by Tuscia University in partnership with the NGO “Differenza Donna” and has been supported by the Department for Equal Opportunities of the Presidency of the Council of Ministers (www.progettostep.it).

not appear as an absolutely unavoidable circumstance. In any case, the recurrence reported can certainly be understood in the light both of the ethical connotation of the object of study and of the need to delineate clear and unequivocal concepts and paradigmatic references, due to the elements of definitional uncertainty present in the scientific debate and among experts» [23].

According to Capecchi [23], «in Italy it is possible to distinguish two fundamental interpretative paradigms concerning gender-based violence: on the one hand, the feminist and sociological perspective focused on socio-cultural explanations of the phenomenon, and on the other hand, the psycho-individualistic paradigm». The theoretical framework of the research on which this article is based also includes both generalist and socio-political sociological aspects. However, it also, and above all, refers to socio-cultural and socio-communication aspects.

In this last respect, it should first be noted that the world of media communication has changed profoundly in recent decades. It is changing constantly, alternating between revolutionary and incremental moments, and increasingly rapidly. Even in this new context, mainstream media information is absolutely relevant. This is even more so with the growth of phenomena like the cognitive self-segregation, with the development of the so-called echo chambers, and because of the pedagogical characterization of the Italian journalistic system. In this regard, it should be remembered that the narrative model is an essential part of representation and the latter always assumes a social dimension. «To connect is to explain: to withdraw from the universe of the purely random, of the unjustified and the brutally arbitrary. A world that is told, or that can be told, is much more livable than a world that is only directly experienced» [24]. The use of the narrative model is not only limited to fiction or videogames. It extends to journalistic information and it is almost natural that it occurs in the presence of stories (such as cases of gender-based violence, especially the most striking ones) and, even more so, in a judicial reality that requires the reconstruction of facts. Moreover, we should consider the presence of a plurality of further representations drawn for purposes which, as in the case of popularization and politics and others, go beyond the journalistic and legal dimensions. The purpose of narration often transcends the mere transmission and sharing of information and cultural contents and involves the process of socialization (and the convey of complex more culturally advanced contents). This applies also for journalistic communication. On the contrary, the case of the Italian press is emblematic in this sense, precisely because of its traditional tendency to combine literary modes of expression and a vocation towards socialization, all within the context of an impure publishing system, strongly correlated with the political and economic systems, and rarely ascribable to a dimension of independence (with only a few exceptions, among the digitally native media). It is no coincidence that Mancini speaks of a fragile system, implying not only its limited economic weight, but also, and above all, the weak professional and functional identity of its individual and organizational protagonists. In other words: «its ability to influence, independently of other systems, the processes of social change» [25, p. 12]. The concept of impure publishing stress on the subordination of journalistic and media culture to that of the (more powerful) ideological or interest groups (party press, business press, etc.).

In such a context, what emerges is what, in the Anglo-Saxon meaning, is called advocacy journalism or point-of-view journalism, which is absolutely compatible with the vocation for the interpretation, comment and reconstruction of facts, also typical of the Italian journalism. As Asor Rosa observed, the relationship between informa-

tion and politics, and the relationship between journalism and literature «have generally moved in the opposite direction to the two great models of European and particularly Anglo-Saxon journalism: journalism-information and journalism-popular» [26, p. 1242], essentially lacking any educational ambitions or intellectual growth.

In the Italian case, opinions and comments (that are the results of an advocacy-type professional orientation) are often expression of an elevated degree of partisanship. In addition, newspaper article or the page of a newspaper dedicated to a single theme ends up proposing a mixture of genres, as it happens in the TV infotainment. Boccia Artieri [27, p. 49] cites Davis's considerations on the close relationship between journalism and novel, which manifests itself in a real news/novels discourse, and on the characterization of the latter in terms of factual fiction [28]. Given this communicative situation, the study of an issue of deviance and criminality with relevant cultural and normative implications (both at legal and social level) – as it happens for gender-based violence, becomes particularly relevant.

The research. Our research relies on the results of the analysis of a corpus of 16.715 newspaper's articles created by collecting articles on gender-based violence, published by fifteen Italian newspapers² in the period between the 1st of January 2017 and the 31st December 2019. In order to answer to our research questions, we made a computer-based content analysis of our corpus throughout two software: 1) Weblive, that allowed measuring the absolute frequency of lemmas and, therefore, finding the main occurrences within the corpus; 2) SketchEngine, that made possible to investigate throughout statistical measures aimed to synthesize the syntactic, semantic and collocational behavior of selected nouns. Particularly, data analysis has been conducted through the function WordSketch, that allowed to view graphical representations of the linguistic constructions through which press tends to narrate gender-based violence and describe its protagonists.

From the analysis of our corpus five main items of interests emerged: *a)* an unbalanced representation of victims and perpetrators; *b)* a “de-responsibilization” of the violence's perpetrator; *c)* a denying of woman's subjectivity; *d)* a normalization of violence; *e)* an episodic narrative of violence.

a) An unbalanced representation of victims and perpetrators. The first result of our analysis relates to the centrality of women in the journalistic narrative of gender-based violence and the parallel marginality of the men who perpetrated such violence. Indeed, by observing the first hundred occurrences within the corpus, we noticed that the words *woman* and *women*, that correspond to the victims of male violence, are much more frequent than *man*, *men* or *husband*, namely the main perpetrators of gender-based crimes, who occur very marginally. The word cloud³ shown in the figure 1 clearly reflects a journalistic narrative of the violence in which there are no culprits. The attention is indeed focused on the victim (i.e., *woman*, *women*, *wife*, *she*, *victim*, *victims*), on the crime perpetrated (i.e., *violence*, *stalking*, *femicide*, *abuses*), on the context in which violence is perpetrated (i.e., *house*, *home*, *family*) and on the coercive response by the institutions (i.e., *carabineers*, *police*, *judge*, *investigations*, *report*, *arrested*, etc.).

² The newspapers analyzed in our research are: “Il Corriere della Sera”; “Il Fatto Quotidiano”; “Il Giornale”; “Il Manifesto”; “La Repubblica”; “Libero Quotidiano”; “Il Giorno”; “L'Unione Sarda”; “Il Mattino”; “Il Messaggero”; “Il Corriere Adriatico”; “Il Gazzettino”; “Il Tirreno”; “La Gazzetta del Mezzogiorno”; and “La Sentinella del Canavese”.

³ A “word cloud” is a visual representation of the words used in a particular piece of text or corpus with the size of each word indicating its frequency.

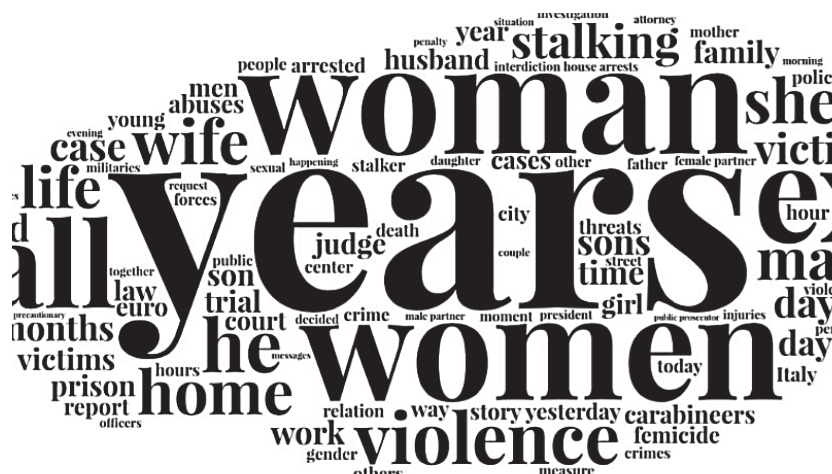

Fig.1 The most frequent words in the Italian newspapers' articles about gender-based violence.

Source: Tuscia University – STEP Project

Even if it is common knowledge that, in every society, the authors of violence against women are mostly men and, in most instances, they are the husbands, partners or relatives of the victims, in their narrative of violence newspapers use to eclipse the man who perpetrated such violence. It mostly happens through a distortion mechanism that Romito calls “linguistic avoidance”, namely: «a technique, deliberate or unconscious, thanks to which the perpetrators of violence against women and children – men – disappear from discourses and texts on male violence, whether these are international documents, scientific work or the popular press» [29].

Linguistic avoidance consists in the use of expressions such as “marital disputes” or “domestic violence” instead of “male violence” and “husband’s violence” [29], or in the common practice of de-humanizing the perpetrator by depicting him as a “monster” [30] or as a beast [19]: e.g. «*It was a blow for the woman, who came face-to-face with a real ogre*»⁴ or «*A raptus that suddenly turned the boyfriend into a monster*»⁵. Such expressions, indeed, conceal the relation between masculine and violence. The latter is thus narrated as something that does not involve men, at least not directly. On the contrary, highlighting the male protagonist of the violence would mean standing up to the men’s “power” – deeply rooted in every culture – to disappear from the discourses about violence against women [31].

b) The deresponsibilization of the violence’s perpetrator. In the journalistic narrative of violence against women, when the man does not disappear, he is never depicted as completely guilty. Indeed, one of the most significant aspects emerging from the analysis of our newspapers’ corpus and widely confirmed in literature [29; 19; 32-33] is the tendency to de-responsibilize the author of the violence. Such tendency, which contributes to make the abuses of women socially acceptable, is mainly based on three biases that occur in the narrative – both journalistic [10] and judicial⁶ – of gender-based violence and that we will explore in depth in the next pages: the *lovers’ quarrel*, the *jealousy*, the *raptus*.

⁴ Redazione “Il Tirreno”, *Violentava la figlia: operaio condannato*, 18.11.2017..

⁵ M. Lardara, *Violenza sulle donne: i ragazzi dicono “no”*, “Il Tirreno”, 14.02.2017.

⁶ For more on the theme of social representation of gender-based violence in the judicial field in this volume, refer to the article *Stereotypes and prejudices in the legal representation of violence against women. A socio-cultural analysis of the sentences in the Italian courts*, by L. Massidda and F. Saccà.

Furthermore, male responsibility is mitigated also when the violence is considered as a consequence of the deviant nature of the perpetrator. In the newspaper articles dealing with gender-based violence, men are usually described by adjectives that refer to their personality (*violent, weak, gentle, etc.*), to their origins (*Italian, Greek, Moroccan, etc.*), their personal qualities (*brilliant, mature, etc.*) or their social and marital status (*young, adult, married, etc.*). Particularly, by observing the terms most frequently associated with the word *man* by each of the newspapers analyzed, a first kind of de-responsibilization of the perpetrator emerges. It consists in the depiction of the latter as a *violent, dangerous* or *aggressive* man, or as *drug addicted, a crazy person* or a *misfit*.

e.g.: «The 21-years-old guy, indeed, is drug addicted. Such condition is at the origin of his violent behaviors and of the episodes of beatings reported by the expectant mother to the Company of Carabinieri of Pordenone, that followed this delicate case from the beginning, trying to protect the young woman and to avoid any possible risk for her pregnancy»⁷.

Likewise, the lack of awareness represents an alibi for those men whose violence is narrated by the press throughout the frames of the jealousy and raptus. In these cases, the perpetrator is depicted as a *simple, gentle* or *mature* man, whose brutality has been triggered by a fact or by a provocation that made him lose control: the desire for self-determination of the partner, the suspicion of being cheated on, the distress or the incapacity of accepting a breakup. Consequently, male violence against women becomes “crime of passion” [19], that Monckton-Smith describes as «outbursts of extreme violence, directed at a loved one, and in response to provocations which threaten the perceived stability of a loving or romantic relationship, and can be considered a demonstration of depth of love for the victim» [32, p. 86].

Nevertheless, talking about love or passion between the victim and the perpetrator let people consider violence as a natural consequence of such sentiments. Thus, the will for possession, domination and annihilation underlying crimes against women are interpreted as manifestations of intimacy and love [19; 32; 34-35].

e.g.: «Love is a fire, a flame that sometimes brings to uncontrolled actions. It's the fire that has been felt by the tired and tortured heart of the old man from Cecchina, a peripheral area of Rome, who – despite being 84 years old – after his partner left him, poured a can of gasoline on the glass door of the woman's house, luckily while she was outside»⁸.

In the articles that explain gender-based violence through the frame of the jealousy, among the adjectives more often associated to the word *man*, besides *violent*, there are: *crazy, perfect, capable, gentle, wonderful*. These expressions shape the idea of a perpetrator who is also victim of his inability to control the jealousy. At the same time, the word *jealousy* is associated to adjectives that convey the idea of an impulse so uncontrollable that justifies perpetrator's brutality (i.e., *obsessive, insane, extreme, pathological, blind, uncontrollable, etc.*). Consequently, the responsibility of the man who committed violence is mitigated by his “impossibility” to control his impetus.

e.g.: «Blinded by jealousy and anger, on Saturday morning her husband stormed in the bathroom while she was taking a shower, grabbed her and dragged her out of the shower-box and smashed her face on the sink»⁹.

⁷ Redazione “Il Gazzettino”, Maltrattava la compagna incinta, arrestato, 11.10.2018.

⁸ G. Tedoldi, Folle d'amore e stalker a 84 anni, in “Libero Quotidiano”, 11.02.2018.

⁹ M. Aldighieri, M. Lucchin, Il dramma nel padovano, in “Il Gazzettino”, 19.02.2019.

Also, perpetrator's guilt is diminished in those newspapers' articles – although less frequent¹⁰ – that represent violence against women as consequence of a raptus. The latter is depicted as a temporary loss of judgement, an instinctive and uncontrollable violent impulse associated to madness, jealousy or love. Although the concept of raptus is not recognized by psychiatry [36], it is still not rarely used to justify the loss of control that brings men to commit violence against women. It so happens that the perpetrator ends up appearing, in the eyes of society, as a victim of an instinctive and uncontrollable impulse originated from a sentiment that became pathological [32; 4]. Indeed, in the articles that narrate violence throughout the frame of the raptus, the word man is associated to adjectives like *simple, fair, broken, brilliant, disoriented or frustrated*. Male brutality is so perceived as an irrational behavior instead of a manifestation of a social structure based on unequal power relations, in which men occupy a position of symbolic and material domination [22; 37-39].

Nonetheless, representing male violence against women as an action which is independent from the author's will, thus vehiculating the idea that both of the protagonists are victims, inexorably involves an emphatic reaction of the readers towards the perpetrator and, at the same time, a suspicion towards the victim.

c) The denying of woman's subjectivity. Whilst in the journalistic narrative of male violence against women the aspects related to the perpetrator's personality represent the main descriptive element, when press talks about the victim attention is mainly focused on her social status (i.e., *young, foreigner, residing, Italian, etc.*), and on her family status (i.e., *married, single, pregnant, divorced, etc.*). In addition, a further element emerging (which does not characterize the description of men) is that, in some cases, press describes the victim as beautiful, whereas there is no mentioning of male beauty in the narration of gender-based violence. It is also infrequent that press describes the man as son, father or father-to-be.

Talking about the woman who is victim of violence by referring to her youth, beauty and motherhood means not to recognize her a full subjectivity and autonomy, thus fostering prejudices and stereotypes that perpetuate the old dominant gender order and normalize male violence. In other words, women are not protagonist either when they are abused, stalked or killed because the dominant perspective is still the male one.

d) The normalization of violence. The many initiatives and awareness campaigns on gender-based violence through the television, newspapers and Internet testify the great visibility that this phenomenon gained in the contemporary media landscape [40-42]. Notwithstanding, the greater attention on the issue, which is present in each sector of the cultural and information industry [43], is not an indicator of an increased awareness on the subject and does not always represents a mean for contrasting the phenomenon of violence against women. On the contrary, from the analysis of more than 16.000 newspapers' articles on gender-based violence it emerges a significant asymmetry between reality and its representation provided by the press.

For what concerns the main forms of gender-based violence narrated by the press, it is noted that although violence against women does not consist only in physical assaults, but it includes also psychological abuses, threats, blackmails, and persecutions, press mostly covers forms of violence that produce physical consequences or that can be materially demonstrated (e.g., sms, phone calls, e-mails or material damages in the case of stalking).

The episodes of gender-based violence most frequently covered by the press deal with cases of stalking (53,4%) and femicides (44,5%), whereas only 14% of the news-

¹⁰ While the frame of jealousy occurs in the 6,6% of the articles, the frame of raptus is present only in the 1,4%, showing how such expression is progressively disappearing from the linguistic repertory.

papers' articles deals with domestic violence. Finally, 10% of the articles of our corpus narrates rapes.

According to the data provided by the Italian Ministry of the Interior covering the same period of our articles' corpus, the crime against women most frequently perpetrated in Italy is domestic violence. Specifically, the reports of domestic violence in 2017, 2018 and 2019 correspond exactly to the 47%, the 48% and the 51% of the totality of crimes against women perpetrated in that years. Anyway, the worsening of the phenomenon does not seem having effects on the press coverage, and the press' attention continues to be focused on stalking and femicide.

However, if on the one hand stalking, since it is the form of violence against women mostly perpetrated in Italy¹¹, it is understandably the most covered by the press, on the other hand episodes of femicide correspond to the 0.7% of all the gender crimes committed in the years analyzed. Nevertheless, almost half of the articles of our corpus cover episodes of femicide. This unbalance between the frequency at which these crimes are perpetrated and their coverage in the Italian press is confirmed by the literature on the subject. Indeed, many authors [40; 44-46; 19] highlighted how newspaper articles are not reflective of the present reality; rather they are the result of a human choice of the news.

In the case of male violence against women, this choice is mainly based on the brutality of the crime perpetrated or the presence of extravagant details in the story. Newspapers, indeed, tend to focus on those events that break the everyday social life, thus becoming worthy of collective attention. In other words, if domestic violence does not provoke extreme consequences or if it is not characterized by aspects that make it newsworthy [47-48], it is overlooked by media which underestimate its disruptiveness for the victim's daily life and for the whole society.

As a result, intimate partner violence is not perceived as a social problem and unavoidably ends to be normalized and thus, more easily tolerated by the collectivity.

Frequently, in the newspapers' narrative, violence against women is depicted as a typical dynamic of a conflictual couple's relationship. It is the bias of the "lovers' quarrel", which consists in considering intimate partner violence as part of a normal family routine. In the articles in which the "lovers' quarrel" bias occurs, the *relationship* is described by adjectives such as *tormented*, *turbulent*, *stormy*, *troubled*, whilst the word *quarrel* is accompanied by adjectives like *violent*, *furious*, *familiar*, *continuous*, *frequent*.

Both of the words – *relationship* and *quarrel* – are thus associated to adjectives that contribute to transform a unilateral aggressivity in a conflictual relationship with the effect of representing the victims as co-responsible of the violence they suffered. In this way, it becomes always more difficult for a woman to recognize the signs of an abuse within what is generally represented as a turbulent relationship.

es. «Fierce family quarrel, drunk man beaten to a pulp his wife in front of his 5-years-old daughter. It was one of the many nights in hell for a 27-years-old woman who has been victim of physical and psychological violence from her 31-years-old husband»¹².

Even in this case, depicting violence as a quarrel or as an extreme consequence of a turbulent relationship means blaming both of the protagonists of the story and normalizing the abusive behaviors of which women are victims. In this way, press contributes to de-responsibilize or justify the real culprit and reproduces that cultural bias, present in the 12,4% of our newspapers' corpus, according to which violence against

¹¹ According to the data provided by the Italian Ministry of Interior, the cases of stalking reported in 2017, 2018 and 2019 represent the 33%, 32% and 31% of the total gender crimes perpetrated during each of year.

¹² S. Ronconi, *Ubricaco picchia la moglie davanti alla figlia di 5 anni. Arrestato marito violento. Ha trovato il coraggio di denunciare dopo due anni di soprusi*, in "Il Giorno", 3.12.2019.

wives, fiancés and partner is an ordinary aspect of a sentimental relationship instead of being regarded as a male misconduct [49-52].

As a result, while the fact that violence perpetrated in a family context is an aggravating element from the judicial point of view, the lack of journalistic coverage of the phenomenon witnesses how in the common thought domestic abuses are considered a “natural” element of the intimate partnerships [53].

e) *An episodic narrative of violence.* Another important aspect investigated by our research deals with the depth of the journalistic narrative of gender-based violence. From our analysis two main social representations of violence emerged: a prevailing one – common to all the analyzed newspapers – that privileges an episodic narration of the violence against women, which is described as a private affair that affects directly only the victim and the perpetrator; an unusual representation, that addresses gender-based violence as a sociocultural problem that should be read in the light of gender relations and inequalities [9-10].

A private affair. By observing the words occurrences for each single crime in our corpus, it emerges that the two main thematic areas are related to the judicial field (as it is demonstrated by the frequency of keywords like *carabinieri, police, judge, court, trial, report/s, prison etc.*) and the family (as it is shown by the frequency of key words like *home, family, wife, husband, partner, son, mother or couple*¹³). According to this kind of journalistic narrative, male brutality is deprived – both subjectively and objectively – of its social meaning and it is not explained in terms of asymmetry of power.

At the same time, when gender-based violence – both verbal and physical – is perpetrated in a closed context such as the domestic environment, the family nucleus or the couple’s relationship, it is depicted as a private affair. In this type of narration, there is no place for the antiviolence shelters, although their important role of assistance and support to the victims of male violence. In addition, in most of the newspapers there is no space for the political and cultural dimension of gender-based violence. Indeed, among the main occurrences of our corpus, there are not expressions referring to the feminist movements, to the power relations among sexes, to the culture, and inequalities. Therefore, journalistic narrative of gender-based violence does not consider the gender order and the power relations among sexes. Consequently, violence is not framed in a sociocultural, political and legislative dimension. On the contrary, press tends to privilege a narration that represents the cases of violence as episodic, thus leaving the symbolic order at the root of violence unchanged [54-55] disregarding the structural and global character underlying the phenomenon.

A sociocultural problem. The second type of journalistic representation of gender-based violence depicts this phenomenon as a cultural issue, as the manifestation of an historical *continuum* of violence and oppression that affects women and men all over the world. Newspapers that privilege this kind of social representation of gender-based violence provide for data about the spread of the phenomenon, highlight the sociocultural factors underlying violence, and inform about the measures of protection and support for the victims [31; 23]. This type of representation, that we define “thematic”, is very unusual compared to the trend emerged from our research. Only one of the newspapers analyzed – “Il Manifesto” – privileges a thematic representation of gender-based violence. Indeed, within its articles about gender-based violence, “Il Manifesto” stresses on the sociocultural factors underlying the violence, and on the role played by feminist movements and campaigns at both national and

¹³The 55% of the articles mention a couple. Specifically, the 25% of the articles deals with violence perpetrated within a wife-husband relationship and the 15% deals with unmarried partners.

transnational level, thus highlighting the strict correlation between violence against women and gender order. Among the main occurrences in the articles of “Il Manifesto” we can find lemmas like *feminism, feminist, power, racism, culture, freedom, movement, fight, global, international* and *migrants* [9-10].

Since violence does not involve only its authors and the victims, but it concerns the whole society, we believe that the second type of representation – although significantly less common – can contribute more effectively to the fight against gender-based violence.

Conclusions. The diverse types of analysis that have been conducted on our corpus have given us a quite complete overview of the current social representation of gender-based violence in the Italian journalistic discourse, showing how Italian press – although unintentionally – contributes to reproducing a social context in which male violence against women proliferates. Indeed, even though in the last decades we witnessed a greater attention, sensibility and awareness towards the phenomenon of sexist discriminations and gender-based violence [41; 23; 55-57], the social representation of such phenomena emerged from our research still appears distorted and characterized by stereotypes and prejudices towards women.

Indeed, the first element that emerged by the analysis of more than 16.000 newspapers’ articles is the concealment of the relation between male and violence throughout the use of expressions that let men disappear from discourses. Indeed, the narrative of violence is almost completely focused on the women, on the crimes perpetrated, and on the investigations and judicial proceedings. As a result, male responsibility is concealed, as if to deny – through a process of hegemonic self-preservation – that abuses, violence and femicide are typically male crimes [12].

When newspapers’ attention focuses on the male protagonists of the violence, the latter is represented throughout the traditional understandings of romantic love, or by defining the crime as the outcome of a couple’s quarrel either of irrational behaviors, thus operating a de-responsibilization of the perpetrator. The authors of the violence are represented as men who act moved by feelings of jealousy and tormented passion and who suddenly lost their control.

As a result, newspapers convey a social representation of gender-based violence that confines it to the private dynamics of a couple, or in a dimension of individual action which is not related to the socialization processes to gender roles, power relations and processes of gender construction [19]. It happens also that violence is narrated by press as the tragic outcome of a couple’s quarrel, thus vehiculating the idea that both of the protagonists – the victim and the perpetrator – are at the same time victims and responsible for what is happened. Consequently, violence is almost never framed in a social, cultural and political dimension.

As it emerged from our analysis, newspapers rarely address the structural factors that underlying violence, and refrain to properly discuss the issues of symbolic domination and gender hierarchies. As a result, newspapers, that represent a fundamental variable in the social construction of reality process [58] and have the power to contribute to this process both in a conservative and in innovative way, tend to comply with a social structure still profoundly permeated by patriarchy.

Nevertheless, because of its centrality and pervasiveness, journalism is called to play an innovative role, starting from a more gender-sensitive representation of violence-against-women in the news media. This is a fundamental role both when newspapers address themselves to an informed public opinion (through editorials and commentary articles), and when the public is less informed and more easily influenced (through news articles and titles).

References / Библиографический список:

1. Copeland, D. A. (2003), *Newspaper in the America*, in S.E. Martin, D.A. Copeland (eds), *The Function of newspaper in society: A global perspective*, Greenwood Publishing Group, Santa Barbara, pp. 103-125.
2. Dorfman, L. (eds) (2003), *Distracted by Drama: How California Newspapers portray Intimate Partner Violence*, Berkeley Media Studies Group, Berkeley.
3. Goldberg, M. et al. (2011), *The Influence of the Mass Media on Relational Aggression among Females: A Feminist Counseling Perspective*, in "Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma", n. 20, pp. 376-394.
4. Richards, T. N., et al. (2011), *Exploring News Coverage of Femicide: Does Reporting the News Add Insult to Injury?* in "Feminist Criminology", 6(3), pp. 178-202.
5. Saccà, F. (2001), *Dal Cairo a Kabul: il controllo sociale della sessualità come strumento di potere*, in "Il Dubbio", n. 3, Lithos, Roma.
6. Saccà, F. (2003), *La societ sessuale. Il controllo sociale della sessualità nelle organizzazioni umane*, FrancoAngeli, Roma-Milano.
7. Saccà, F. (2016), *Political Change, Power Conflicts and The Social Control of Sexuality*, in F. Saccà, F. (eds), *Globalization and New Socio-Political Trends*, Eurilink, Roma, pp. 179-212.
8. Taylor, R. (2009), *Slain and slandered: A content analysis of the portrayal of femicide in the news*, in "Homicide Studies", n. 13, pp. 21-49.
9. Belmonte, R. (2021), *La violenza maschile contro le donne nel racconto della stampa*, in Saccà, F. (eds), *Stereotipo e pregiudizio. La rappresentazione giuridica e mediatica della violenza di genere*, Franco Angeli, Milano.
10. Belmonte, R., Selva, D. (2021), *La narrazione della violenza contro le donne tra stereotipi e media logic*, in F. Saccà, eds, "Sociologia", n. 1.
11. Belluati, M., Tirocchi, S. (2021), *Tra tensioni e convergenze. Il prima del discorso pubblico sul femminicidio e le pratiche dell'informazione e della politica*, in Lalli, P. (eds) *L'amore non uccide. Femminicidio e discorso pubblico: cronaca, tribunali e politiche*, Il Mulino, Bologna, pp. 241-273.
12. Consalvo, M. (1998), *Hegemony, domestic violence, and Cops: A critique of concordance*, in "Journal of Popular Film and Television", n. 26, vol. 2, pp. 62-70.
13. Spitzberg, B. H., Cadiz, M. (2002), *The media construction of stalking stereotypes*, in "Journal of Criminal Justice and Popular Culture", 9(3), pp. 128-149.
14. Berns, N. (2004), *Framing the Victim: Domestic Violence, Media, and Social Problem*, Aldine Transaction, New York.
15. Beetham, M. (2006), *Periodicals and the new media: Women and imagined communities*, in "Women's Studies International Forum", n. 29, pp. 231-240.
16. Kellie, E. C. et al., (2008), *Newspaper Coverage of Intimate Partner Violence: Skewing Representations of Risk*, in "J Commun", n. 58(1), pp. 168-186.
17. McRobbie, A. (2009), *The Aftermath of Feminism: Gender, Culture and Social Change*, Sage, London.
18. Bullock, C. F.; J. Lindsay-Brisbin et al. (2014), *Missed opportunities: Newspaper reports of domestic violence*, in "Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma", 23(4), pp. 383-399.
19. Gius, C. & Lalli, P. (2014), *'I Loved Her So Much, But I Killed Her'. Romantic Love as a Representational Frame for Intimate Partner Femicide in Three Italian Newspapers*, in "ESSACHESS: Journal for Communication Studies", 7(2), 53-75.
20. Blumer H. (1971), *Social problems as collective behavior*, in "Social Problems", 18, p. 298-306.
21. Hilgartner, S.; Bosk, C.L. (1988), *The rise and fall of social problems: a public arenas model*, in "American Journal of Sociology", n. 94, p. 53-78.
22. Bourdieu, P. (1998), *Il dominio maschile*, Feltrinelli, Milano.
23. Capecchi, S. (2019), *The numbers of Intimate Partner Violence and femicide in Italy: methodological issues in Italian research*, in "Quality & Quantity", 53(5), 2635-2645.
24. Ferraro G. (2015), *Teorie della narrazione. Dai racconti tradizionali all'odierno storytelling*, Carocci, Roma.
25. Mancini P. (2002), *Il sistema fragile. I mass media in Italia tra politica e mercato*, Carocci, Roma.
26. Asor Rosa, A. (1981), *Il giornalista: appunti sulla fisiologia di un mestiere difficile*, in AA.VV., *Storia d'Italia*, Einaudi, Torino.

27. Boccia Artieri G. (2012), *Stati di connessione. Pubblici, cittadini e consumatori nella (Social) Network Society*, FrancoAngeli, Milano.
28. Davis, L. J. (1983), *Factual Fictions. The Origins of the English Novel*, Columbia University Press, New York.
29. Romito, P. (2008), *A deafening silence. Hidden violence against women and children*, The Policy Press, Bristol., p.45.
30. Consalvo, M. (2003). *The monsters next door: Media constructions of boys and masculinity*, in "Feminist Media Studies", vol.3, n.1, p. 27-45.
31. Giomi, E., Magaraggia, S. (2017), *Relazioni Brutali*, Il Mulino, Bologna.
32. Monckton-Smith, J. (2012), *Murder, Gender and the Media. Narratives of Dangerous Love*, Palgrave Macmillian, New York.
33. Stella, R. et al. (2021), *Questioni di prossimità. Il femminicidio nella cronaca locale veneta*, in Lalli, P. (eds), *L'amore non uccide. Femminicidio e discorso pubblico: cronaca, tribunali e politiche*, Il Mulino, Bologna, pp. 123-154.
34. Chung, D. (2005), *Violence, control, romance and gender equality: Young women and heterosexual relationships*, in "Women's Studies International Forum", 28(6), p. 445-455.
35. Francesconi, A.; Arbusti, I. (2016), *Sessismo e violenza di genere: un'analisi linguistica della stampa spagnola e italiana*, in Matteucci, N., Corti. I. (eds), *Violenza contro le donne, uno studio interdisciplinare*, Aracne, Ariccia, pp. 56-72.
36. Galimberti, U. (2010), *I miti del nostro tempo*, Feltrinelli, Milano.
37. Pitch, T. (1979), *Violenza e controllo sociale sulle donne*, in Villa R. (eds) *La violenza interpretata*, Il Mulino, Bologna.
38. Pitch, T. (2008), *Qualche riflessione attorno alla violenza maschile contro le donne*, in "Studi sulla questione criminale", vol. 3, n. 2, pp. 7-13.
39. Carnino, G. (2011), *Violenza contro le donne e violenza di genere: ripensamenti di teoria femminista tra sovversione e uguaglianza*, in Balsamo, F., *World Wide Women: Globalizzazione, Generi, Linguaggi*, vol. 2, CirsDe, Torino, p.55-66.
40. Giomi, E. (2015), *Tag femminicidio. La violenza letale contro le donne nella stampa italiana*, in "Problemi dell'informazione", 40(3), 549-574.
41. Busso L. et al. (2014), *La rappresentazione lessicale della violenza di genere: "donne come vittime" nei media italiani*, in Aldinucci B. et al., *Parola. Una nozione unica per una ricerca multidisciplinare*, Edizioni Università Per Stranieri di Siena, Siena, pp. 261-279.
42. Belluati, M., Tirocchi, S. (2021), *Tra tensioni e convergenze. Il primo del discorso pubblico sul femminicidio e le pratiche dell'informazione e della politica*, in Lalli, P. (eds) *L'amore non uccide. Femminicidio e discorso pubblico: cronaca, tribunali e politiche*, Il Mulino, Bologna, pp. 241-273.
43. Gili, G. (2001), *La manipolazione: peccato originale dei media?*, Franco Angeli, Milano.
44. Cucklanz, L. (1995), *News Coverage of Ethnic and Gender Issues in Valdivia*, N. (eds), *The Big Dan's Rape Case, Feminism, Multiculturalism and the Media*, Sage, London.
45. Marhia, N. (2008), *Just Representations? Press Reporting and the Reality of Rape*, The Lilith Project.
46. Meloy, M.; Miller, S. (2009), *Words that Wounds: Print Media's Presentation of Gender Violence*, in Humphries, D. *Women, Violence and the Media*, Northeastern University Press, Boston, pp. 29-56.
47. Wolf, M. (2000), *Teorie e tecniche della comunicazione di massa*, XII ed., Bompiani, Milano.
48. Jewkes, Y. (2004), *Media and crime*, Sage, Londra.
49. Meyers, M. (1994), *News of Battering*, in "Journal of Communications", n. 44, vol. 2, pp. 47-63.
50. Worden, A.; Berns, N. (2004), *Framing the Victim: Domestic Violence, Media, and Social Problem*, Aldine Transaction, New York.
51. Carlson, B. (2005), *Attitudes and beliefs about domestic violence: results of a public opinion survey: II*, in "Journal of Interpersonal Violence", 20, 10, pp. 1219-1243.
52. Peters, J. (2008), *Measuring myths about domestic violence: development and initial validation of the domestic violence myth acceptance scale*, in "Journal of Aggression, Maltreatment, & Trauma", n. 16, vol. 1, pp. 1-21.
53. Saldivar, G. et al. (2004), *Validación de las Escalas de Aceptación de la Violencia y de los Mitos de Violación en Estudiantes Universitarios* in "Salud Mental", 27/6, pp. 40-49.

54. Meyers, M. (1997), *News coverage of violence against women. Engendering blame*, Sage, Thousand Oaks.

55. Gius, C., Lalli, P. (2015), *Raccontare il femminicidio: semplice cronaca o nuove responsabilità?*, in "Comunicazionepuntodoc", n.15, pp. 82–100.

56. Bandelli, D., Porcelli, G. (2016), *Femicide in Italy: «Femminicidio», Moral Panic and Progressive Discourse*, in "Sociologica", vol. 10, n.2.

57. Lalli, P., Gius, C., Zingone, M. (2021), *La cronaca nera si tinge di rosa: il femminicidio da parte del partner*, in Lalli, P. (eds), *L'amore non uccide. Femminicidio e discorso pubblico: cronaca, tribunali e politiche*, Il Mulino, Bologna, pp. 71-122.

58. Sorrentino, C. (1995), *I percorsi della notizia. La stampa quotidiana italiana tra politica e mercato*, Il Mulino, Bologna.

The article was submitted on April 27, 2021.

Accepted on May 24, 2021.

Information about the authors

Rosalba Belmonte, Post-doc Researcher, Tuscia University.

Viterbo, Italy.

e-mail: r.belmonte@unitus.it

Michele Negri, Assistant Professor, Tuscia University.

Viterbo, Italy.

e-mail: michelenegri@unitus.it

ORCID: 0000-0003-0873-6699

Р. Бельмонт¹, М. Негри¹

¹ Университет Тушии. Витербо, Италия

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ В РАМКАХ МЕДИА-ДИСКУРСА. НА ПРИМЕРЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. Цель статьи состоит в предоставлении инструментария для анализа социальных представлений о гендерном насилии, – проблеме, привлекающей в последние годы всё большее внимание средств массовой информации. Сосредоточившись в ходе исследования на примере итальянской прессы, авторы освещают ряд вопросов, в числе которых: 1) представление о гендерном насилии в итальянских СМИ; 2) образ в итальянской прессе женщин, ставших жертвами гендерного насилия, и мужчин, виновных в этом насилии. В частности, авторы стремятся определить, какой вклад средства массовой информации вносят в общественный дискурс о гендерном насилии; какую роль пресса играет в сохранении социальной структуры, основанной на гендерном неравенстве.

Согласно исходной гипотезе, есть вероятность того, что сюжеты в прессе способствуют укреплению стереотипов и предубеждений относительно роли женщины в обществе. Что, в свою очередь, содействует сохранению принципов материального и символического доминирования, зачастую и приводящих к гендерному насилию.

Работа основана на данных, собранных в рамках исследовательского проекта STEP: *Stereotypes and prejudice. Toward a cultural change in gender representation in judicial, law enforcement and media narrativ* [Стереотипы и предубеждения. На пути к культурным изменениям гендерных представлений в рамках судебной системы, правоохранительных органов и СМИ]. Проект основан на анализе базы данных, содержащей более 16000 статей, опубликованных в итальянских газетах в период с 1 января 2017 года по 31 декабря 2019 года, касающихся проблемы гендерного насилия и связанных с ним преступлений: бытовое насилие, изнасилование, фемцид, преследование, торговля женщинами.

Ключевые слова: гендерное насилие, СМИ, стереотипы и предубеждения, роль женщины в обществе.

Для цитирования: Бельмонт Р., Негри М. Анализ репрезентации проблемы гендерного насилия в рамках медиа-дискурса. На примере итальянской прессы // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 48-61. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.5

Дата поступления в редакцию: 27.04.2021.

Принята к печати: 24.05.2021.

Сведения об авторах:

Розальба Бельмонт, постдокторант, Университет Тушии.

Витербо, Италия.

e-mail: r.belmonte@unitus.it

Мишель Негри, доцент, Университет Тушии.

Витербо, Италия.

e-mail: michelenegri@unitus.it

STEREOTYPES AND PREJUDICES IN THE LEGAL REPRESENTATION OF VIOLENCE AGAINST WOMEN. A SOCIO-CULTURAL ANALYSIS OF THE JUDGMENTS IN THE ITALIAN COURTS

Annotation. The paper presents and discusses data from the research «STEP – Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting». The research is coordinated by Professor Flaminia Saccà, and financed by the Italian Presidency of the Council of Ministers - Department for Equal Opportunities. The analysis conducted on a sample of 283 judgments relating to crimes of violence against women (domestic violence; sexual violence; murder / femicide; human trafficking; stalking) shows how stereotypes and prejudices regarding gender relations, role expectations and women representation are still strongly rooted in our society and, at least partially, in our courtrooms. The paper identifies and describes the main critical elements found in the representation of violence against women proposed by the judgments' language: the representation of the victim (and the key role of her testimony); the presence of three recurrent biases (family dispute bias, jealousy bias and raptus bias); the almost total lack of references to the main international regulatory sources (CEDAW and the Istanbul Convention).

Keywords: gender violence, gender bias, legal language.

For citation: Sacca F., Massidda L. (2021) Stereotypes and prejudices in the legal representation of violence against women. A socio-cultural analysis of the judgments in the Italian courts. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 2. P. 62-73. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.6

1. Introduction. The paper presents data from the «STEP - Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting» research. The research has been coordinated by Professor Flaminia Saccà and financed by the Italian Presidency of the Council of Ministers – Department for Equal Opportunities. The research considered 5 types of violence against women – domestic violence; sexual violence; murder/femicide; human trafficking; stalking – in the context of two linguistic domains: legal language, with the analysis of 283 sentences issued by Italian criminal courts and the language of the media, through the analysis of over sixteen thousand articles published between 2017 and 2019 in the main national and local newspapers [1]. The project was carried out in partnership with “Differenza Donna ONG”, one of the leading associations in Italy for the prevention and contrast of gender-based violence and for the support of women victims of violence¹. The University of Tuscia, as project leader, was responsible for the research activities, while the partner Differenza Donna coordinated the planned training activities².

In this article, we will focus our attention on the analysis of legal language. The analysis is based on a corpus of judgments consisting of four different collections. Three of these were included in the analysis through the reports of professionals, two judges and a lawyer, with a long experience in the legal treatment of violence against

¹ For more information: <https://www.differenzadonna.org/en/>

² For an overall in-depth analysis of the STEP research project and its various activities, please refer to the website www.progettostep.it.

women, and members of the scientific council of the project. To these three qualitative repertoires, it is added a fourth database of judgments built directly by the UNITUS research team through access to the *Juris Data-De Jure* and *Cedam Utet Ipsoa* digital archives. The analysis was conducted through *human content analysis* methodology.

Before going into the details of the judgment's analysis, let's take a look at the Italian scenario, with some background data on the phenomenon of gender-based violence in our country. As Figure 1 shows, according to the 2019 agency data provided by the Ministry of the Interior and elaborated by our research group, the most frequent crime, over 50% of cases, is attributable to domestic violence. The data confirm how the threat to women's safety in our country comes above all from their own family sphere, from their most intimate and private relationships. Sample data collected in 2018 by the Italian National Institute of Statistics (ISTAT), during the «Stereotypes about Gender Roles and the Social Image of Sexual Violence» investigation, have shown that almost one in three Italian women have been victims of physical or sexual violence (31,5%, 6.8 million)³. Such a worrying expansion of the phenomenon is accompanied by the alarming spread in the Italian society of gender biases and stereotypes in the representation of male violence against women: according to ISTAT survey data, 39.3% of respondents consider it correct to argue that «women who do not want to have sexual intercourse are able to avoid it», 23.9% share the idea that woman's dress and look can cause sexual harassment, 15.1% consider the woman who uses alcohol or drugs at least partly responsible for what happened to her, 10.3% of respondents think accusations of sexual assault are often false⁴.

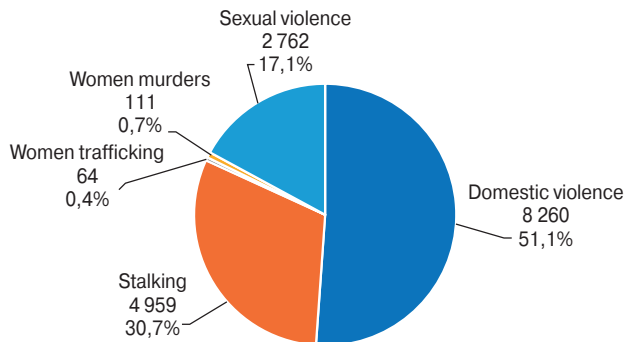

Figure 1: Data on violence against women in Italy: Agency Data (2019)

Source: University of Tuscia on data from Italian Ministry of the Interior

In this social scenario, one of the STEP Project research lines examined the representation of violence against women offered by the legal language. Through the analysis of judgments, we have identified in particular three main themes: 1) the representation of the victim (and the key role of her testimony); 2) the presence of three recurrent biases (family disputes bias, jealousy bias and raptus bias); 3) the almost total lack of references to the main international regulatory sources: the CEDAW and the Istanbul Convention.

³ Report: Stereotypes about gender roles and the social image of sexual violence // ISTAT. URL: <https://u.to/zE5QGw> (last request 12.03.2021).

⁴ Stereotypes about gender roles and the social image of sexual violence in Italy // ISTAT. URL: <https://u.to/F1BQGw> (last request 12.03.2021).

2. Victim's testimony. In cases of violence against women, the Italian law recognizes a particular centrality to the victim's testimony. As certified on more than one occasion by the Supreme Court of Cassation, it might constitute, on its own, the basis of a verdict⁵. This is a determining legal principle for the types of crimes, as we have seen through agency's official data (courts, police agencies, hospitals, and shelters), which very often occur in private spaces, behind closed doors⁶. A violence, therefore, that is systematically removed from the public gaze and that often has no other witness than the victim herself. This private dimension that characterizes violence against women, especially in its most common expression (intimate partner violence), its structural placement in an intimate space, hidden to the gaze of the others, makes domestic violence a different type of crime, a crime with its specific narrative, «a crime that “needs” a story» [2, p. 289]. This juridical «protagonism» of the victim must be managed with great attention. Otherwise, the risk is that the victim will actually be the one to undergo the trial, not the accused. With the judgment shifting from man's actions to women's behaviour or her character [3, p. 227]. This reversal of narrative roles in the trial [4, p. 134] can easily open a door to secondary victimization. According to the ethnographic analysis conducted by Alessandra Gribaldo in the Italian courts, this is recurrent in cases of intimate partner violence, when «the subjectivity of the injured party (rather than that of the accused) takes center stage in the trial» [5, p. 749], «the question “who did what to whom and with what intentions?” often rapidly slides into a question that the woman is requested to answer: “Who are you?”» [5, p. 749] and «the confession mechanism was paradoxically applied to the victim instead of the perpetrator»⁷.

2.1 Supporting victims' credibility. This legal principle that recognizes a decisive importance to the victim statements results in a very specific linguistic habitus, with a systematic use in convictions of crimes related to gender-based violence of an edifying adjectivisation in the qualification of the victim's testimony. In particular, it is possible to identify some recurring semantic domains in the words used by the judges to describe – and attempt to “secure” – the victim's testimony (fig. 2).

Most of the adjectives identified directly enhance the victim's story. They have to do with the appreciation of the testimony from the point of view of its *accuracy*. The victim's report is then described as *punctual, precise, complete, detailed, circumstantial, analytical, meticulous, accurate, extensive, thorough, checked, and specific*. The aim of the accuracy domain is to enhance the objective quality of the victim's testimony, so that it can effectively perform, even on its own, its legal function as *the basis of the claim of criminal liability of the accused*. The second domain present in the judgments is that of *credibility*. This is not just about enhancing the objective quality of the victim's story. Describing the testimony of the aggrieved party as *trusted, credible, noncontradictory, congruent, plausible, consistent, free of aporie, convincing, truthful,*

⁵ «declarations of the injured person can alone, without the need for extrinsic evidence, be placed as a basis for the assertion of criminal responsibility of the accused, after verification, accompanied by suitable reasons, of the declarant's subjective credibility and the intrinsic reliability of her narrative» (Cass., Sez. III, October 12th, 2018).

⁶ The most serious form of violence against women, femicide, clearly returns the predominantly intimate, private, family dimension that characterizes gender-based violence: in 2019 only 11.7% the murderer was unknown to the victim (or unidentified), while in 61.3% of cases he was a partner or former partner, in 22.5% another relative and in 4.5% still an acquaintance (ISTAT, 2019).

⁷ «The testifying victim is, instead, called on to make a confession about herself in relation to her husband (institutional figure), her lover (relational figure), or her aggressor (a figure that must be assembled–discovered–judged» [5, p. 749].

DOMAIN OF ACCURACY: enhancing the objective quality of the victim's narrative	DOMAIN OF CREDIBILITY: enhancing the subjective quality of the victim's narrative	CHARACTER DOMAIN: defining a positive image of the victim's personality
<ul style="list-style-type: none"> •Punctual •Precise •Complete •Detailed •Circumstantial •Analytical •Meticulous •Accurate •Extensive •Thorough •Found •Specific 	<ul style="list-style-type: none"> •Trusted •Credible •Noncontradictory •Congruent •Plausible •Consistent •Free of aporias •Realistic •Convincing •Truthful •Impeccable 	<ul style="list-style-type: none"> •RATIONAL PERSONALITY •Logical •Lucid •Rational •Reasonable • SINCERITY •Sins •Genuine •Spontaneous

Figure 2: Recurrent edifying adjectivisation in the victim's testimony

Source: STEP – Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting

impeccable, the judges are already building the semantic structure of support for their final assessment. The positive enhancement thus begins to extend from the object (testimony) to the subject who made it (the victim). The third and final domain is that of “*personality*”. In this case, the adjectives chosen to qualify the statements made by the aggrieved party serve mainly to construct a positive image of the victim's character. Here we have two subdomains that emerge, that of the “*rational personality*” (*rational, reasonable, logical, lucid*) and that of “*sincerity*” (*spontaneous, sin, genuine*). This linguistic habit is certainly attributable to the legal principle that we have recalled, but it can also be read as an attempt, implemented with a greater or lesser degree of awareness by the judge, to react to the gender bias that labels the woman's words, in principle, as less credible [6]. The edifying adjectivisation works as a “semantic counterbalance” that the language of the judgment feels compelled to produce when it is advocating, in the field of the attribution of credibility, a «flipping of gendered hierarchies» [3, p. 185].

2.2 Credibility markers. To better support the solidity of the victim's narrative, judgments resort, in several cases, to further «credibility markers» that enhance the testimony of the aggrieved party but partly reproduce a stereotypical representation of women and gender relations (Fig. 3).

Some «credibility markers» do not seem particularly problematic, such as the «emotionality marker» or the «fragility marker». It is important, however, when the judge uses them, that these attributes are not stereotyped with an alleged «nature» of the female character. It's crucial to explicitly identify the causal link between the victim's emotional status, her fragility or vulnerability, and the specific power relationship in which the man acted violently. Two other recurring “credibility markers” are those of *forgiveness* and *modesty*. These two semantic constructs are more problematic because they risk to reproduce and legitimize a stereotyped binary representation of the feminine that identifies women according to the Manichaeic logic typical of the Madonna/whore dichotomy [7]. This frame risks to imply that the woman is credible if she is modest, if she is able to forgive, if she is willing to sacrifice herself for love or family. Applying this logic, the risk is that the uninhibited, legitimately resentful, or simply agentic woman is unfairly considered, at least in her role as a victim, to be less

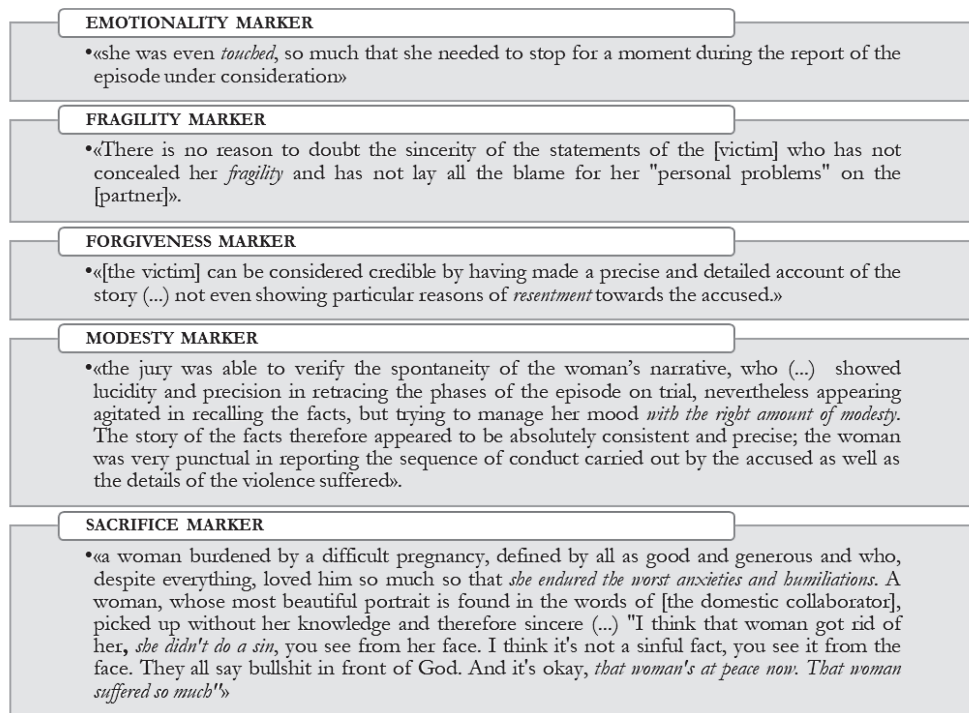

Figure 3: Credibility markers

Source: STEP – Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting

credible. Representing the victim within a socially shared stereotype can implicitly act as a marker of the credibility of her testimony. In any narrative, it is easier for us to consider a credible character, one that matches our socially coded role expectations. The problem is that in the case of women who report male violence, these expectations tend to be built on gender stereotypes and prejudices [8]. The credibility of the woman is thus measured on her degree of «conformity with traditional gender norms, particularly those governing sexual behaviour» [8, p. 53; 9]. The use of “credibility markers” creates a paradox that can be seen in terms of cultural conflict. The judge, in an attempt to protect the victim of violence, reproduces precisely that stereotypical and binary representations of the woman that, socializing to an incorrect culture of gender relations, support the viral spread of violence against women.

3. Recurrent Gender Bias. While “credibility markers” require the judge to be careful and to avoid reproducing and legitimizing gender stereotypes in building their argumentative structure of support for the victim’s testimony, the three social biases that our research has found to be recurrent in the texts of judgments immediately determine a criticality in the legal language representation of violence against women. The problem is not how these three social biases are used, but their simple – and recurring – presence. This immediately affects the interpretation – and judgment – of gender-based violence, imposing a distorted perspective on the phenomenon. To begin with, let us consider the bias of family disputes.

3.1 Family disputes bias. When violence against women occurs within a relationship of proximity, the adjectives that recur in the description of the sentimental relationship systematically recall the frame of litigation (Fig. 4).

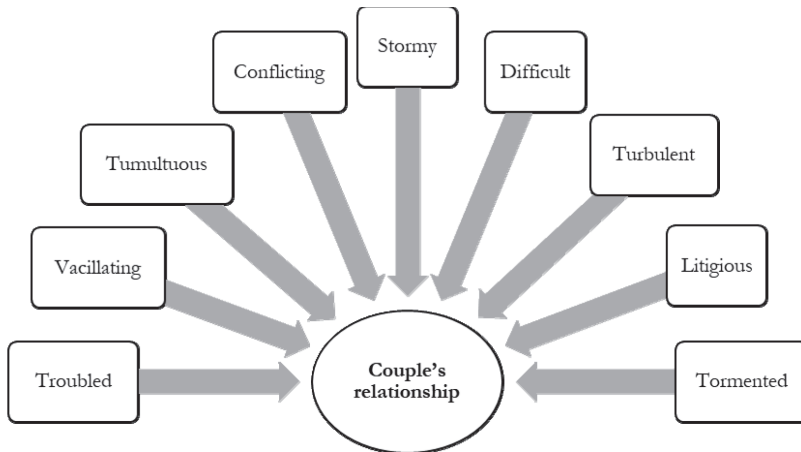

Figure 4. Recurrent adjectives in the description of the couple's relationship

Source: STEP – Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting

The problem is that this bias can act as a factor of trivialization of the violent behaviours of which women are victims (“these things happen”). And it can also lead to an incorrect attribution of responsibility, tracing the violence back to couple's dynamics rather than to the action of the aggressor. Family disputes' frame determines its maximum distortion potential when the woman is indicated as the main responsible for the conflictual relationship. In this way, the mechanism of secondary victimization is fully activated.

It is the society that systematically brings this bias into the courtroom. The same goes for the defendant, who has every interest in proposing this «exonerating narrative» [3, p. 178]: «he admitted frequent and violent disputes within the affective relationship and cohabitation with the offended person, diminishing the severity of the same, almost bringing them back to *a normal internal confrontation within the couple*»⁸. However, the bias of family disputes is so well established in our culture that it is often used to frame violence not only by its perpetrators, but also by its victims⁹: «*You ask me if I usually quarrel with my partner and I reply that it happens that we quarrel but the quarrels stem from the fact that he wants to give me good advice*»¹⁰. In this semantic context it becomes decisive the judges' ability to escape, in their assessment, the easy temptation to reproduce and legitimize a bias that is so deeply rooted in society, and that often finds its first legal formalization in the defense thesis supported by the defendant's lawyer¹¹. When this does not happen, as in this case,

⁸ Court of Palermo, domestic violence, 2019.

⁹ When the victim, in the interpretation of her couple relationship, adopts schemes imposed by the violent partner, she demonstrates the strength of masculine domination, its ability to impose recognition and submission. According to Bourdieu, it is in this compulsion of the point of view that symbolic violence is imposed, when the relationship of power is introjected by the dominated subject so deep that she cannot even imagine that she could think the world and her position in it outside and beyond that dominant schemes of perception [10, pp. 13-14].

¹⁰ Court of Palermo, domestic violence, 2019.

¹¹ «One element that always emerges in courtroom questioning and discussions is the normalization of violence through the trivialization of domestic conflict: The defense tends to use a simplifying, gender-blind language. For instance, the defense systematically replaces terms such as violence or even conflict with terms like squabble, scuffle, or predicament and frequently uses impersonal expressions and the passive voice to describe episodes of violence (“some slapping occurred”) in an overall tendency to trivialize the violent event, on one side, and, on the other side, to deny that the acts were perpetrated by the accused» [5, p. 745].

the judgment clearly slips into a bad practice: «[man's violence] also appears to be caused by a *strong incompatibility of temperament with the aggrieved party that ended up triggering the violent disposition* of the [defendant]»¹². In this verdict, the frame of family disputes not only favors the process of normalization of violence, but also activates a mechanism of victim blaming: not only it is the strong incompatibility of temperament that has caused violent behaviour, but it is evidently the woman who brings the greatest responsibility for the climate of quarrelsomeness that animates the couple's relationship and it's she who *triggered* the violent disposition of the partner. This complicity between the language of society and the language of the legal system is also favoured by the habits of law enforcement, the first institutions that normally intervene in the context of the crime and therefore have a strong power, with their vocabulary, to orient its representation. From this point of view, their practice to adopt the disputes' frame in reporting their interventions in cases of domestic violence is very problematic [11-12].

3.2 Jealousy bias. The second bias, that of jealousy, is also systematically brought into the courtroom by civil society. Although it no longer represents a legal issue, «the statute permitting honor killing in Italy was abolished in 1981, the theme of jealousy remains relevant in abuse trials» [5, p. 745], still establishing itself in a recurring way as an ethical issue capable of conditioning the representation of violence against women and its legal narratives. Once again, the ability of the judge not to grant some legal legitimacy to this interpretation of gender violence is decisive. We can take as an example a judgment of the Court of Civitavecchia (2017). The frame of jealousy, introduced by a witness («the witness confirms that the accused was *obsessed with jealousy*») and confirmed by the victim herself (who explains how the initial «*jealousy had turned into a real claim of possession*»), is also recalled in the conclusion of the judge («the crime can be supplemented by the continuous and invasive control by the husband, devoured by a *pathological and irrepressible jealousy* towards his wife»). The witness describes the defendant as obsessed with jealousy. The victim emphasizes the intensity of this feeling, speaking of an initial jealousy that over time becomes a real claim to possession and finally, the main problem, the judge confirms this pattern by speaking in his conclusions of pathological and irrepressible jealousy. Here the adjectives chosen by the judge are decisive again: the jealousy that consumes the husband is *irrepressible* and *pathological*. Both attributes amplify the potential for deaccountability of violence already present in the incorrect use of the jealousy frame: the first suggesting the idea of an impulse that is not controllable by the subject; the second by inappropriately recalling a medical horizon of meaning (“pathological”) for an absolutely socio-cultural condition. If the violent man is described as a “sick man” who has “lost control” due to jealousy, it is evident that a semantic mechanism is in place justifying his actions. From a linguistic analysis perspective, thinking about the bias of jealousy, it is important, as the aforementioned case has suggested to us, to observe in detail the adjectives that are used in the judgments to “discredit” this feeling. We can bring them back to four frames: dramatizing effect, control loss, disease, and injustice (fig. 5).

Of these frames, only the first, in which the chosen lexicon simply aims to dramatize the intensity of the mood (jealousy is described as *strong, pressing, fierce*), does not add significant additional elements of criticality to the use of the jealousy bias. While both the frame of control loss (*unstoppable, overwhelming, irrepressible, blinding, unrestrained, furious*) and the frame of disease (*pathological, morbid, obsessive, delirious,*

¹²Court of Salerno, domestic violence, 2018.

DRAMATIZING EFFECT	CONTROL LOSS FRAME	FRAMES OF THE DISEASE	FRAMES OF «INJUSTICE»
Enhances mood intensity	Risks de-responsibility effect		Legitimizes the bias and stereotypes that support it
<i>Strong</i> <i>Pressing</i> <i>Fierce</i>	<i>Unstoppable</i> <i>Overwhelming</i> <i>Irrepressible</i> <i>Blinding</i> <i>Unrestrained</i> <i>Furious</i>	<i>Pathological</i> <i>Morbid</i> <i>Obsessive</i> <i>Delirious</i> <i>Paranoid</i> <i>Paroxysmal</i>	<i>Unjustified</i> <i>Unwarranted</i>

Figure 5. The adjectives of jealousy

Source: STEP – Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting

paranoid, paroxysmal) risk producing a deresponsible effect towards violent behavior. The most harmful frame, however, could be the fourth, that of “injustice”. Here, the feeling of jealousy is characterized through the choice of adjectives that insist on its being “unfair” (jealousy is in this case *unjustified* or *unwarranted*), because it emerged without the behavior of the offended woman having determined it in reality. The danger here is that a negative adjective will have a superficial effect of stigmatization of the emotional state, while in its substance it deeply operates as a legitimization of the stereotypes and prejudices that support it. The condemnation of “unjustified” jealousy risks implying the acceptability of that feeling, where it derives from a legitimate suspicion or is even confirmed by verified facts.

3.3 The bias of raptus. The third and final bias is that of raptus. The term raptus is rarely found in judgments (in our database we find 3 occurrences relating to 2 sentences). And even the press seems to have substantially excluded it from the vocabulary used in the narration of violence against women (277 occurrences in 220 articles, 1.32%). Although the term “raptus” has been practically banned, the frame of an almost uncontrollable impulse to which the perpetrator of violence against women

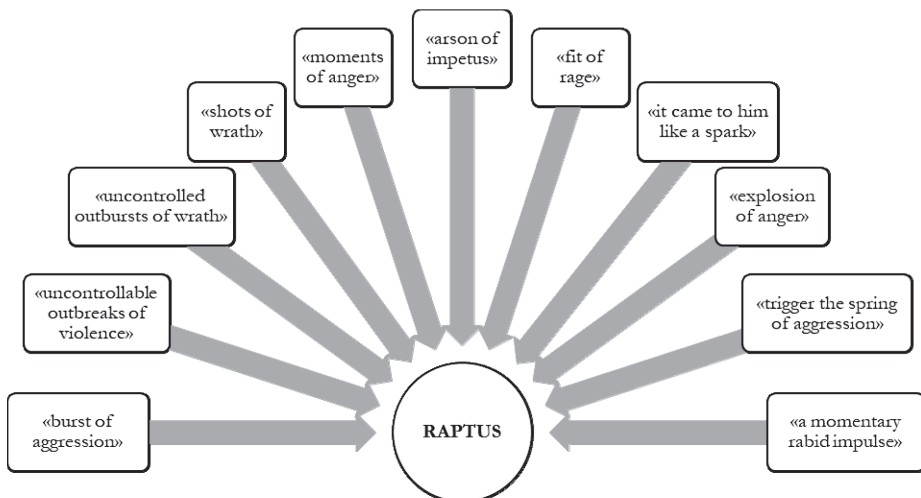

Figure 6. Raptus semantic surrogates

Source: STEP – Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting

responds in an instinctual way persists in the judgments, finding hospitality in less strong, but perhaps more insidious semantic constructs: «an explosion of anger», «an impetus of wrath», «an uncontrollable outbreaks of violence», are expressions that can perform the same de-responsible function of the term raptus.

This judgment of the Court of Genoa (2018), relating to a crime of femicide, is a paradigmatic example of how the bias of raptus, under false pretences, can still condition the prosecution: «The two are in the house, arguing, drinking and still arguing and, in a *fit of rage*, the defendant grabs a large knife in the kitchen and hits [the victim] with a single slit that pierces the lung and determines her death in a few minutes». Discussion, alcohol, discussion, anger, stabbing, death. Here we can see how the two biases that we have identified, that of quarrelsome and that of raptus, overlap and support each other in narratively building a causal chain of the event that takes responsibility away from the killer. Continuing his argument, the judge questions the prosecutor about the reconstruction offered by the latter. In his request he would have overlooked «the much more significant appreciation that deserves the context in which the murder occurs and the obvious *fraud of impetus (dolo d'impeto)* that has pushed the murderous action». Here the use of the raptus frame, translated into the legal lexical technicality of the «*dolo d'impeto*», as a semantic mechanism that disempowers the violent action becomes paradigmatic: it is this exceptional emotional state that *pushes the murderous action*. We can almost see the “dolo d'impeto” grabbing the knife and sticking it into the victim’s body. Taking it out of the hands of her abusive husband. The worst, however, has yet to come. The sentence continues: «It should also be pointed out that while it is indisputable that in the past [the defendant] has been responsible for violent behaviour, on other occasions, the accused, although *legitimately resentful of his wife’s behaviour*, has shown that he wants to dominate his own *shot of anger*, managing to force himself to prevent from doing some madness». Not only is the behaviour of the femicide due to a moment of *loss of control*, but it is clearly the victim who is responsible for it. At this point, the judge is ready to make the process of re-victimization explicit and directly shifts the responsibility of the case to the woman killed:

The wife (...) is not determined in her choices, manifests love and immediately after contempt and this drives her husband ‘crazy’. It is also credible that the [victim] completely drunk, contradictory, and inconsistent as always (...) has provoked [the defendant] by questioning his determination and ability to prove himself as a ‘man’ and severely testing his self-control. The scene has no witnesses, but it is *indisputable* that the tone of the discussion has been very heated and that the woman, *completely drunk* may have said or done anything (...). Certainly, the impulse that led [the defendant] to hit his wife with the knife came from a very strong and sudden feeling, he did not simply act under the pressure of jealousy but from a mixture of anger and despair, deep disappointment and resentment (...) [He] acted under the pressure of *a very intense mood, not pretentious, nor humanly completely incomprehensible*.

The wife «drives her husband crazy». The bad wife, «contradictory and inconsistent as always», provoked him. She questions his masculinity, his «ability to prove himself as a ‘man’». The woman is «*completely drunk*». The court’s repertoire of justifications is almost embarrassing. The final nail is paradigmatic of the spirit with which the judgment was written. Yes, he killed her with a stab. She was his wife, but a drunken and adulterous wife. Therefore, his mood was very intense, not pretentious, nor humanly completely *incomprehensible*. In this judgment we have a perfect example of what Kate Manne called *himpathy*, «the flow of sympathy away from female victims toward their male victimizers» [3, p. 23]. A flow that uses the misogynistic mechanism of the victim blaming and that relies on the construction of an unfair comparison between «an innocent and a less innocent victim» [13, p. 180]. The condemnation shifts from man’s to woman’s behavior, exploiting once again stereotypes and prejudices deeply inscribed into the Madonna/whore dichotomy.

4. Conclusions. CEDAW & Istanbul Convention, two notable absences. One last element of analysis. In the two areas of public language that we have taken into account with the STEP Project, the language of judgments and the language of newspapers, the two main international regulatory sources – the *Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women* (CEDAW) and the *Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence* (Istanbul Convention) – are essentially absent, not represented. In the database related to the 2017-2019 press review (16,715 cases) the Istanbul Convention is mentioned 93 times in 84 articles, while CEDAW is appointed in only 3 cases. In the UNITUS database (184 cases), we find only six judgments which in their text refer directly to the Istanbul Convention, and not any reference to the behavior of the CEDAW. These absences reveal the habit, shared by the judiciary and the press, of using an episodic frame when observing – and representing – violence against women. This perspective crushed on the single “case” fails to recognize those structural conditions of violence against women that the Istanbul Convention immediately reveals in its preamble:

- «Recognising that violence against women is a manifestation of historically unequal power relations between women and men, which have led to domination over, and discrimination against, women by men and to the prevention of the full advancement of women»¹³;
- «Recognising the structural nature of violence against women as gender-based violence, and that violence against women is one of the crucial social mechanisms by which women are forced into a subordinate position compared with men»¹⁴.

The most critical element in this propensity of judgments to use the «framework of incidentalism» [14] lies in the fact that the judge, adopting this narrow perspective on the case under discussion, means that his point of view is paradoxically closer to that of the abuser man rather than that of the most advanced international legislation in the prevention and contrast to violence against women. Violent men resort to the paradigm of incidentalism in order «to excuse, minimise, disavow and detach themselves from their harmful behaviour» [15, p. 115], «to disconnect the ‘incident’ from the context in which it took place» [15, p. 118]. On the other hand, the *Convention’s* point of view, with its holistic view, is very close to that of women who are victims of gender-based violence¹⁵. When the law adopts the talk of abusive men it is not just minimizing violence, it is actually disconnecting it from «gender, power and control» [15, p. 124]. It is hiding the structural gender-based nature of violence against women.

Author Contributions: The essay is the result of a collaborative work of the two authors, who equally contributed to it (50%). According to the CRediT standard (<https://casrai.org/credit/>) the scientific roles played by the two authors are so distributed: Conceptualization, F.S., L.M.; Data Curation, F.S., L.M.; Formal Analysis, F.S., L.M.; Funding Acquisition, F.S.; Methodology, F.S., L.M.; Project Administration, F.S.; Supervision, F.S.; Writing - Original Draft, L.M.; Writing – Review & Editing, F.S.

¹³ *Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence*, «Istanbul Convention», 2011.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ «What women describe is an ongoing, ‘everyday’ reality in which much of their behaviour is ‘micro-managed’ by their abuser: this includes what they wear, where they go and who they see, household management and childcare» (15, p. 114).

References / Библиографический список:

1. Sacca, F. (ed.) (2021). *Stereotipo e pregiudizio. La rappresentazione giuridica e mediatica delle violenze di genere*. Franco Angeli, Rome-Milan.
2. Gribaldo, A. (2019) The Burden of Intimate Partner Violence: Evidence, Experience, and Persuasion. *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*. 42(2), pp. 283-297. <https://doi.org/10.1111/plar.12309>.
3. Manne, K. (2017) *Down girl: The logic of misogyny*. Oxford University Press, Oxford.
4. Di Nicola, P. (2018) *La mia parola contro la sua: Ovvero quando il pregiudizio è più importante del giudizio*. HarperCollins, Milan.
5. Gribaldo, A. (2014) The paradoxical victim: Intimate violence narratives on trial in Italy. *American Ethnologist*. 41(4), pp. 743-756. <https://doi.org/10.1111/amet.12109>.
6. Marsh, G. (2011) Trust, testimony, and prejudice in the credibility economy. *Hypatia*. 26(2), pp. 280-293. <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2010.01152.x>.
7. Macdonald, M. (1995) *Representing women. Myths of femininity in the popular media*. Edward Arnold, London.
8. Easteal, P. L. (2002) Looking through the prevailing kaleidoscope: Women victims of violence and intersectionality. *Sister in Law, A Feminist Law Review*. 6, pp. 48-77
9. Sacca, F. (2003) *La società sessuale. Il controllo sociale della sessualità nelle organizzazioni umane*. FrancoAngeli, Rome-Milan.
10. Bourdieu, P. (2001) *Masculine domination*. Stanford University Press, Stanford.
11. Edwards, S. (1989) *Policing 'Domestic' Violence: Women, the Law and the State*. Sage, London.
12. Lea, S. J. & Lynn, N. (2012) Dialogic reverberations: police, domestic abuse, and the discontinuance of cases. *Journal of interpersonal violence*. 27(15), pp. 3091-3114. <https://doi.org/10.1177/0886260512441075>.
13. Burman, M. (2010) The ability of criminal law to produce gender equality: Judicial discourses in the Swedish criminal legal system. *Violence Against Women*. 16(2), pp. 173-188.
14. Hearn, J. (1998) *The Violences of Men*. Sage, London.
15. Kelly, L. & Westmorland, N. (2016) Naming and defining 'domestic violence': Lessons from research with violent men. *Feminist review*. 112(1), pp. 113-127.

The article was submitted on April 28, 2021.

Accepted on May 24, 2021.

Information about the authors

Flaminia Sacca, Full Professor of Political Sociology,
Tuscia University. Viterbo, Italy.
e-mail: sacca@unitus.it
ORCID: 0000-0001-5960-9169

Luca Massidda, Researcher in Political Communication Studies,
Tuscia University. Viterbo, Italy.
e-mail: luca.massidda@unitus.it
ORCID: 0000-0003-2372-3036
Scopus Author ID: 57210830485

Ф. Сакка¹, Л. Массидда¹

¹ Университет Тушии. Витербо, Италия

СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДРАССУДКИ В ПРАВОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ИТАЛИИ

Аннотация. В статье рассмотрены результаты исследовательского проекта «STEP – Stereotype and Prejudice. For a Cultural Change in Gender Representation in the Judiciary, Law Enforcement and Media Reporting» [Стереотипы и предубеждения. На пути к культурным изменениям гендерных представлений в рамках судебной системы, правоохранительных органов и СМИ]. Исследование координируется проф. Ф. Сакка при финансовой поддержке Президиума Совета министров Италии – Департамента по равным возможностям. Анализ, проведенный на выборке из 283 судебных решений, касающихся преступлений, связанных с насилием в отношении женщин (бытовое насилие; сексуальное насилие; убийство / фемцид; торговля людьми; преследование), показывает, насколько сильно укоренились ролевые стереотипы и гендерные предрассудки в отношении женщин в нашем обществе и, в определенной степени, в залах суда. В работе выделены ключевые элементы, присутствующие при рассмотрении дел о насилии в отношении женщин, изложенные в терминологии судебных решений. Среди них: образ жертвы (и ключевая роль ее показаний); наличие трех повторяющихся предубеждений (предвзятость в отношении семейных споров, предвзятость в отношении ревности и предвзятость в отношении принуждения); почти полное отсутствие ссылок на основные международные нормативные источники (CEDAW и Стамбульская конвенция).

Ключевые слова: гендерное насилие, гендерная предвзятость, юридический язык.

Для цитирования: Сакка Ф., Массидда Л. Стереотипы и предрассудки в правовом представлении гендерного насилия. Социокультурный анализ судебной практики Италии // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 62-73. DOI: 10.19181/нко.2021.27.2.6

Дата поступления в редакцию: 28.04.2021.

Принята к печати: 24.05.2021.

Сведения об авторах:

Фламиния Сакка, доктор политических наук, профессор,
Университет Тушии. Витербо, Италия.
e-mail: sacca@unitus.it

Лука Массидда, научный сотрудник, исследование политических коммуникаций,
Университет Тушии. Витербо, Италия.
e-mail: luca.massidda@unitus.it

ЖЕНСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ АКТИВИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация. В настоящее время акцент с традиционных форм женского мусульманского активизма смещается на новые формы и всё больше реализуется в интернет-пространстве. Сегодня социальные сети выступают местом формирования и развития общественного дискурса. В рамках нашего исследования проанализированы некоторые крупные женские мусульманские блоги в социальной сети Instagram. Современные мусульманки активно включаются в информационное поле, занимают свою нишу и имеют аудиторию в социальных сетях. На данном этапе они самопрезентуются, в первую очередь, как жены и матери, таким образом, получая социальное одобрение на право быть в публичном поле. Однако пример современных мусульманок-блогеров способствует трансформации традиционного представления о религиозной женщине и её паттернах поведения. На данный момент мусульманки-блогеры не делают заявлений, обозначая свои гражданские или политические позиции, в основном они ориентированы на женскую аудиторию. Их деятельность – пример того, как при сохранении своей религиозной идентичности, реализуется право на выход в публичное пространство.

Ключевые слова: женский мусульманский активизм, социальные сети, новые формы активизма, мусульманки.

Для цитирования: Гибадуллина М.Р., Кусанова Д.С. Женский мусульманский активизм в общественном дискурсе Республики Татарстан // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 74-80. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.7

В обществе за последние два столетия происходило множество коренных изменений в различных сферах жизнедеятельности. Одни из них связаны с привлечением женщин к активному труду наравне с мужчинами при сохранении функций воспитания детей и заботы о семье. Женщина активно осваивает новые для себя поля деятельности – политическое, экономическое, гражданское и т. д. В связи с этим появляются и развиваются различные женские движения. Находясь в контексте подобных активностей, религиозные женщины также присоединяются к общему вектору развития.

Вопрос реализации права на активную публичную жизнь интересен в рамках ислама, который предписывает достаточно четкие паттерны поведения для мусульманок. Тем не менее, женщины стремятся к активной деятельности, как внутри уммы, так и в светском обществе, не отказываясь от своей религиозной идентичности. В этом отношении Республика Татарстан всегда являлась примером гармоничного сосуществования религиозных и светских ценностей. Во многом это обусловлено позицией местных властей. Еще в 1998 г., взяв под контроль проведение Объединительного съезда мусульман, первый президент республики М. Ш. Шаймиев показал, что, несмотря на разграничение религии и государства, в Татарстане взят курс на политику сбалансированного и взаимоуважительного сожительства. С тех пор это стало незыблемым правилом существования многочисленных конфессий в республике [1].

Исторический контекст Поволжья является особенным, так как здесь одним из первых был поставлен вопрос о женском образовании. Следующий

этап развития «женского вопроса» был связан с советским периодом, когда пропаганда была направлена на формирование единой идентичности советского человека и носила яркий антирелигиозный характер. Как отмечают исследователи, в регионах с мусульманской культурой и религиозной традицией процесс уравнивания женщин и мужчин и увеличения общественной активности среди женщин происходил достаточно инертно и сложно, хотя Поволжье и выглядело более гибким, чем Кавказ и Азия [2, с. 63]. Такое различие в мусульманских регионах объясняется различным адатом (обычаем), нежели религиозными предписаниями [3, с. 82]. Современные исследователи отмечают, что «влияние модернистских тенденций светского окружения происходит на традиционалистском фоне религиозной сферы» [4, с. 987], то есть наблюдается сочетание традиционных и модернистских ценностей. Говоря об этапах развития женского мусульманского активизма, исследователи А. А. Гафаров и А. И. Саттарова выделяют следующие исторические события, оказавшие большое влияние на положение и роль женщин в обществе: 1) модернизация XIX века, и как следствие появление новометодных школ; революционная ситуация в России и движение русских феминисток; антирелигиозный советский период; религиозное возрождение конца XX века [5]. Исследователями анализируются различные общественные организации мусульманского толка, их основные направления деятельности, участники, уставные документы и т.д. [4; 5]. Нередко женские мусульманские организации создавались «под лидера» и испытывали сложности в своей деятельности после ухода «вдохновительницы» [6, с. 32]. Анализируя развитие молодежной мусульманской активности в начале века, после религиозного подъема в 90-ые годы отмечают наступление переломного момента в середине 2000-ых, связанного с изменением государственной политики и более пристальным отношением правоохранительных органов к формам коллективной деятельности мусульман. Также исследователи говорят о новых формах самоорганизации и самовыражения молодых мусульман [7, с. 262-264].

На сегодняшний день подобные общественные организации также существуют и ведут свою деятельность (например, общественная организация «Союз Мусульманок Татарстана»). Однако, на наш взгляд новые формы активизма, реализуемые посредством социальных сетей, начинают играть большую роль в формировании «повестки дня». Формирование общественного дискурса смещается от «диктатуры» официальных СМИ в сторону влияния личных мнений граждан, которые высказываются в социальных сетях или блогах. Новые площадки социальных сетей, создают возможности выражать свое мнение любому участнику дискуссии и вступить в прямой диалог с «лидером мнений». С одной стороны, интернет-общение разъединяет людей, минимизирует «живое» взаимодействие, с другой – общение становится более плотным, насыщенным и компактным.

Цель нашего исследования – анализ новых форм современного мусульманского женского активизма Республики Татарстан. В рамках своего исследования, мы бы хотели остановиться более подробно на том, как активность мусульманок организуется и выходит в публичное пространство посредством использования социальных сетей.

В рамках данной работы мы употребляем конструкт «мусульманский женский активизм», содержащий в себе форму деятельности в публичном пространстве. Мы не считаем синонимичным понятие «исламский феминизм», так как

последнее содержит в себе борьбу мусульманок за равноправие. Также хотелось бы разграничить «мусульманский» и «татарский» активизм, так как часто, говоря о Республике Татарстан, эти понятия используют как взаимозаменяемые. Таким образом, «мусульманский» обозначает конкретно религиозный компонент, «женский» – гендерный, «активизм» – форму деятельности, указывающий на публичное поле, в котором протекает.

В рамках исследования применялся метод кейс-стади: подбор схожих кейсов; набор профилей мусульманок в социальной сети; определение параметров кейсов: автор профиля – мусульманка, проживающая в Республике Татарстан, количество подписчиков; определение бренда или проекта; основная тематика блога; определение основных онлайн и офлайн мероприятий, проводимых автором блога и темы, проблемы, поднимаемые авторами.

Мусульманки Республики Татарстан активно представлены в популярной сети Instagram. В целом такие профили мало чем отличаются от женских немусульманских блогов. В них поднимаются темы воспитания детей, здоровья, питания. Количество подписчиков таких блогов достаточно высокое для регионального рынка¹, по масштабам они уступают только региональным представителям власти и спортсменам. Особенностью женского мусульманского сегмента является высокая сплоченность, активный диалог и регулярные встречи вне сети. В целом виртуальное пространство помогает женщинам в организации и объединении, community активно проводит мероприятия для мусульманок.

Эльза Заза – один из самых крупных мусульманских женских блогеров (количество подписчиков – 241 тыс.). В ислам пришла недавно и подробно описывает свой путь прихода в религию, пишет о трудностях, с которыми сталкивается, это находит активный отклик у подписчиц, отмечающих схожие проблемы. В своем блоге пишет о материнстве и семье, активно использует розыгрыши и участвует в них. Эльза серьезно подходит к формированию своего визуального контента, конкурирующего со светскими блогами. Автор подробно и откровенно рассказывает о личной жизни, в её постах часто фигурируют дети и муж.

У певицы Guzelem также большой блог (количество подписчиков – 206 тыс.), и первый её обозначенный статус – певица, далее следуют «мама», «предприниматель», «блогер». Кроме профессиональной музыкальной карьеры она ведет активную предпринимательскую деятельность, связанную с её именем, например, магазины платков и кулинарный проект.

Гузель Шамильевна (количество подписчиков – 168 тыс.) позиционирует себя в первую очередь как «женщина», потом указывает статус матери и профессиональный статус – «food флорист». Гузель является организатором мастер классов по формированию букетов из фруктов и регулярных девичников не только для соблюдающих мусульманок, но и для светских девушек. Мероприятия свои проводит в разных городах республики, разыгрывает на них ценные подарки. Мероприятия имеют программу, как правило, на них работает ведущий, регламентируется дресс-код (чаще тематический, чем религиозный). Гузель активно показывает и рассказывает о детях, муже и родителях.

Одна из самых активных мусульманок республики – Джаннат Мингазова хоть и имеет меньше подписчиков (140 тыс.), но является ярким примером современного женского мусульманского активизма. Свой личный интерес к

¹ Активные мусульманки, фитоняшки и продвинутые чиновники: топ-100 инстаблогеров Татарстана // Бизнес online. 17.10.2020. URL: <https://u.to/ZVINGw> (дата доступа 20.02.2021).

моды и стилю она транслирует через блог, и сейчас её имя ассоциируется с благопристойной модой. Джаннат – частый гость различных светских и религиозных мероприятий (Академия молодежной дипломатии, Halal Market, Halal Expo и пр.), также она принимает активное участие в открытии салонов и бутиков различных брендов, причем не только религиозных (MaxMara, Sahara, Irada и т. д.). Кроме того, Джаннат организатор и автор многих мероприятий и проектов. В 2019 году она была одним из организаторов крупного женского ифтара, где приняли участие 500 человек, гостями стали дизайнеры одежды, которые демонстрировали свои модели, для участниц проводили розыгрыши, дарили подарки. Также она проводит Fashion Iftar и различные вечера для мусульманок с приглашением различных специалистов. Джаннат Мингазова является официальным представителем Russia Modest Fashion Week в Казани (проект благопристойной моды). Джаннат – автор проекта Hijabista, в котором совместно с приглашенным гостем переодевают и создают новые образы для мусульманок и для тех, кто только планирует носить мусульманскую одежду. Отметим, что она редко показывает членов своей семьи, мало делится своими личными историями, дети и муж практически не демонстрируются.

Психолог Хава Шайдуллина (количество подписчиков – 120 тыс.) позиционирует себя как «семейный психотерапевт с шариатским образованием». Её блог посвящен профессиональной деятельности. Наряду с традиционными психологическими запросами (неуверенность, взаимоотношения с родителями, токсичные отношения, психосоматика), она поднимает провокационные для мусульманского сообщества темы, такие как: порнозависимость, интимные проблемы женщин и мужчин, оральная близость и т. д. Данные посты пользуются большими просмотрами, нежели «безопасные» темы. В отличие от вышеперечисленных блогеров, Хава скрывает свое лицо. Основной продукт её деятельности – курсы «Полюби себя», «Воспитать личность», курс сексологии «Об этом», «Зрелость отношений», «На пути к Богу», «Бизнес и самореализация», многочисленные вебинары и гайды. Цены варьируются от 6 000 до 75 000 рублей, что выше среднего по «рынку». Контент оформлен профессионально, визуальный ряд выдержан в едином стиле. Регулярно публикуются посты по тематике блога, а в сториз блогер показывает свою повседневную жизнь. И хотя Хава не проводит массовые очные мероприятия, её профессиональная деятельность в таком публичном пространстве формирует площадку для обсуждения ранее «запретных» тем для мусульманок, способствует их раскрепощению.

Эндже Нармаева (количество подписчиков – 110 тыс.) позиционирует себя как «многодетная мама, стоматолог и жена стоматолога». Однако профессиональная деятельность на данный момент не освящается. В блоге автор рассказывает о своей семье, участвует и проводит розыгрыши с ценными призами, увеличивающие активность на странице. Деятельность Эндже отметил интернет-журнал Enter (Казань) в своем ежегодном рейтинге, она стала мамой года 2020.

Активную предпринимательскую деятельность ведет Парвина Абузарова (количество подписчиков – 88 тыс.). До рождения второго ребенка активно занималась своим брендом одежды (Parvini one), которая начиналась как спортивная одежда для мусульманок. Сейчас разрабатывает тему инвестиций, а также совместно с Guzelem реализует проект кулинарной студии. Отметим,

что Парвина в своих проектах не делает акцента на религиозную составляющую, её деятельность является примером того, как мусульманка может вести бизнес и различные проекты, которые нацелены на широкую аудиторию.

Руниза Закирова (количество подписчиков – 69 тыс.) многодетная мама (4 мальчика), на своей странице делится ежедневными заботами о семье, ведением бизнеса в сетевом маркетинге (NL) снимает короткие видео для Тик-Тока на татарском языке. Руниза указывает, что для неё блогерская деятельность – это «выход из зоны комфорта, борьба со своими страхами и комплексами». Автор блога охотно рассказывает и показывает о своей семье, родственниках, встречах с друзьями.

Альбина Фазлыева (количество подписчиков – 62 тыс.), в отличие от других перечисленных нами, живет и ведет свою деятельность в одном из районов республики. Отметим, что Альбина ведет весь свой блог на татарском языке. Она занимается пошивом одежды, предназначенной для исполнения религиозных обрядов (платья для никаха, тюрбаны), повседневной мусульманской одежды, светских костюмов и одежды для детей. Большая часть контента посвящена профессиональной деятельности: процесс создания одежды, выбор ткани, отзывы покупателей, продвижение авторского курса по швейному мастерству (стоимость от 499 до 1399 рублей), деятельности магазина в пгт Балтаси. Также она проводит женские вечера с религиозным и национальным колоритом «Ямьле кичэ» («Прекрасный вечер» с тат.). Альбина рассказывает о своем пути в религию, частично делится и личной жизнью.

Гузель Сафиуллина (количество подписчиков – 23 тыс.), двуязычный блогер (русский и татарский язык), начала свою деятельность в феврале 2016 года, будучи не «покрытой»², с приготовления различного вида сладостей (варенье, пастила, конфеты из фиников, кураги), которые преподносились как национальное угощение («күчтәнэч» тат.). Далее она отошла от национального компонента. В 2018 г. автор начинает увлекаться идеями правильного питания и постепенно приходит к нутрициологии, начинает рассказывать о правильном сбалансированном питании, рецептах для похудения и поддержания физической формы. Активно устраивает конкурсы, курсы («Татарская ПП выпечка», «ПП кондитер», «Татарская безглютеновая выпечка»), марафоны (Здоровая Я), розыгрыши, вебинары («Скажи мне, что у тебя болит – я угадаю, что ты ешь»), редко рассказывая о своей семье. Гузель активно развивает свой блог, подстраивается под тренды, продвигая себя, как специалиста, использует современные маркетинговые инструменты (визуальная составляющая, контент, подача материала).

Таким образом, современные мусульманки – это такие же активные пользователи социальных сетей, как и светские девушки. Одни из них формируют бренд из своего имени, через «классический женский» контент – семья, дети, быт. Мы бы отметили, что контент данных блогов носит развлекательный характер. Но при этом открытость мусульманок в публичном пространстве, способствует трансформации традиционного представления о религиозной женщине и её паттернах поведения. Одновременно наличие семьи и детей является важным показателем социального статуса мусульманки и формирует «социальное одобрение» для профессиональной деятельности. Часть мусульманок (Джаннат Мингазова, Хава Шайдуллина, Альбина Фазлыева, Гузель

² Покрывать голову платком согласно религиозным предписаниям.

Сафиуллина) продвигают себя или свой профессиональный бренд наравне со «светскими» блогерами и конкурируют на профессиональном рынке. На данный момент мусульманки-блогеры не делают заявлений и не обозначают свои гражданские или политические позиции, и в целом ориентированы на женскую аудиторию, но их деятельность – пример того, как сохраняя свою религиозную идентичность и практикуя ислам, можно быть активным членом общества и реализовывать право на выход в публичное пространство.

Библиографический список:

1. Ахунев, А. М. Объединительный съезд мусульман Татарстана 1998 г.: предпосылки, решения, результаты // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 250-254.
2. Гусева, Ю. Н. Борьба за женщину: татарка-мусульманка в религиозных практиках средневожских исламских общин в первой трети XX в. // Женщина в российском обществе. 2012. № 4 (65). С. 72-78.
3. Вента, Р. Эволюция образа мусульманки в исследованиях XX-XXI вв. // Женщина в российском обществе. 2012. № 1 (62). С. 81-88.
4. Гараев, Д. М. Женские мусульманские организации в Татарстане: между традиционализацией и модернизацией // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12, № 4. С. 985-1000. DOI: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-4-985-1000>.
5. Гафаров, А. А. Женское мусульманское движение в Татарстане: исторические истоки и современные тенденции / А. А. Гафаров, А. И. Саттарова // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 517.
6. Саттарова, А. И. Образ татарской женщины-мусульманки и развитие женского движения в контексте исторической памяти: возрождающиеся и новые традиции / А. И. Саттарова, А. М. Фазлиев // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4. Ч. 2. С. 29-33.
7. Гузельбаева, Г. Я. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма / Г. Я. Гузельбаева, М. М. Мчедлова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247-268. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

Дата поступления в редакцию: 08.04.2021.

Принята к печати: 11.05.2021.

Сведения об авторах:

Гибадуллина Миляуша Рустамовна, научный сотрудник,
ОСП Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан.
Казань, Россия.
e-mail: milya@mail.ru
Author ID РИНЦ: 855345

Кусанова Динара Сырынбетовна, младший научный сотрудник
ОСП Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан.
Казань, Россия.
e-mail: dinaradinaria@mail.ru

M. R. Gibadullina¹, D. S. Kusanova¹

¹Center of Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, Russia

MUSLIM FEMALE ACTIVISM IN SOCIAL DISCOURSE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. Nowadays the stress turns from traditional forms of activism to new forms of it and mostly it is implemented in internet sphere. Today social nets become the place of formation and development of social discourse. In framework of this paper, several prominent Muslim female blogs in Instagram are examined. So contemporary Muslim women actively join in the information field, find their niche and acquire audience in social nets too. At the present point they represent themselves primarily as wives and mothers, thus they get social approval for being in public sphere. However, the example of contemporary Muslim bloggers tends to transform traditional conception of religious women and her behavioral patterns. Now Muslim women-bloggers do not make any statements, denoting their civil rights or political positions, generally they are oriented on female auditory. Their activity is an example of the way to implement your right of appearance in public sphere, saving your religious identity.

Keywords: Muslim female activism, social nets, new forms of activism, Muslim women.

For citation: Gibadullina M. R., Kusanova D. S. (2021) Muslim female activism in social discourse of the republic of Tatarstan. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 2. P. 74-80. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.7

References

1. Ahunov A. M. (2013) Tatarstan Muslim unifying congress of 1998: background, actions, results. *Philology and culture*. No 4 (34). Pp. 250-254 (in Russ.).
2. Guseva Yu. N. (2012) The Struggle for Women: The Muslim Tatar Woman in the Religious Practices of Middle Volga Islamic Communities in the First Third of the 20th Century. *Woman in Russian society*. No 4 (65). Pp. 72-78. (In Russ.).
3. Venta R. (2012) The Evolution of the Image of the Muslim Woman in the Studies of the XX-XXI Centuries. *Woman in Russian society*. No 1 (62). Pp. 81-88. (In Russ.).
4. Garaev D. M. (2019) Muslim Women's Organizations in Tatarstan: Between Traditionalization and Modernization. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 12. No 4. Pp. 985-1000. DOI: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-4-985-1000>. (In Russ.).
5. Gafarov A. A., Sattarova A. I. (2013) Women's Muslim movement in Tatarstan: historical sources and current trends. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No 2. P. 517. (In Russ.).
6. Sattarova A. I., Fazliev A. M. (2015) The image of the Tatar Muslim women and the women's movement in the context of historical memory: resurgent and new traditions. *Vestnik KazGUKI*. No 4. Ch. 2. Pp. 29-33. (In Russ.).
8. Guzelbaeva G. Y., Mchedlova M. M. (2020) Kazan Muslim Communities at the Beginning of the 21st Century: Causes of the Rise and Fall of Islamic Youth Activism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No 3. Pp. 247-268. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>. (In Russ.).

The article was submitted on April 08, 2021.

Accepted on May 11, 2021.

Information about the authors:

Milyausha R. Gibadullina, Researcher,
Center of Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences.
Kazan, Russia.
e-mail: g.milya@mail.ru

Dinara S. Kusanova, Junior researcher
Center of Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences.
Kazan, Russia.
e-mail: dinaradinaria@mail.ru

DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.8
УДК 314/316

Н. В. Мерзликин¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ НАКАНУНЕ НОВОГО ЭТАПА РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Аннотация. Рецензия на научный труд: *Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [Коллективная монография] / Осипов Г.В. и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. 532 с. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.*

Главным событием 2020 года, определившим ситуацию в мире и в России, стала пандемия COVID-19. Влияние ковид-кризиса прямо или косвенно затронуло все сферы жизни российского общества, отразилось на функционировании институтов власти и общественных организаций, на характере взаимоотношений гражданского общества и государства. Переосмыслению подверглись структура и порядок формирования национальных целей и программ, общество более осмысленно и ответственно отнеслось к оценке существующего состояния и путям развития российской экономики и социальной сферы, в частности, к сфере здравоохранения. Взрывной рост различных форм цифровых коммуникаций в условиях вынужденной самоизоляции позволил по-новому, более компетентно оценить социально-политические аспекты цифровой трансформации российского общества, предметно исследовать вызовы и угрозы, которые несёт в себе процесс формирования цифрового будущего.

В условиях масштабных социально-политических изменений растёт значимость изучения ключевых трендов развития глобального мира и российского общества, комплексного анализа сфер жизнедеятельности российского общества: социально-политических, социально-экономических и социально-демографических. Эту задачу и поставили перед собой авторы научной монографии, подготовленной учеными Института социально-политических исследований и Института демографических исследований ФНИСЦ РАН по результатам исследований 2020 года.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, пандемия, социально-политические отношения, поправки в Конституцию, COVID.

Для цитирования: Мерзликин Н.В. Российская социальная реальность накануне нового этапа работы Государственной Думы // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 81-90. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.8

Основное содержание монографии составляет исследование процесса преодоления российским обществом пандемии, а также определение тех вызовов и угроз, которые негативно сказываются на стабильности и устойчивости российской государственности; раскрываются ключевые уроки COVID-19 для глобального мира и российского общества, проводится анализ социально-политических аспектов цифровой трансформации российского общества, рисков, которые несёт в себе процесс формирования цифрового будущего.

В контексте приближающихся выборов в Государственную Думу особенно важным становится исследование отношения граждан РФ к реализуемой в стране стратегии социально-экономического развития, к политической системе российского общества. Содержащийся в монографии анализ состояния российского общества вскрывает те тенденции в развитии социальной реальности, которые

во многом определяют ход и результаты выборного процесса по избранию нового состава Государственной Думы РФ в 2021 году и развитие политической ситуации в этот период в целом. Среди них авторы особо выделяют ответственное отношение населения к Всероссийскому голосованию за принятие поправок в Конституцию РФ, прошедшее в сложных эпидемиологических условиях.

Исходя из этого, представляется целесообразным в реферативном виде раскрыть те стороны монографического исследования, которые имеют значимость для нового этапа парламентской работы Государственной Думы РФ в 2021 году и развития политической ситуации в этот период в целом.

Изменения в глобальном мире и российском обществе: тенденции и взаимосвязи. Анализ процессов, протекающих в российском обществе, возможен только в тесной связке с процессами, идущими в глобальном мире. Масштабность пандемии коронавируса – это лишь внешнее проявление глубоких и всеобъемлющих мировых трансформаций. Угроза прекращения человеческой жизни на земле – самый опасный вызов, обозначившийся с появлением COVID-19, первопричиной которого стало бесконтрольное вмешательство человека в природную среду. «В своей познавательной и производственной деятельности ученые, политики и предприниматели не осознали возникающие и растущие угрозы, нарушили императивы безопасного коэволюционного взаимодействия социума, техносферы и биосферы и создали предпосылки возникновения пандемии, которая, в свою очередь, спровоцировала глобальные экономические, политические, социальные и демографические критические эффекты. Круг саморазрушительных действий замкнулся и результативался в глобальном системном COVID-кризисе» [1, с. 89].

Ключевой проблемой развития цивилизации в современных условиях становится проблема обеспечения глобальной безопасности. Цивилизационный подход к восприятию формирующейся в мире новой социальной реальности позволяет увидеть появление новых глобальных тенденций, обусловленных пандемией COVID-19. Не интеграция, а разобщение по национальным интересам становится альтернативой современного геоэкономического пространства. Внутри мировой элиты обозначилась жесткая схватка за стратегию будущего, за место в нём транснационального финансового капитала. Это новая тенденция в развитии современного мира, противостоящая до сих пор устремлённости транснационального капитала на построение однополюсного мира, на формирование единой наднациональной мировой системы.

Тенденция возрастания роли национальных государств, ограничение возможностей построения однополюсного мира под эгидой мирового финансового и транснационального промышленного капитала стратегически отвечает суверенным интересам России, превращает её в своего рода гаранта и опорное звено движения за создание многополюсного мирового порядка. Самим фактом своего существования в качестве суверенной цивилизации Россия объективно ставит под сомнение возможность формирования единой наднациональной мировой системы, и вследствие этого становится стратегическим объектом угроз и перманентной антироссийской политики. Отвергая роль сырьевого придатка в глобальной мировой экономике, Россия противопоставит западной модели развития, практическая реализация которой предполагает возможность распада России как суверенного государственного образования, вплоть до исчезновения её как самостоятельной и целостной цивилизации. Такое противостояние обусловило необходимость исследования процессов, идущих в российском обществе, с учетом тех вызовов и рисков, которые направлены против России извне.

Перед российским государством, обществом, экономикой встала задача не только устоять перед внешними вызовами, но и обеспечить успешную реализацию своего уникального социально-экономического развития на основе новейших информационных, интеллектуальных технологий, присущих цифровой стадии развития общества.

Российская социальная реальность: повышение уровня рискогенности. Отличительной особенностью монографии является научный анализ социологической информации, раскрывающий социодинамику идущих в обществе изменений на основе результатов социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» [2; 3], проводимого центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН начиная с 1992 года¹.

Сопоставление социологической информации 2020 года с результатами социологических исследований предшествующих периодов позволило авторам монографии сделать фундаментальной значимости вывод о том, что в условиях борьбы с пандемией «политические и социальные эффекты пандемии оказались настолько глубокими, что они вызвали трансформацию ядра ценностных ориентаций и норм поведения глобального гражданского социума» [1, с. 10].

В стране возникла новая социальная реальность. Резкое снижение доходов граждан, рост безработицы, простой предприятий в период режима самоизоляции привели страну к кризисному состоянию, общественное сознание – к эмоциональному перенапряжению, к росту пессимистических настроений.

Существенным стало снижение качества жизни. Понятие «качество жизни» характеризует не только материальные условия жизни людей, но и оценку ими эффективности и перспектив своей жизнедеятельности. Данное обстоятельство является особенно важным, так как именно оно выступает основной причиной повышения социальной напряженности в обществе, побудительным мотивом для протестных выступлений и социальных потрясений. Восприятие «качества жизни» во многом зависит от наличия у человека возможностей улучшить условия своего жизнеуществования. Данные социологического мониторинга показывают, что, начиная с 2014 года, в обществе наметилась тенденция к снижению уровня удовлетворенности граждан имеющимися у них возможностями улучшить свое благополучие. Если в 2014 г. почти половина (49%) респондентов полагала, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие», то к 2020 г. число таких респондентов снизилось до одной трети (31%). Одновременно с этим более половины (52%) респондентов стали считать: «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» [1, с. 46; 2, с. 28]. Такой настой граждан формирует в обществе социально-политическую отчужденность населения от государства, увеличивает дистанцию между россиянами и властью. «Людам у власти нет никакого дела до простых людей», считало 67% респондентов в 2020 г. Лишь 9% респондентов отметили, что «власти заботятся о жизни простых людей».

Неудовлетворённость сложившейся в обществе ситуацией отразилась в суждении: «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы

¹ Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» проводится центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. по настоящее время. Научный руководитель мониторинга д.соц.н. В.К. Левашов. Объем выборочной совокупности на разных этапах составлял 1312-1866 респондентов, в августе – сентябре 2020 года – 1607 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает взрослое население России. Используется квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности по полу, возрасту, образованию, месту жительства.

в стране», с которым при опросе в сентябре 2020 г. согласилось 69% респондентов. Такой настрой формируется на фоне неприятия проводимой в стране экономической политики. По мнению 38% респондентов «экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения», противоположного мнения придерживаются лишь четверть (24%) опрошенных. Обращает на себя внимание, что 38% затруднилось с оценкой. Таким образом, по мнению большинства респондентов государство проводит экономическую политику, не отвечающую интересам подавляющей части населения [1, с. 17].

Все это характеризует формирующуюся в стране новую социально-политическую реальность. Отличительной особенностью её стали, с одной стороны, поддержка населением политики защиты суверенности российской государственности, укрепления духовного и идейно-патриотического потенциала страны, с другой – нарастание в обществе неуверенности в завтрашнем дне, отчужденности по отношению к власти, обостренного восприятия социального неравенства, несправедливости.

Протестные выступления, обозначившиеся в 2019-2020 гг. в ряде регионов страны, стали проявлением отрицательного отношения общества к проводимому в стране социально-экономическому курсу, к ряду управленческих решений государственной власти. Отсутствие баланса между тем объемом прав, которым располагают отдельные представители и органы управления, и тем кругом обязанностей и ответственностью, которые они берут на себя в процессе управления, поднимает в общественном сознании вопрос о несправедливом разделении прав, доходов и привилегий, ведет к нарастанию уровня социальных противоречий. Три четверти респондентов отмечают значительность противоречий между «богатыми и бедными», «низшими и высшими классами» в современном российском обществе. Более половины опрошенных полагает значительными противоречия «между народом и властью» [1, с. 70; 4, с. 18-20].

Опасность указанных и других противоречий («между работодателями и работниками», «между центральной властью и регионами») свидетельствует о социальном неблагополучии, а следовательно, о наличии в обществе социальной базы потенциальной угрозы устойчивости российской государственности.

Обращают на себя внимание отмеченные респондентами проблемы, затрагивающие повседневную жизнь большинства населения. Именно они формируют риски, несущие угрозу российской государственности. К их числу относятся «риск нарастающей социальной несправедливости», «риск дороговизны жизни», «риск углубления социального расслоения общества», «риск нарастания диспропорции в региональном развитии», «риск социальной деградации села».

Рискогенность превращается в сущностную характеристику российского общества. Отличительной особенностью российской государственности становится то, что в сферу политической жизни включается новое поколение российских граждан, сформировавшееся в 2000-е годы, в эпоху президентства В.В. Путина. Оно не отягощено стереотипами идей социализма, идеологией государственного патернализма, кризисным восприятием реформ 90-х годов. Этому поколению присущи стремление к изменению своего социального положения, готовность защищать свои интересы, в том числе упрочение своих позиций в политической сфере, в структурах власти, а также через участие в протестных выступлениях, и именно оно выступает социальной базой формирования в стране новой социальной группы «цифровой элиты».

Новая политическая реальность резко актуализирует проблему нахождения оптимального баланса во взаимодействии власти и общества, власти и бизнеса, власти и структур гражданского общества.

Политическая система: противоречия, вызовы. Отношение граждан к политической системе общества по сути является ответом гражданского общества на политику, проводимую государством. По данным социологического исследования, проведенного в сентябре 2020 г., треть российского социума (34%) полагают, что в сложившейся в стране «политической системе много недостатков, но их можно устранить реформами». Столько же граждан «полностью устраивает политическая система российского общества», шестая часть опрошенных считают, что «политическую систему необходимо изменить радикальным образом». Обращает на себя внимание динамика снижения числа сторонников радикальных изменений политической системы. Если в 2011 г. за радикальное изменение выступало 34% респондентов, то в последующие годы вплоть до 2015 г. число сторонников такой точки зрения снизилось до 18%. Однако начиная с 2016 г. вновь начался рост «приверженцев радикализма» (с 22% в 2016 г. до 27% в 2019 г.). После Всероссийского голосования за внесение изменений в Конституцию РФ число сторонников радикального изменения политической системы уменьшилось до 18%. Наряду с этим впервые за все годы мониторинга (с 1994 г.) зафиксировано наибольшее число респондентов, которых «полностью устраивает политическая система общества» [1, с. 26; 2, с. 12-13].

Одним из ключевых факторов развития политической системы выступает степень обеспечения в обществе политических прав и свобод граждан. Большинство респондентов позитивно оценило в ходе мониторинга уровень развития таких свобод как «свобода политического выбора» (58%), «свобода слова» (50%), «терпимость к чужому мнению» (43%). Наряду с этим важнейшие права, характеризующие состояние политической системы, обеспечиваются, по мнению респондентов, на низком уровне. Только четверть (26%) респондентов согласились с тем, что в обществе обеспечивается «равенство граждан перед законом», около трети считают, что соблюдаются «права человека» (34%), «личная безопасность граждан» (35%).

По данным мониторинга «Как живешь, Россия?» начиная с 2015 г. в обществе наблюдается снижение индикаторов, показывающих уровень обеспечения «свободы слова» (на 13 п.п.), «соблюдение прав человека» (10 п.п.), «обеспечение социальных гарантий» (9 п.п.), «свободу политического выбора» (9 п.п.), «терпимость к чужому мнению» (8 п.п.) [1, с. 27-28].

Отношение к политической системе в значительной мере определяется характером восприятия в обществе институтов власти, зависит от уровня доверия к ним со стороны населения. По данным мониторинга, в сентябре 2020 г. структура доверия граждан к государственным и политическим институтам в порядке убывания выглядела следующим образом: доверяют Президенту РФ 61% респондентов, правительству РФ – 44%, Администрации Президента РФ – 35%, Совету Безопасности – 35%, Совету Федерации РФ – 30%, Государственной Думе – 23% респондентов.

За период с мая 2018 г. по сентябрь 2020 г. зафиксирован наивысший уровень доверия Президенту РФ и самый высокий за все годы мониторинга уровень доверия руководителям регионов (46%). Эти данные имеют принципиальный характер, свидетельствуя о возрастании доверия населения к стержневой основе политической системы государства в лице Президента РФ и руководителей ре-

гионов. Это результат высокой оценки населением действий властных структур центра и регионов в период проведения необходимых мероприятий по обеспечению эпидемиологической безопасности населения [1, с. 21-22].

Анализ динамики поддержки политических партий показывает, что в обществе не сложилась социально адекватная партийно-политическая система: 46% граждан, по данным мониторинга 2020 г., не поддерживают ни одну из существующих политических партий, 12% затруднились ответить на вопрос о партийных предпочтениях. Политику «Единой России» разделяло 10% россиян. Рейтинги ЛДПР и КП РФ на момент опроса составляли в 2020 г. 8% и 7% соответственно. Из числа политических лидеров наиболее высоко респондентами оценивался В.В. Путин. Именно он, по мнению респондентов, способен вывести Россию из кризиса. Среди других лидеров позитивно отмечены С.К. Шойгу и С.С. Соболев [1, с. 24].

Все это свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости сложившейся в России политической системы, ее стабильности. С другой – о её слабости. Отсутствие политических структур, способных реально быть оппозирующей оппозиционной силой, имеющей политическую поддержку в обществе, снижает уровень общественного контроля за властью, за партией, выступающей в качестве партии власти. В этих условиях ключевая роль в организации контроля за властью принадлежит общественным структурам, институтам гражданского общества.

Всенародное голосование за конституционные поправки – отражение тенденции к упрочению российской государственности. Поддержка населением изменений в Конституцию РФ стало рубежом событием в политической жизни страны. Решена стратегическая задача – правовое закрепление отхода от преваляирования в правовой системе страны международно-правовых норм над национальными. В этом ключевая роль конституционных поправок, повернувших всю систему государственного устройства в русло исторической преемственности, закрепления системы социальных гарантий, защиты суверенных интересов государства. Именно это обстоятельство вызвало острое неприятие конституционных поправок со стороны Запада и отдельных представителей неолиберальной части российского общества. Европейский парламент в резолюции от 17 сентября 2020 года объявил принятые поправки незаконными и призвал к их отмене. С аналогичным призывом выступила Парламентская ассамблея Совета Европы. Обращает на себя внимание, что социальная направленность поправок, рассчитанных на повышение уровня социальной защищенности населения, была проигнорирована как зарубежными оппонентами, так и противниками поправок внутри страны.

У большинства российских граждан сложились иные оценки в отношении поправок. Согласно результатам 50-го этапа социологического мониторинга «Как живешь Россия?», проведенного накануне Всенародного голосования за внесение конституционных поправок, 51% респондентов выразили свою однозначную поддержку поправкам, лишь пятая часть опрошенных (19%) имели противоположное мнение, а треть респондентов (30%) затруднились с определением своей позиции.

Изменения в Конституцию РФ вынесены на голосование единым блоком. Структура ответов респондентов, полученных на вопрос: «Какие из поправок, вносимых в Конституцию РФ, Вы считаете необходимыми?», позволила определить ключевые приоритеты общества. В условиях пандемии приоритет был

отдан поправкам, имеющим социальную направленность. Более половины опрошенных (53%) высказались за необходимость обеспечения доступной и качественной медицины, 28% – за гарантию минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума, столько же респондентов высказались за необходимость ежегодной индексации пенсий.

На втором месте по приоритетности оказались поправки, рассчитанные на укрепление российской государственности, защиту её суверенитета. В числе таких поправок – запрет занимать государственные должности лицам, имеющим иностранное гражданство и счета за рубежом, запрет действий, направленных на отчуждение части территории России и призывов к этому, за приоритет Конституции РФ над международными правовыми и международными договорами.

Поддержка в ходе Всероссийского голосования конституционных поправок показала не только настрой общества на укрепление суверенности российского государства, но и на расширение его социальной ориентированности. Данный аспект приобретает особую актуальность в преддверии избирательной кампании по выборам нового состава Государственной Думы РФ в 2021 году. В связи с принятием конституционных поправок эти выборы приобретают особую значимость. От нового состава Госдумы во многом будет зависеть расстановка сил в верхнем эшелоне государственной власти, система взаимодействия в высших структурах государственного управления, а значит, и обеспечение прорыва в социально-экономическом развитии страны, поддержание социально-политической стабильности в период завершения в 2024 году текущего срока полномочий Президента РФ В.В. Путина, практическая реализация конституционных поправок. Результаты выборной кампании 2021 г. важны и для сохранения политического веса и значимости в обществе ведущей политической партии страны – «Единой России», выступающей в качестве основы политической системы страны.

Всё это учитывалось при анализе итогов выборной кампании 2020 г., с акцентом на те стороны избирательного процесса, которые могут проявиться в ходе избирательной кампании – 2021 года.

Одним из главных результатов выборов-2020 стало сохранение стабильности в системе функционирования политических партий. «Единой России», несмотря на снижение рейтинга вследствие проведенной пенсионной реформы, падения жизненного уровня населения, удалось сохранить своё лидерство в политическом пространстве и политический вес в общественном процессе. Все кандидаты, избравшиеся при поддержке «Единой России» на пост глав регионов, выбраны были уже в первом туре. На дополнительных выборах в Госдуму РФ представители партии выиграла во всех округах, где избирались их представители. В целом, в региональном выборном процессе принимало участие от 5 до 8 политических партий. Это придавало выборам определённую остроту политического противостояния и конкурентный характер. Отличительной особенностью выборов стало также лидерство «Единой России» в политическом пространстве муниципальных образований. Ни одна другая политическая партия не смогла проявить на уровне муниципалитетов заметного политического влияния.

Наряду с позитивными сторонами результатов, полученных «Единой Россией» в ходе выборов 2020 г., проявились и негативные аспекты, отразившие снижение уровня доверия к ней со стороны избирателей. Ухудшилось представительство «Единой России» в парламенте Республики Коми, в органах законодательной власти Костромской, Новосибирской, Рязанской областей. По итогам выборов «Единая Россия» потеряла большинство в горсоветах Томска, Тамбова.

Не удалось получить большинство в 50% голосов в ходе муниципальных выборов в городах Эссентуки и Минеральные Воды. Это лишь первые проявления снижения уровня доверия избирателей к «Единой России» [1, с. 83].

Сравнение итогов избирательной кампании с итогами Всероссийского голосования за конституционные поправки показывает наличие тенденции к размыванию политических и организационных позиций «Единой России» в регионах со сложной социально-экономической ситуацией.

Отличительной особенностью выборов-2020 стало участие в них зарегистрированных накануне выборов новых политических партий. Это партия «Новые люди», политическая партия «За правду», партия «Зеленая альтернатива» и «Партия прямой демократии». К концу мая 2020 года все они зарегистрировали отделения более чем в половине регионов, провели съезды и получили право на участие в выборах-2020. Создание этих партий удовлетворяло сформировавшийся в обществе запрос на появление в политике новых персонажей, на представительство во властных структурах интересов тех социальных групп населения, которые не были охвачены существующими парламентскими партиями. Одновременно с этим решалась задача направления уличного протестного потенциала в русло политической борьбы, растворение политического радикализма в межпартийном противостоянии в ходе выборных кампаний.

Итоги голосования показали, что из всех вновь зарегистрированных партий, принявших участие в избирательном процессе, наступательную избирательную кампанию смогла вести лишь партия «Новые люди», опиравшаяся на сетевые структуры крупной межрегиональной парфюмерной компании «Фаберлик» и провести во всех регионах, где были зарегистрированы её избирательные списки, своих кандидатов. Остальные партии из числа вновь зарегистрированных довольствовались тем, что получили право участвовать в выборах-2021 без необходимости сбора подписей избирателей.

Всё это свидетельствует, что при отсутствии кадрового, организационного и финансового потенциала в условиях жесткого противостояния, конкуренции политических партий вновь образуемые малые партии не могут стать ощутимой политической силой в выборном процессе 2021 года.

Появление в политическом пространстве новых партий, преодолевших 5% барьер, показывает усталость протестного электората от «старых» оппозиционных партий. Увеличение числа политических партий, участвующих в голосовании, размывает оппозиционное поле, усиливает конкуренцию в оппозиционной сфере, ослабляет социальную базу КПРФ и ЛДПР, переводит остроту социального недовольства общества в сферу политического противостояния партий.

Заключение. В целом монографическое исследование «Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году» представляет собой системный анализ современного российского общества, раскрывает актуальные проблемы отношений власти и общества в условиях нарастания глобальных проблем, вызовов и угроз, многие из которых представляют серьёзную опасность для развития российской цивилизации.

Масштабность задач, которые встают перед российским обществом в условиях геополитических вызовов, обострения конкурентной борьбы цивилизаций, реализации курса на отбрасывание, изоляцию российского государства, показывает, что Россия вошла в особый этап своего развития. Главная его особенность – задача не только отстаивать свою суверенность в мировом сообществе, но и карди-

нально изменить положение в экономике таким образом, чтобы обеспечить для своих граждан достойное качество жизни. Все это резко актуализирует важность содержащегося в монографии концептуального видения процесса осмысления и нейтрализации препятствий для экономического роста страны.

Россия стоит перед выбором новой социальной развилки социально-политических траекторий, моделей развития. Именно эту задачу придётся решать новому составу Государственной Думы, избираемой 19 сентября 2021 года.

Библиографический список

1. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [Коллективная монография] / *Осипов Г.В. и др.*; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. 532 с. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.

2. Экспресс-информация. Как живёшь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года: [монография] / *В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]*; отв. ред. В.К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020. 64 с. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12/экспресс-информация-как-живёшь-россия.pdf>. ISBN 978-5-88045-463-1. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020.

3. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов: [монография] / *В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]*; под общ. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 140 с.

4. Состояние гражданского общества в России. XLVIII этап социологического мониторинга «Как живёшь Россия?», ноябрь-декабрь 2018 года / *В.К. Левашов, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина, И.С. Шушпанова*; под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Перспектива, 2019. 106 с. ISBN 978-5-88045-393-1. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispiranApr2019> (дата обращения: 12.03.2021).

Дата поступления в редакцию: 11.05.2021.

Принята к печати: 21.05.2021.

Сведения об авторе:

Мерзликін Николай Васильевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заведующий Отделом социологического анализа политических процессов.

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: merzlikin37@bk.ru

Author ID РИНЦ: 73106

RUSSIAN SOCIAL REALITY ON THE EVE OF A NEW PHASE OF THE WORK OF THE STATE DUMA

Annotation. Review of a research: *Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu* [Russian society and state in a pandemic: the socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020] / Osipov G.V. [et al.]; ed. by G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya; otv. red. V.K. Levashov. M.: PERSPEKTIVA Publ., 2020. 532 p. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.

The main event of 2020, which determined the situation in the world and in Russia, was the COVID-19 pandemic. The influence of the covid crisis, directly or indirectly affected all spheres of life in Russian society, reflected on the functioning of government institutions and public organizations, on the nature of relations between civil society and the state. The structure and procedure for the formation of national goals and programs were rethought, society reacted more meaningfully and responsibly to assessing the current state and ways of developing the Russian economy and social sphere, in particular, to the healthcare sector. The explosive growth of various forms of digital communications under conditions of forced self-isolation made it possible to assess the socio-political aspects of the digital transformation of Russian society in a new way, more competently, and to substantively investigate the challenges and threats that the process of shaping the digital future entails.

In the context of large-scale socio-political changes, the importance of studying the key trends in the development of the global world and Russian society, a comprehensive analysis of the spheres of life of Russian society: socio-political, socio-economic and socio-demographic is growing. These are the tasks set for themselves by the authors of a scientific monograph prepared by scientists from the Institute for Social and Political Research and the Institute for Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences based on the results of research in 2020.

Keywords: civil society, state, pandemic, socio-political relations, constitutional amendments, COVID.

For citation: Merzlikin N. V. (2021) Russian social reality on the eve of a new stage of the State Duma work. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 2. P. 81-90. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.8

References

1. Osipov G.V. [et al.] (2020) *Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu* [Russian society and state in a pandemic: the socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020]. ed. by G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya; otv. red. V.K. Levashov. M.: PERSPEKTIVA Publ. 532 p. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532. (In Russ.).

2. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] (2020) *Express information "How are you, Russia?", 50th stage of the sociological monitoring, August-September 2020*. Executive editor V.K. Levashov. M.: Perspektiva Publ., 2020. 64 p. ISBN 978-5-88045-463-1. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020. (In Russ.).

3. Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. (2021) *Social state and civil society in the context of implementation of nation projects*. Ed. by V.K. Levashov. M.: FCTAS RAS, 2021. 140 p. (In Russ.).

4. Levashov V.K., Afanasev V.A. Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. (2019) *Sostoyaniye grazhdanskogo obshchestva v Rossii. XLVIII ehtap sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh' Rossiya?», noyabr'-dekabr' 2018 goda* [The state of civil society in Russia. XLVIII stage of sociological monitoring how are you, Russia?], November-December 2018]. Ed. by V.K. Levashov. M.: PERSPEKTIVA Publ. 106 p. ISBN 978-5-88045-393-1. URL: <https://itdperspektiva.page.link/ispiranApr2019> (last request 12.02.2021). (In Russ.).

The article was submitted on May 11, 2021.

Accepted on May 21, 2021.

Information about the author:

Nikolay V. Merzlikin, Candidate of Philosophy, Senior Researcher,
Head of the Department of Sociological Analysis of Political Processes.
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: merzlikin37@bk.ru

КУДА ВЕДУТ УКРАИНУ?

Аннотация. Рецензия на научный доклад Института социологии Национальной академии наук Украины: *Куда идёт Украина в XXI веке? Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации: социологическое измерение. Научный доклад / Т. Петрушина, А. Арсененко, В. Буткалюк. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2020. 120 с. ISBN 978-966-02-9424-0.* Авторы доклада поставили перед собою цель: в сжатой форме дать максимально полное и целостное представление о процессах, происходящих сегодня в Украине в контексте глобальных социальных изменений, с тем чтобы не только донести свои выводы научному сообществу, но и информировать широкие круги общественности и властные структуры о реальной ситуации в стране. А реальная ситуация, по мнению авторов доклада, «грозит способности нашего государства воспроизводить свой суверенитет и обеспечить сохранение территориальной целостности страны». Впечатление по прочтении доклада такое, что об угрозах ещё мягко сказано! Даже не мягко, а завуалировано. В самом деле, слова о неспособности Украины воспроизводить свой суверенитет и обеспечить сохранение территориальной целостности страны, – эвфемизм констатации умирания Украины, скатывания её к гибели, к смерти. И не потому, что Россия или какое-то другое государство её расчленил, а потому, что экономика государства увядает, социальная сфера хиреет, население нищает, молодёжь уезжает жить за рубежи родины, и, в конечном счёте, Украина гибнет.

Ключевые слова: Украина, экономическая глобализация, украинское общество, социально-экономический кризис.

Для цитирования: Бусыгин А.Е. Куда ведут Украину? // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 2. С. 91-98. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.9

Рассматривая научный доклад Института социологии НАН Украины за 2020 год, прежде всего, следует подчеркнуть «научность» доклада – он не содержит никакой публицистики. Образность языка, свойственная полемическим изданиям, сведена к минимуму. Такого рода образность призвана воздействовать на эмоции, на чувства читателей публицистических материалов. В данном случае такой необходимости нет: авторы доносят свои мысли основываясь на научной логике, подкрепляя её статистическими показателями и данными социологических исследований. Но научный анализ авторов доклада и их выводы таковы, что не могут не тревожить, не заставлять переживать за будущее одного из крупнейших государств европейского континента, за судьбы более чем сорока миллионов населения страны.

Научный доклад, состоящий из двух разделов, «строится» на двух уровнях: теоретико-концептуальном и эмпирическом. В первом разделе на теоретико-концептуальном уровне предлагается научное осмысление и понимание сути глобализации как социального феномена. И здесь же уже на эмпирическом уровне (на основании данных статистики, экспертных оценок, социологических опросов) ведётся исследование (и измерение) разнообразных проявлений этого процесса и его социальных последствий. Во втором разделе доклада анализируются социальные изменения, происшедшие в украинском обществе в условиях глобализации. Здесь, как пишут авторы, «впервые в украинской экономической социологии анализируется динамика основных макроэкономических и социологических показателей жизни украинского общества почти за 30 лет его дрейфа на обочину глобального капиталистического мира» (1, с. 8).

Концептуальный подход авторов доклада к исследованию социальных изменений в украинском обществе в условиях экономической глобализации (ЭГ) представляется обоснованным. Тем более, что авторы исходят из такого виде-

ния глобализации, которое позволяет не только раскрыть суть этого процесса, но и указать на его движущую силу. Это важно подчеркнуть, так как (и на это указывают авторы доклада) в современной социологической науке насчитывается около тысячи определений этого планетарного процесса. Многие из этих определений схожи, поэтому важно вычленил самое главное и самое важное в характеристике этого процесса. А это, по мнению авторов, – интеграция стран и народов в единое общепланетарное целое благодаря капиталу, капиталистическому способу производства, присущему капиталу стремлению к становлению глобального капитализма. Вполне уместно авторы ссылаются на «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи... Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию... Словом, она создаёт себе мир по своему образу и подобию» [2, с. 427]. Конечно, «глобализация» XIX века настолько отличается от сегодняшней, что слово, обозначающее тогдашний процесс уместно взять в кавычки, но суть его и тогда, и сегодня одна и та же: стремление капитала к неукротимому росту, в том числе и пространственному. Да, сегодняшний капитал по сравнению с капиталом почти 200-летней давности вырос не только количественно. Он, пройдя длительный исторический путь, занял новые черты, которые позволяют ему выглядеть более «цивилизованным». Он приспосабливается к современности, но и все её достижения использует в собственных интересах: коммуникации, цифровые технологии – все прочие достижения науки и техники. Именно они выводят сегодня глобализацию на новый, невиданный ранее высокий уровень, облегчают вовлечение в глобализационный процесс всё новые ареалы планеты.

Авторы доклада различают в процессах глобализации объективную и субъективную стороны. Они пишут, что «с одной стороны ЭГ является естественной-сторическим объективным процессом, прежде всего, в смысле международного разделения труда, с другой – ЭГ является субъективным процессом формирования глобальной капиталистической экономики под эгидой ведущих западных государств, наднациональных финансово-экономических учреждений (прежде всего ВБ, МВФ и ВТО), транснациональных корпораций и банков. В наше время все они являются основными драйверами современных планетарных процессов и агентами социальных изменений, которые определяют формы и направления глобализации мировой экономической сферы, а также количественные и качественные параметры главных потоков глобальной экономики в пределах стран «ядра» полупериферии и периферии в интересах «сильных мира сего» (1, с. 25-27). Представляется, что именно такое разделение на объективную и субъективную сторону в процессах глобализации выглядит неубедительно. Авторы сами же, выделяя суть современной глобализации, указывают на её изначально капиталистический характер. То-есть, драйвером международного разделения труда в том виде, в каком оно существует сегодня, является именно капитализм, который создал наднациональные институты для направления процессов глобализации в своих интересах. Представляется, что диалектика объективного и субъективного в данном случае гораздо тоньше и глубже, а не так прямолинейна и «механистична», как следует из доклада. Разумеется, есть и международный валютный фонд, и ВТО, и другие наднациональные институты, но есть и национальные экономические интересы стран «ядра», которые имеют прежде всего объективную основу. И как показывает практика, интересы эти не всегда совпадают. Интересы глобального капитала тоже в основе своей объективны. Другой вопрос – как они, эти объективные интересы осознаются? Углубляя этот вопрос, следует задуматься о том, как осознаёт объективные национальные экономиче-

ские интересы Украины правящая страной политическая элита? Авторы доклада ссылаются на мнение президента Украинской ассоциации Римского клуба В. Галасюка, который пишет, что «Украина может на собственном опыте показать миру как навязанная нам неолиберальная идеология, которая проросла в экономическую политику, привела к масштабным разрушительным последствиям: деиндустриализации, неравенству, бедности и миграции населения, а также чрезмерной долговой зависимости государства и привыканию к паллиативной макрофинансовой помощи» (1, с. 23). В. Галасюк пишет о «навязанной» Украине неолиберальной идеологии. Принимать её или не принимать (или в какой степени принимать?) – это уже субъективное решение руководства страны.

Диалектика объективного и субъективного в глобализационных процессах совершенно не учитывается антиглобалистами, но, как правильно указывают авторы доклада, на неё особое внимание обращают учёные-альтерглобалисты, которые выступают не против глобализации вообще, а за альтернативную глобализацию, которая отвечает интересам всех людей, а не верхушкам иерархий (1, стр. 11). С позиций альтерглобалистики как раз и выступают авторы рецензируемого доклада.

После ухода с исторической арены «реального социализма» капиталистическая глобализация закономерно распространилась на территории, которые прежде были для неё недоступными, в том числе и на Украину. В данной связи следует указать на неточность утверждения, согласно которому украинское общество почти 30 лет дрейфовало на обочину глобального капиталистического мира. Откуда? Из центра этого мира? Нет. Оно только и могло притулиться на обочине этого капиталистического мира, отказавшись от социализма. Украинское общество в этом смысле разделило общую судьбу стран постсоциалистического мира. Для кого-то из них в силу разных причин переход к капитализму оказался проще, для иных сложнее. Для Украины он стал, пожалуй, самым трагичным. В докладе отмечается, что в результате почти 30-летних неолиберальных экспериментов Украина стала беднейшей страной Европы по размеру ВВП на душу населения (1, с. 62).

Действительно, в докладе констатируется, что уровень зарплат в современной Украине является самым низким среди всех европейских стран, а потребительская корзина украинского гражданина по своей структуре и стоимости абсолютно несопоставима с потребительской корзиной гражданина европейских государств (1, с. 68). При этом, подчёркивают авторы доклада, политика многократного (более чем в 10 раз!) повышения тарифов на услуги ЖКХ, шаг за шагом внедряемая в Украине с 2014 года, в условиях постоянного и значительного роста цен на все основные товары и услуги стала непосильным бременем для большинства населения (1, с. 69).

Из текста доклада следует, что по мере вовлечения Украины в процессы глобализации ситуация в стране ухудшается. Из существующих на сегодняшний день инструментов измерения степени глобализованности, авторы выбрали индекс глобализации, разработанный Швейцарским экономическим институтом¹. В докладе приводятся индексы глобализации Украины с 1991 по 2017 год (1, с. 40-41). Приведённые данные свидетельствуют о том, что степень глобализованности украинской экономики за рассматриваемый период выросла в 3,6 раза. Общий индекс глобализованности страны вырос в 2,5 раза, индекс политической глобализованности – в 2,2 раза, социальной – в 1,7 раза. Авторы обращают внимание на тот факт, что, хотя именно экономическая глобализация является определяющей разновидностью глобализационных процессов, её ин-

¹ О структуре и расчёте индексов глобализации говорится на стр. 37-41 рецензируемого доклада. Об Индексе уровня глобализации стран мира (KOF Globalization Index), разработанном в 2002 г. исследовательской группой Швейцарского экономического института, см. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/kof-globalisation-index> (дата обращения 01.05.2021).

декс, как в начале вхождения Украины в глобальное экономическое пространство, так и сегодня, остаётся сегодня самым низким среди трёх составляющих интегрального процесса глобализации и составляет 65,0, тогда как индекс политической глобализации равен 89,2.

Это естественно, так как экономическая глобализация – процесс гораздо более сложный, объёмный и, если так можно выразиться – фондо- и материалоёмкий. Взять хотя бы такие составляющие экономической глобализации как объём международной торговли и торговые потоки. Высокие объёмы международной торговли предполагают спрос на экспортные товары Украины, а импортные товары, соответственно, должны оплачиваться за счёт экспортной выручки. Как с этим обстояло дело с самого начала процесса вхождения Украины в глобальный рынок?

Во введении к докладу говорится о высоком экономическом потенциале, которым обладала Советская Украина, авторы цитируют справочник ЦРУ, составленный для нужд Правительства США: «После России Украинская республика была важнейшим экономическим компонентом бывшего СССР, производя примерно в четыре раза больше продукции, чем республика, занимающая следующее место. Её плодородный чернозём производил более четверти советской сельскохозяйственной продукции, а её фермы обеспечивали существенное количество мяса, молока, зерна и овощей для других республик. Аналогично её разнообразная тяжёлая промышленность поставляла уникальное оборудование... и сырьё на промышленные и добывающие комплексы ... в другие области бывшего СССР»². Далее следует уже авторский текст: «После выхода из состава СССР Украина получила богатое индустриальное наследие – десятки промышленных гигантов союзного подчинения и значения, способных производить на уровне мировых требований первоклассные самолёты, ракеты, суда и т.п., недоступные для производства и сегодня большинству экономически развитых стран. Её экономический, человеческий, научный и культурный потенциал, выгодное географическое положение, богатые недра и плодородная земля создавали благоприятные условия для успешного развития народного хозяйства и вхождения в глобальное экономическое пространство на правах равноправного партнёра» [1, с. 5]. Но дело в том, что глобальному капиталу высокий экономический потенциал Украины был не нужен! Следует отметить, что он был высоким только по советским меркам: эффективность производства, производительность труда на советских предприятиях Украины (как и на всех прочих предприятиях Союза ССР) был значительно ниже, чем на аналогичных предприятиях передовых стран. Требовалось дорогостоящее техническое перевооружение для того, чтобы эти предприятия стали конкурентноспособными. Как известно, чаще бывает выгоднее построить предприятие, отвечающее современным требованиям, «с нуля», чем перестраивать давно существующее. С этой точки зрения страны, вливающиеся в капиталистическую систему, не обременённые наличием большого числа крупных предприятий оказались даже в более выгодном положении чем те, в которых имелся значительный объём устаревших производственных фондов – затраты на модернизацию производственной базы в них оказались ниже. Но если даже, предположим, экономический потенциал Украины был бы самым современным, он не был бы нужен глобальному капиталу, так как, не будучи инкорпорирован в него, стал бы его конкурентом. Но и это утверждение сомнительно! Украина (как и другие республики бывшего СССР) ко времени «выхода из социализма» не имела финансовой системы, которая могла бы составной частью войти в глобальные финансы. Ведь это чрезвычайно сложный организм, который складывался и рос постепенно. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этой теме, тем более что рецензируемый доклад её не касается («финансовая глобализа-

² CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/ukraine/#economy> (last request 19.04.2021) (In Russ.).

ция», как составляющая «экономической глобализации» упоминается лишь при рассмотрении структуры индекса экономической глобализации, разработанного Швейцарским экономическим институтом). Но важно и упомянуть финансовую глобализацию, так как, если Украина рассчитывает на рост инвестиций, её финансы должны стать полноценной составной частью мировой финансовой системы. В докладе же констатируется факт нестабильности банковской системы, отсутствие стабильных финансовых институтов (1, стр. 71).

После распада СССР кооперационные связи между предприятиями нарушились, спрос на товары со стороны бывших союзных республик упал в разы. Результат – стремительное сокращение объёмов производства.

Всего лишь тридцать лет назад многие в бывшем СССР всерьёз думали о том, что к рынку можно было перейти всего за 500 дней. Украина – не исключение. В докладе цитируются слова Л. Д. Кучмы из его книги «Украина – не Россия»: «Мы входили в рынок сломя голову, вообще без всякой подготовки, не имея целостной стратегии и тактики трансформации, копируя «чужие» законы и опираясь на непроверенные мифы» (3, с. 172). Прошло тридцать лет с начала «перехода к рынку», а Украина, как, впрочем, и Россия, всё ещё на периферии глобального капитализма. России легче – всё же и экономический потенциал её выше, и сырьевая его составляющая за счёт экспорта углеводородов позволила не так болезненно перенести катастрофический экономический спад. Но, по большому счёту, наши две страны – «в одной лодке» с точки зрения места, занимаемого в мире и с позиции перспектив продвижения на более выгодные для нас позиции. Потребуется огромные усилия для того, чтобы выйти на траекторию вывода наших стран на орбиту современного экономического развития.

Под современным экономическим развитием в данном случае понимается ускоренное развития «экономики знаний» и человеческого капитала.

Вернёмся к рецензируемому докладу. Его авторы закономерно особое внимание уделили состоянию науки, озаглавив один из разделов доклада так: «Деградиация науки в современной Украине». В этом разделе приводятся такие данные: государственные затраты на одного украинского учёного втрое ниже, чем в России, в 18 раз ниже, чем в Бразилии, в 34 раза ниже, чем в Южной Корее, в 70 раз ниже, чем в США (1, с. 84). Действительно, научный потенциал Украины буквально рухнул за последние три десятилетия. Казалось бы, российские позиции выглядят лучше, но это только кажимость. Недаром лауреат Нобелевской премии учёный-физик и общественный деятель Ж. Алфёров, назвал сборник своих статей и интервью за многие постсоветские годы «Власть без мозгов. Кому мешают академики» [4]. И в России государственный сектор науки и образования был доведён до плачевного состояния и лишь недавно начали предприниматься серьёзные усилия, направленные на исправление этого положения и изыскиваться средства для этого. Да, наука сегодня интернациональна, и, казалось бы, какая разница – сделано научное открытие в Украине, в России, или в Южной Корее – оно принадлежит всем, всему человечеству. Но, на самом деле, существование научного сектора чрезвычайно важно для государства, которое претендует на право именоваться «современным государством». «Экономика знаний» не может возникнуть без научного сектора, а без такой экономики не может быть современного государства, и, что ещё важнее – современного общества. Авторы доклада пишут о том, что отраслевой и заводской секторы украинской науки практически уничтожены (1, с. 85). Отметим, что это утверждение верно и для России.

Теперь – о «человеческом капитале». В Украине он, как следует из рецензируемого доклада, деградирует. В докладе отмечается, что экономика Украины испытывает дефицит высококвалифицированных рабочих и специалистов по ряду специальностей, снижается качество имеющихся трудовых ресурсов (1, с. 66), а это – угроза будущему страны. Так как в Украине чрезвычайно высока сте-

пень распространения нестандартной занятости (НСЗ) – по расчётам авторов от почти половины (44%) до большинства (56%) занятых, то оказывается, что нет стимулов получения профессионального образования. Одна из разновидностей НСЗ – это самозанятость. Среди самозанятых, по подсчётам авторов доклада, 65% работают без письменно оформленного трудового договора. А среди нестандартно занятых наёмных работников по устной договорённости работают 59% (1, с. 64). Получается так, что для значительной части трудоспособного населения страны трудовое право просто не существует!

Понятно, что в такой ситуации растёт трудовая миграция. В докладе приводятся данные о том, что, по экспертным оценкам, отток работников за границу колеблется от 4 до 10 млн человек, а зарубежные заработки стали весомой доходной статьёй бюджета украинских домохозяйств (1, с. 65). Молодёжь не видит для себя будущего в собственной стране и стремится уехать из неё. По мере того, как в других странах обживают покинувшие свою страну граждане, облегчается возможность эмиграции для представителей последующих поколений. Это приведёт к неизбежной депопуляции страны. Это тем более обидно, что дешёвая и обладающая высокой квалификацией рабочая сила – одно из важнейших конкурентных преимуществ Украины. Её сохранение и развитие – залог успешного экономического развития страны в будущем. Поэтому один из важнейших приоритетов Украины – развитие отечественного образования.

В докладе даётся констатация неутешительного факта: «В результате построения «капитализма для своих», олигархизации страны, всеохватывающей коррупции, подавления воли и возможностей большинства граждан к реальному сопротивлению действиям властей, направленных на ухудшение их жизненного уровня, в Украине образовалось неправовое, антисоциальное и недемократическое государство» (1, с. 6). Тяжёлый диагноз. Но точный.

Завершают доклад научные рекомендации, своего рода рецепт лекарства больному государству от интеллектуалов, которые осознают свою ответственность перед обществом. Рекомендации даются с «целью преодоления негативного влияния неолиберальной глобализации, которая привела к долгосрочному социально-экономическому кризису в Украине (1, с. 97). Рекомендации разумные, при наличии политической воли и желании им следовать – осуществимые.

Находясь в положении «стороннего наблюдателя» хочется отметить, что не только неолиберальная глобализация привела Украину к бедственному положению, в котором она сегодня находится. Коррупция, например, обязана своему расцвету (как и в России) не благодаря занесённым извне бациллам, а исключительно собственным, выращенным в «домашних условиях». И Россия, и Украина «вышли» из Российской империи, которая позже превратилась в Советский Союз, социально-политическое наследие у нас общее и оно не может не оказывать влияния на протекание сегодняшних социально-экономических процессов. У нас и «болезни» общие, в частности, – коррупция.

Выше говорилось о широчайшем распространении в Украине нестандартной занятости, причём настолько широким, что авторы рецензируемого доклада пишут, что именно нестандартная занятость стала обыденным, «стандартным» явлением (1, с. 63). Это явление, как и коррупция, своим распространением обязано не глобализации, а доморощенному бизнесу, который и использует формы нестандартной занятости в собственных интересах для извлечения дополнительных прибылей, нарушая действующее законодательство. Сегодня в Украине постоянно растёт число иностранных заводов по производству автомобильных компонентов (немецких, японских, австрийских, французских и др. производителей)³. Со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что на этих пред-

³ Инвестирование в Украине: статистика, отрасли, информация для инвесторов // DLF attorneys-at-law. 1 февраля 2020. URL: <https://u.to/0HNTGw> (дата обращения 19.04.2021).

приятнях нестандартная занятость не практикуется – иностранные инвесторы дорожат своей репутацией и не пойдут на нарушение закона (все иностранные инвесторы, а не только создающие предприятия в автомобильной отрасли).

Выше сказано о том, что научные рекомендации доклада разумны и осуществимы. В первую очередь, важны рекомендации относительно дальнейшего проведения реформ в социальной сфере. В докладе говорится, что в 2019 году, по данным мониторинга Института социологии НАН Украины, каждый пятый житель страны оценил общество как абсолютно несправедливое, выбрав самый низкий из возможных баллов (1, с. 88). Это много! Автор правы, когда пишут о том, что в конечном счёте это ведёт к дестабилизации социума и ослаблению украинского государства.

Спрос на социальную справедливость в обществе, как следует из доклада – растёт. Игнорирование этого спроса со стороны властей несёт угрозы общественному спокойствию.

Картина постепенного умирания Украины, нарисованная в докладе, печальна. Невозможно представить себе, что Украины не будет. Не будет Украины Н. В. Гоголя, о которой он так чудно писал на русском языке. Не будет той Украины, которую любил очень-очень русский писатель Н. С. Лесков. Невозможно смириться с этой мыслью. Хочется надеяться, что Украинское государство возродится и с периферии глобального мира будет постепенно продвигаться к его центру. Все объективные предпосылки для этого есть, в том, числе и многочисленные конкурентные преимущества страны. Выше говорилось о наличии квалифицированной и сравнительно дешёвой рабочей силы. К этому надо добавить и меньшие, по сравнению со многими странами, затраты на электроэнергию и воду. Кроме того, выгодное географическое положение страны на пересечении основных транспортных магистралей между Европой и Азией, унаследованная от СССР развитая инфраструктура (порты, аэропорты, железные дороги и др.). будущее Украины – в ещё более тесной интеграции её экономического потенциала, прежде всего, со странами ЕС и Россией, которая сегодня остаётся вторым по величине (после Нидерландов) иностранным инвестором в стране. Так что, альтернативы дальнейшей интеграции Украины в мировое экономическое пространство нет. Вопрос только в неукоснительном следовании национальным интересам Украины при выборе маршрута этой неизбежной интеграции.

Библиографический список

1. Куда идёт Украина в XXI веке? Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации: социологическое измерение. Научный доклад / Т. Петрушина, А. Арсеев, В. Буткалюк. Киев : Институт социологии НАН Украины, 2020. 120 с. ISBN 978-966-02-9424-0.

2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Сочинения, 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

3. Кучма, Л. Д. Украина — не Россия. М. : Время, 2003. 560 с. ISBN 5-94117-075-0.

4. Алфёров, Ж. Власть без мозгов. Кому мешают академики. М. : Алгоритм, 2013. 320 с. ISBN: 978-5-4320-0055-2.

Дата поступления в редакцию: 11.05.2021.

Принята к печати: 21.05.2021.

Сведения об авторе:

Бусыгин Андрей Евгеньевич доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социально-экономической безопасности. Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: busygin.andrei@gmail.com

WHERE DO THEY LEAD UKRAINE?

Abstract. Review of the scientific report of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine: *Where is Ukraine going in the 21st century? Social changes in Ukrainian society in the context of economic globalization: sociological dimension. Scientific report / T. Petrushyna, A. Arseienko, V. Butkaliuk. Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, 2020. 120 p. ISBN 978-966-02-9424-0.*

The authors of the report set themselves a goal: to give the most complete and holistic picture of the processes taking place today in Ukraine in the context of global social changes in a concise form, in order not only to convey their conclusions to the scientific community, but also to inform the general public and the authorities about the real situation in the country. And the real situation, according to the authors of the report, "threatens the ability of our state to reproduce its sovereignty and ensure the preservation of the country's territorial integrity".

The impression after reading the report is such that it is still putting it gently about threats! Not even gently, but veiled. Indeed, the words about Ukraine's inability to reproduce its sovereignty and ensure the preservation of the country's territorial integrity are a euphemism for stating Ukraine's dying, sliding towards ruin, towards death. And not because Russia or some other state will dismember it, but because the state's economy is withering, the social sphere is deteriorating, the population is becoming impoverished, young people are leaving to live abroad, and, ultimately, Ukraine is dying.

Keywords: Ukraine, economic globalisation, Ukrainian society, socio-economic crisis.

For citation: Busygin A. E. (2021) Where do they lead Ukraine? Science. Culture. Society. Vol. 27. № 2. P. 91-98. DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.9

References

1. Petrushyna T., Arseienko A., Butkaliuk V. (2020) *Where is Ukraine going in the 21st century? Social changes in Ukrainian society in the context of economic globalization: sociological dimension.* Scientific report . Kyiv: Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. 120 p. ISBN 978-966-02-9424-0 (In Russ).
2. Marx, K., Engels, F. (1955) *The German Ideology. In Collected works*, 2nd edn. M.: Politizdat. Vol. 3. Pp. 7–544 (In Russ).
3. Kuchma, L. D. (2003) *Ukraine is not Russia.* M. : Vremya. 560 p. ISBN 5-94117-075-0 (In Russ).
4. Alferov, Zh. I. (2013) *Power without brain. Who gets in the way of academics.* Moscow : Algorithm. 320 p. ISBN: 978-5-4320-0055-2 (In Russ).

The article was submitted on May 11, 2021.

Accepted on May 21, 2021.

Information about the author:

Andrey E. Busygin, Doctor of Economics, Professor,
Main Researcher of the Socio-Economic Security Department,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: busygin.andrei@gmail.com

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Р
(ЭЛ № ФС77 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Ответственный секретарь – Гребняк Оксана Валерьевна
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru

Материалы журнала размещены в на сайте
http://www.journal_scs.ru/
Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных
научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2308 829X print
ISSN 2713-0681 online

Подписано в печать 01.07.2021 г.